

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ
БИТВА
ИМПЕРАТОРОВ

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Последняя битва императоров.
Параллельная история Первой мировой
Серия «Русская история»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17714640

Валерий Шамбаров. Последняя битва императоров. Параллельная история Первой мировой:
Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0388-3

Аннотация

В своей книге известный историк и писатель Валерий Шамбаров рассказывает о Первой мировой войне, которую современники называли Второй Отечественной, а победившие большевики объявили империалистической и приказали забыть. Но историческую память не убить, и автор, скрупулезно восстанавливая забытые события начала XX века, одновременно проводя параллели между Первой и Второй мировой, раскрывает перед читателем истинные причины того, почему мир дважды за 25 лет сошелся в смертельной схватке.

Содержание

1. Пролог на Дворцовой площади	5
2. Увертюра для оркестра мировых держав	7
3. Кайзер и царь	11
4. Антанта	15
5. Тучи сгущаются	18
6. Россия перед схваткой	21
7. Русские противники	24
8. Русские союзники	31
9. Началось...	34
10. Армии и планы	40
11. Первые бои	49
12. Льеж	55
13. Гумбиннен	58
14. Гельголанд, Арденны, Намюр	65
15. Прусское поражение	69
16. Львов	77
17. Марна	85
18. Эна	93
19. А что такое «цивилизация»?	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Валерий Шамбаров

Последняя битва императоров.

Параллельная история Первой мировой

© Шамбаров В. Е., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

МОЛИТВА ВОИНА

перед вступлением в бой с врагами Отечества

Господи Боже, Спасителю мой! По неизреченной любви Твоей Ты положил душу Свою за нас. И нам заповедал полагати души наша за друзей своих. Исполняя святую заповедь Твою и уповая на Тя, безбоязненно иду я положить живот свой за Веру, Царя и Отечество и за единомысленных братьев наших. Сподоби меня, Господи, непостыдно совершить подвиг сей во славу Твою. Жизнь моя и смерть моя – в Твоей власти. Буди воля Твоя. Аминь.

1. Пролог на Дворцовой площади

2 августа 1914 г. люди стекались к Зимнему дворцу. Масса народа запрудила Дворцовую площадь, прилегающие улицы. Реяли флаги, транспаранты – «Да здравствует Россия и славянство!» Собирались рабочие, студенты, чиновники, гимназисты. Но все были сдержанны, торжественно строги. Были одеты по-праздничному, хотя шли совсем не на праздник. Из разных уст звучали одни и те же слова: «Германия... Вильгельм... сербы...» Все уже знали – немцы объявили войну, по колоннам там и тут порхали листки с царским Манифестом.

В залах дворца тоже былолюдно. Мундиры военных, фраки дипломатов и сановников. Рокотали басы священников, стройно и возвышенно пел хор. К небесам возносился молебен о даровании победы русскому оружию. По стране начиналась мобилизация – и первым из воинов принимал присягу сам государь. Это была старая присяга, такая же, какую приносил его прадед Александр I в грозном 1812 г. Отблески свечей играли на золотом окладе Святого Евангелия, в напряженной тишине звучали проникновенные и волнующие слова... Николай Александрович негромко, но твердо обратился к присутствующим. Он не желал этой войны. До последней возможности старался предотвратить ее. Но теперь, когда она уже началась, государь говорил другое. Говорил, что никогда не согласится закончить войну, пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем.

Тишина взорвалась громовым «ура». Оно будто переполнило дворец, покатилося по залам, коридорам, из окон перехлестнуло на площадь – людское море не слышало слов царя, но тоже подхватило, и могучее «ура», нарастая, расплеснулось во все стороны. Николай II вышел на балкон, за ним появилась императрица. Когда люди увидели государя, бесчисленную массу будто пронизала электрическая искра, и воздух сотрясся новым «ура». Склонились знамена, и толпы в общем порыве упали на колени – все вместе, как один человек. Царь хотел что-то сказать, поднял руку. Передние ряды затихли, но задние не видели этого, оттуда опять накатывалось «ура», штормовыми непрерывными волнами. Николай Александрович понял, что его все равно не услышат. Но нужны ли были слова? Он просто стоял, склонив голову, пряча растроганные слезы. В трудный час они были едиными – царь и народ. Это чувствовалось и сердцем государя, и всеми русскими сердцами, тянувшимися к нему.

Потом император удалился в свои покои, люди тоже начали расходиться. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко очутился рядом с большой группой рабочих. Полусутоливо поинтересовался: а вы-то как сюда попали? Всего месяц назад бастовали, бузили, грозили чуть ли не за оружие взяться, чтобы зарплату повысили? Ему ответили серьезно, без улыбок: «То было наше семейное дело. Но теперь дело касается всей России. Мы пришли к своему царю как к нашему знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами».

По улицам растекались гражданские люди. А шагали уже по-военному – твердо, уверенно... Они еще не знали, что минует три года, и все переменится, что они поделятся на красных и белых, на монархистов, демократов, учредиловцев, меньшевиков, эсеров, анархистов, большевиков. Потом будут делиться на ленинцев, троцкистов, правые и левые оппозиции. Все будут враждовать, воевать, казнить друг друга... Нет, этого еще не было. Русские люди были едиными. А раз так, то и победить их не мог никто. Они шли, чтобы грудью встретить врага. Шли на битву, может быть – на страдания и смерть, но вдохновенно, торжественно, как идут на святой подвиг. Военные оркестры играли марш «Прощание славянки»:

...Дрогнул воздух, туманный и синий,
И тревога коснулась висков,
И зовет нас на подвиг Россия.

Веет ветром от шага полков...

2. Увертюра для оркестра мировых держав

Первая мировая война перечеркнула историю «старой доброй Европы». Рухнул мир чопорных дам, благородных джентльменов, галантных офицеров, патриархальных фермеров, отважных путешественников. Мир классической музыки, классической литературы, поэзии... Впрочем, не будем пересказывать розовых легенд из романов и кинофильмов. XIX и начало XX в. на самом деле были хищной и жестокой эпохой. Европейские державы увлеченно делили и перекраивали земной шар. Чтобы выглядеть «великими», каждая стремилась иметь колонии.

Блеск и величие западной цивилизации достигались вовсе не за счет передового общественного устройства или высокой культуры, а за счет ограбления других стран. А награбленные средства как раз и позволяли европейцам развивать свою науку, технику, искусство, образование. Ни о какой «толерантности» даже речи не было. Считалось само собой разумеющимся, что белая раса призвана господствовать над миром, а прочие народы – всего лишь «грязные дикари». Поэтому колонизаторы ничуть не считали себя хищниками. Официально утверждалось, что они выполняют благую миссию управлять «неполноценными» народами, а взамен выкачиваемых богатств «дикари» получают западную культуру.

В Азию, Африку, на острова Индийского и Тихого океанов эта культура внедрялась в виде разврата, пьянства, алчности, бездуховности. Кое-где ее отказывались принимать. Например, Китай запретил ввоз опиума из Индии. Что ж, тогда британские и французские эскадры бомбардировали китайские портовые города. Расстреливали до тех пор, пока пекинское правительство не сдалось и не открыло дорогу наркотикам. Получилось очень выгодно. Отныне Китай быстро разрушался, волна наркомании подрывала экономику, торговлю, обороноспособность, белые люди легко захватывали страну под контроль. И все это без малейших затрат. Наоборот, в их кошельки текли колоссальные прибыли.

А некоторые народы предпочитали просто истребить. Англичане в середине XIX в. поголовно уничтожили жителей Тасмании. Исчезли без следа патагонцы, огнеземельцы. В США изгоняли с родной земли индейцев, вытесняли в пустынные места, убивали в карательных экспедициях, подбрасывали зараженные оспой одеяла. Восстания в колониях подавлялись суровейшим образом, тут уж вообще не церемонились.

Но и сама Европа в XIX в. очень отличалась от лубочных картинок с пышно наряженными господами и дамами. С красивыми центральными улицами городов соседствовали трущобы бедноты. Рабочие эксплуатировались на износ, о какой-либо технике безопасности, ограничении детского и женского труда еще никто не заикался. В 1845 г. в Ирландии не уродился картофель, крестьяне из-за этого не могли уплатить ренту, и их сгоняли с земли. За 5 лет умерло от голода около миллиона человек. Если же чернь бунтовала, с ней расправлялись не менее круто, чем с «дикарями». Демонстрации расстреливали и в Америке, и в Швейцарии, и в Германии. В Париже при подавлении восстания 1848 г. казнили 11 тыс. человек. А при подавлении Парижской коммуны в 1870 г. маршал Мак-Магон казнил 20 тыс. Его признали спасителем Франции и громадным большинством голосов избрали президентом.

В британской армии, на флоте, в учебных заведениях широко практиковались телесные наказания. Их отменили лишь в начале XX в. А в британской Индии телесные наказания официально применялись до 1930-х гг. В Германии и Австрии до 1848 г. существовало крепостное право, в США до 1865 г. процветало рабовладение, причем в войне Севера с Югом Англия и Франция поддерживали южных рабовладельцев. В Бразилии и Австралии рабство продержалось до конца XIX в., в Южной Африке – до 1901 г. А жители колоний, даже сохранявшие личную свободу, все равно не признавались полноценными людьми.

Но была одна великая держава, не похожая на другие – Россия. Она раскинулась от Балтики до Тихого океана, однако ее пространства были не колониями, а органическими частями империи. Грузины, литовцы, якуты в составе государства были полноправными «русскими» – в отличие от индусов в Британии или вьетнамцев во Франции. Численность коренных народов Сибири и Севера увеличивалась. Россия, в противовес Западу, развивалась и богатела за счет собственных ресурсов. Она перенимала некоторые зарубежные достижения, но не копировала чужеземные модели управления, оставалась самодержавной монархией. Страна была многонациональной, каждому народу дозволялось исповедовать свои религии, тем не менее, ведущую роль сохранило Православие. Кстати, внутри империи вообще не было разделения по национальностям, только по вероисповеданиям. Быть православным автоматически подразумевало быть русским. А Самодержавие и Православие обеспечивали монолитность и несокрушимость Отечества.

Запад издавна завидовал богатствам России, пугался ее могущества. Между прочим, в течение всего XIX в. она ни разу не напала ни на одно европейское государство. Несмотря на это, зарубежная пропаганда постоянно поднимала тему «русской угрозы», не жалела в адрес нашей страны самых черных красок. Правда, угроза и в самом деле существовала – экономическая. Русские были главными конкурентами мировых лидеров, Англии и Франции, к их враждебной политике примыкала Австрия.

Вредить пытались разными способами. Раз за разом разжигались восстания в Польше. Когда-то Екатерина II потребовала от поляков прекратить гонения на православных. Заносчивый отказ привел к войнам, и Польша была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. Положение поляков, попавших под власть Петербурга, было ничуть не хуже, чем в двух других государствах, у австрийцев они вообще оставались неполноправным «меньшинством». Но Запад выступал за «свободу» только для российских подданных. Мятежники базировались на австрийской территории, щедро подпитывались французским золотом. Повстанцев, которые резали русских, Европа чествовала как героев. А солдат и офицеров, усмирявших их, клеймила «палачами». Причем речь шла об «освобождении» не только польских областей. Нет, под «освобождением» понималось восстановление Польши в «старых границах», с присоединением Литвы, Белоруссии, Украины.

Благодаря западной помощи на несколько десятилетий затянулась жестокая война на Северном Кавказе. Еще одним орудием англичан и французов стала Турция. Иногда она налаживала дружбу с Россией, даже заключала военные союзы, и каждый раз это оказывалось весьма выгодно обеим сторонам. Но европейские державы старательно рушили сближение, натравливали Османскую империю против русских. Но войны оборачивались для турок поражениями, а «дружба» Запада была совсем не бескорыстной. В Турции действовал режим «капитуляций» для британских и французских подданных. Они обладали правом экстерриториальности, не платили налогов и прибирали к рукам экономику. Пользуясь затруднениями Османской империи, французские «друзья» отхватили у нее Алжир, британские – Египет и Кипр.

Ослабление Турции вызвало национально-освободительное движение подвластных ей христианских народов, и на Балканах завязался серьезнейший узел международных противоречий. Россия не претендовала на здешние земли, но она брала под покровительство православных греков, сербов, болгар, румын. Западные державы реагировали на это крайне болезненно, стремились перетянуть освобождающиеся народы под собственное влияние.

Наконец, в 1853 г., европейские противники рискнули выступить против России открыто. Подстрекнули очередной раз напасть Турцию, и тут же вмешались Англия, Франция, Пьемонт (Северная Италия). Фактически их сторону приняли Австрия, Дания. Строились грандиозные планы – разгромить русских, навязать «возрождение Польши» (с Украиной, Белоруссией, Литвой), отторгнуть Финляндию, Закавказье отдать туркам, на Северном

Кавказе создать государство Шамиля... Не вышло. Только Франция похоронила в России 200 тыс. солдат, огромные потери понесли англичане, турки, итальянцы.

Такими жертвами удалось захватить одну лишь южную сторону Севастополя. А на Кавказе русские победили, заняли мощную крепость Карс. Отбили нападения на Балтике, Белом море, Камчатке, в дальневосточном заливе Кастри русская флотилия разгромила вчетверо сильнейшую британскую эскадру. Но Россия очутилась в международной изоляции, ее вынудили признать поражение. Правда, и на расчленение страны больше губы не раскатывали. Навязали куда более скромные требования: запретили держать военный флот на Черном море, протекторат над балканскими христианами передали «под покровительство Европы».

Запад широко использовал против России и тайное оружие, подрывную идеологию. Этому немало способствовало увлечение западничеством, царившее в верхушке русского общества. Аристократия тянулась к европейским модам, нравам, вступала в браки с зарубежной знатью, нанимала иностранных гувернеров для детей, посылала их за границу учиться. Выписывала британские и французские газеты, черпая из них оценки событий, интересовалась теми или иными «прогрессивными» учениями. Возникали масонские ложи, невзирая на то, что они неоднократно запрещались указами государей.

Но все же до поры до времени подобные методы оказывались недостаточно эффективными. Единственное восстание декабристов было легко разогнано. А когда над страной нависала опасность, народ спланивался против внешнего неприятеля. Да и неудачная война отнюдь не стала для нашей страны катастрофой. Она быстро оправилась. Александр II развернул широкие реформы. В 1861 г. были освобождены крепостные крестьяне – чуть позже, чем в Германии и Австрии, но пораньше, чем отмена рабства в США и британских доминионах. Внедрялось демократическое земское самоуправление. Началось бурное развитие промышленности, строительство железных дорог, реорганизовывалась армия.

После Крымской войны мировую политику пытались определять Англия и Франция. Но они косо поглядывали друг на друга, грызлись между собой. А со временем обстановка менялась. В полосе войн и революций разобщенные итальянские государства сбросили зависимость от Австрии, и возникла Италия. Заявила о себе и Пруссия. «Германский мир» представлял собой несколько десятков королевств, княжеств, вольных городов. Возглавлял их австрийский император из династии Габсбургов – когда-то немецкие государства входили в «Священную Римскую империю». Но верховенство императора осталось чисто формальным, он был лишь председателем на съездах князей, имперских сеймах. Объединению Германии Австрия препятствовала, чтобы совсем не потерять свое первенство. Мешала и Франция, опасаясь усиления соседей.

Положение изменил министр-председатель Пруссии Бисмарк. Он пошел на сближение с Россией. Заключил союз с Италией и при поддержке русских спровоцировал войну с Австрией. Пруссия к ней прекрасно подготовилась, впервые проявил себя немецкий генштаб под руководством Мольтке. Австрию разнесли «блицкригом», всего за две недели. По итогам войны был создан Северо-Германский союз из 22 государств – во главе с Пруссией. Франция в ту пору была очень агрессивной страной. Высокомерно потребовала: она, так и быть, признает приобретения Пруссии, если ей отдадут южно-германские княжества. Бисмарк отказал. В Париже началась военная истерия. Французы рвались поколотить немцев, правительство уже размахало планы, что их «естественная граница» должна пройти по Рейну. Полезли драться. Но Пруссия именно этого добивалась! Вдребезги разгромила Францию. Отобрала Эльзас, часть Лотарингии, где население было смешанным, из немцев и французов. Наложил контрибуцию в 5 млрд. франков. А главное, победа объединила Германию. В пышных декорациях захваченного Версаля прусский король Вильгельм I был провозглашен императором.

Россия оставалась его союзницей. Военной демонстрацией она не позволила Австрии выступить на стороне французов, и Вильгельм слал Александру II благодарственные телеграммы. Русские тоже были в выигрыше, они разорвали Парижский трактат с запретом иметь черноморский флот. Но... сразу после победы начальник генштаба Мольтке, начал разрабатывать план войны против России... Германская империя, родившаяся под грохот пушек, вообще стала слишком воинственной. Теперь она уже нацеливалась на роль европейского лидера. В 1875 г. Бисмарк вздумал окончательно добить Францию. Французы в панике обратились к России. В Петербурге отдавали себе отчет, что нарастание германской агрессии обернется бедой и для нашей страны, заступились за Францию, и немцы не осмелились напасть. Но вскоре они получили возможность отомстить.

В Османской империи под влиянием англичан и французов начались демократические реформы. Однако они резко ухудшили положения христиан, на них перекладывали повинности, поборы, местные суды не защищали их, и грабежи, убийства, похищения женщин оставались безнаказанными. В 1875 г. восстали Босния, Герцеговина, Болгария. Султан бросил на них карателей, учинил массовую резню. Россия взывала к «оркестру мировых держав», требуя вмешаться, но Англия блокировала ее предложения. Тогда Александр II объявил Турции войну, заранее заверив великие державы, что не будет присоединять балканские области. Османов разбили, дошли до Стамбула, и в его пригороде Сан-Стефано подписали мир. И тут-то против России снова встал объединенный фронт всей Европы! Вооружались Англия, Австрия, к ним примкнули недавно спасенная Франция, Италия, даже союзная Румыния. Но Бисмарк прикинулся, будто поддерживает царя, был созван конгресс в Берлине. А на конгрессе Германия вдруг переметнулась на сторону англичан. Он стал чудовищным дипломатическим поражением русских. На них нажали совместными силами, принудили изменить мирный договор.

Правда, за Россией оставили занятые ею на Кавказе города Карс, Ардаган, Батум. Но для нашей страны был весьма болезненным вопрос о черноморских проливах. Она не стремилась обладать Босфором и Дарданеллами, как нередко изображала западная пропаганда. Ей требовалось всего лишь право свободного прохода через проливы, через них шел экспорт российского зерна. Западные державы этого не допустили. Подтвердили, что султан может закрывать проливы когда захочет. Боснию и Герцеговину вместо автономии номинально оставили в составе Турции, но «временно» отдали под управление Австрии. Румыния, Сербия и Черногория получили независимость, Болгария – автономию, но их территории урезали, границы перекроили. Часть земель вернули туркам.

В выигрыше осталась Германия. Она подорвала позиции России, впервые выступила международным арбитром. Турецкий султан Абдул-Гамид обиделся на англичан. Счел, что они плохо отстаивали его интересы и от войны с русскими уклонились. А немцы выступили «бескорыстными» друзьями, Османская империя стала сближаться с Берлином. Ну а Австрия, хапнув Боснию и Герцеговину, теперь боялась русских. Поэтому приняла предложение Бисмарка заключить союз. В него вовлекли и Италию, в 1882 г. возник Тройственный союз.

3. Кайзер и царь

В 1880-х гг. страны Запада будто с цепи сорвались. Принялись захватывать в Африке и Азии все, что еще не попало под их власть. Англия и Франция чуть не передрались из-за африканских владений. Но Бисмарк успокоил распалившиеся стороны, предложил поделить Африку, «по-цивилизованному». Организовал конференцию в Берлине и все «честно» распределил. Хотя и себя не забыл – Германия урвала ряд африканских стран, часть Новой Гвинеи и островов в Тихом океане. Мнения негров и островитян, разумеется, не спрашивали.

Россия в эти дразги не вмешивалась. Александр III повел чисто национальную политику, занялся внутренним развитием государства. А среди дворян и интеллигенции в противовес западничеству возникло другое течение – панславизм. Русских возмутило, что европейцы постоянно объединяются против них. Приходили к выводу: надо искать других друзей, близких по крови, укреплять славянское братство. Но это было всего лишь утопией. «Братья» враждовали между собой, болгары воевали с сербами. На Балканы вовсю лезли немцы и австрийцы, возвели на трон Болгарии германского принца Фердинанда Саксен-Кобургского. Балканская интеллигенция тянулась к французам. Местные политики и авантюристы использовали панславистские лозунги только для того, чтобы получить поддержку России.

А Германия бросила деньги от французской контрибуции на развитие промышленности, объединение страны позволило реализовать собственный потенциал. Немецкое производство вышло на второе место в мире после Англии, а по некоторым направлениям и на первое. Вступив в игру «на новенького», Германия осваивала новейшие, самые перспективные отрасли – электротехническую, химическую. Совершенствовала оружие и военную технику. А недавние победы кружили головы. Военно-морской министр Каприви уверенно заявлял, что следующей «войной у нас будет война на два фронта – с Россией и Францией».

Впрочем, более трезвые деятели были настроены осторожно. Начальник генштаба Мольтке оценивал силы России, печальный опыт Наполеона и других ее врагов. В 1875 г. он составил второй план войны против русских, а в 1879 г. третий. Полагал, что совместными ударами немцев и австрийцев получится отобрать только Польшу – захватить и удерживать в оборонительных боях. По расчетам Мольтке, сражаться пришлось бы 7 лет. Пожалуй, дороговато за Польшу. А Бисмарк был уверен, что воевать с Россией вообще нельзя. Можно интриговать, столкнуть ее с кем-то, но самим – ни в коем случае. Он хорошо знал нашу страну, успел послужить послом в Петербурге и указывал: главная сила России заключается не в территориях и армиях, а в народе. Именно народ и есть Россия. Поэтому сокрушить ее невозможно. Даже если добьешься успеха, потом придется жить под угрозой ответного удара.

Бисмарк немало напакостил русским, но не был их врагом. Он был лишь хитрым политиком и любыми способами извлекал выгоду для Германии. Получил за счет России – хорошо. Но в дальнейшей схватке за колонии соперницей немцев должна была стать не Россия, а Англия. Однако Англия являлась и основным врагом русских... Бисмарк четко сориентировался и совершил резкий поворот. Предложил России тайный договор о мире и дружбе. В Петербурге подумали – и согласились. В 1887 г. был заключен «договор перестраховки» на 3 года.

Но союз оказался недолгим. В 1888 г. умер кайзер Вильгельм. Его наследник Фридрих-Вильгельм был тяжело болен и властвовал лишь несколько месяцев. Кайзером стал его сын Вильгельм II. Этому человеку не повезло уже при появлении на свет. При родах ребенку нанесли серьезную травму, у него не работала рука. Он рос с комплексами, вздор-

ным и неуравновешенным. А детские годы прошли в атмосфере военного угара. Его дед и отец громили австрийцев, французов, и маленький инвалид тоже грезил о сражениях.

Корону он получил в возрасте 29 лет и отправился путешествовать. Отличился при европейских дворах скандальным поведением, а в Петербурге познакомился со своим кузеном, наследником престола Николаем Александровичем. Скромный и воспитанный «кузен Никки» в разговорах с экзальтированным «кузеном Вилли» вежливо помалкивал. А кайзеру приятно было чувствовать себя лидером, и он объявил Николая своим другом. Но Александру III очень не понравились планы Вильгельма перекроить мир и постоянная болтовня об этом. Его проекты отвергли, и кайзер обиделся.

Он был вообще обидчивым. Бисмарк пробовал поправлять его в политических вопросах, но кайзер считал такую опеку унижительной. В 1890 г. пришло время продлить «договор перестраховки», и русские готовы были расширить его. Бисмарк был с этим согласен, но Вильгельм обвинил его, что он ведет «слишком русофильскую политику», и отправил в отставку. Канцлером он назначил ярого русофоба Каприви. Первым делом он расторг «договор перестраховки». Сотрудничество между «тевтонами и славянами» Каприви называл «исторически неуместным», заявлял об «удовлетворении народно-психологической потребности в войне с Россией». Союз с Австрией преобразовали из оборонительного в наступательный. Стали заигрывать с враждебной России Англией. Что ж, Петербург отреагировал. В 1893 г. был заключен оборонительный союз с Францией.

Германская активность в это время расплескалась по всем континентам. Немцы купили у китайцев порт Циндао, начали строить там мощную базу. У испанцев приобрели несколько архипелагов. Хотели заодно прихватить Филиппины, но США пригрозили войной. На море они были сильнее и заставили германскую эскадру убраться из Манилы. Вильгельм поссорился и с англичанами. Разразилась англо-бурская война, и кайзер поддержал буров, намереваясь принять их под свой протекторат. Но ему объяснили, что этого делать нельзя – британский флот господствует на море и не позволит перевезти в Южную Африку германские войска.

Отсюда следовал вывод – чтобы вести полноценную колониальную политику, надо иметь мощный флот. Германия приняла одну за другой несколько судостроительных программ. Но к численности флотов очень болезненно относилась Англия. Ее колонии были связаны с метрополией только морскими сообщениями, если кто-нибудь сумеет нарушить их, вся Британская империя рухнет. По мере наращивания германских морских сил отношения с англичанами становились все более натянутыми.

А в дополнение к балканскому узлу противоречий завязался еще один, армянский. В Османской империи проживало около 2 млн. армян. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. поднимался вопрос об обеспечении их прав, как и других христиан, султан Абдул-Гамид пообещал провести необходимые реформы, это было закреплено в решениях Берлинского международного конгресса. Но никаких реформ не последовало. Армян продолжали притеснять. Они слали жалобы в Петербург, Париж, Лондон. Кое-где возникли и отряды сопротивления. Султан решил покарать строптивцев, в 1894 г. устроил резню армян в высокогорном Сасуне. Россия, Франция и Англия заявили совместный протест. Абдул-Гамид рассвирепел. Иностранцы вмешивались в его внутренние дела! От Османской империи уже отпала западная часть, греки, сербы, болгары, а теперь еще и армяне захотят отделиться с восточной частью?

Султан надумал ликвидировать проблему как таковую – просто истребить армян или так запугать, чтобы пикнуть не смели. Организовал банды «гамидие» из добровольцев и уголовников, к ним подключились полиция и войска, и избиение развернулось по всей стране. Было зверски уничтожено 300 тыс. человек, 100 тыс. бежали за границу. Разразился скандал на весь мир, от беженцев, свидетелей-иностранцев в прессу выплеснулись жуткие подроб-

ности. Вступилась русская, британская, американская, французская, итальянская дипломатия, кое-как бойню удалось остановить. Но от решительных мер западные державы уклонились, на Турцию не было наложено никаких санкций.

А Германия вообще не поддержала дипломатических протестов – и оказалась «единственным другом» султана. Абдул-Гамид не преминул ее щедро отблагодарить. Предоставил немецким фирмам различные концессии, привилегии. Во всех странах честили и позорили Османскую империю, однако Вильгельм в 1898 г. отправился туда с визитом. Его пышно приняли в Стамбуле, было подписано соглашение о строительстве Багдадской железной дороги – она должна была протянуться от Берлина и Вены через Балканы, через Малую Азию до Ирака. А в Дамаске кайзер разразился речью, объявив себя... покровителем всех мусульман: «Пусть султан турецкий и 300 миллионов магометан, рассеянных по всему миру, которые поклоняются ему как своему халифу, пусть они будут уверены, что германский император – их друг навсегда». Пояснял, что через эту дружбу возникнет «военная держава, которая может стать угрозой не только для Франции, России и Великобритании, но и для всего мира». А в Петербург было направлено предупреждение: «Если Россия выступит в защиту турецких армян», то и Германия двинет в Турцию войска.

Поддержка «магометан всего мира» требовалась кайзеру по одной простой причине – он задумал войну. Нацелился схлестнуться с Россией и Францией. Для этого пробовал наладить отношения и заключить союз с Англией, но слишком много запрашивал: требовал отдать ему португальские, бельгийские и некоторые британские колонии. Но война все же не началась. Когда взвесили все за и против, стало ясно: даже если англичане будут союзниками или останутся нейтральными, они все равно захватят главные плоды побед. Немцам придется сражаться с русскими, французами, бельгийцами, голландцами, а Британия, владея морями, приберет к рукам колонии, лишившиеся хозяев. Получалось, что затевать драку бессмысленно, пока Германия не построит большой флот. Именно это обстоятельство отсрочило Первую мировую на полтора десятилетия.

А в России умер Александр III, и на престол взошел Николай II. Он тоже понимал, что приближается большая война, но, в отличие от «кузена Вилли», пытался предотвратить ее. В 1899 г., впервые в истории, он предложил провести всемирную конференцию по сокращению вооружений и мирному урегулированию конфликтов. Однако в ту эпоху «цивилизованные» страны лишь открыли рты от удивления и сочли идею царя полным абсурдом. Николай II подняли на смех, газеты с издевкой писали, что «российское правительство решило сэкономить на своих военных расходах».

Правительства вынуждены были согласиться – на словах-то все были «за мир». Но отнеслись к конференции, созванной в Гааге, как к ненужному фарсу. Вильгельм II говорил своим министрам: «Я согласен с этой тупой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч! И чихал я на все постановления!». Британское военное министерство выражало те же мысли более деликатно: «Нежелательно соглашаться на какие-либо ограничения по дальнейшему развитию сил разрушения... Нежелательно соглашаться на изменения международного свода законов и обычаев войны». Конференция закончилась ничем.

К концу XIX в. в мировое соперничество включились еще две державы. На Дальнем Востоке усилилась Япония, планировала подмять под себя китайцев и корейцев. Набирали вес и США. Они преодолели разруху и потери после своей гражданской войны, освоили земли до Тихого океана. А масоны, угнездившиеся при Александре II в русском правительстве, сделали американцам роскошный подарок, за гроши продали Аляску. Традицией политики США был изоляционизм. Согласно доктрине Монро, американцы не допускали европейцев вмешиваться в дела своего континента, но и сами в европейские хитросплетения не

лезли, грабили латиноамериканских соседей. Но со временем аппетиты росли, США начали проявлять себя на мировой арене.

В международных отношениях стали сказываться и другие явления. К рубежу XIX–XX вв. сложился «финансовый интернационал». Крупные банкиры в разных странах переплетались родственными узами, деловыми связями. Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии заправляли делами три ветви Ротшильдов. Они были связаны с британскими Мильнерами, германскими Варбургами, российскими Бродскими. Варбурги были в родстве с российскими банкирами Гинзбургами. Представителем Ротшильдов в США стал Морган, он выдвинулся на роль ведущего банкира Америки. Еще один сотрудник Ротшильдов, Яков Шифф, возглавил второй по значению банк США, путем браков его компаньонами стали братья германского банкира Макса Варбурга. Шифф был также связан с Гарриманами, Гульдами, Рокфеллерами, Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами, ведущим британским производителем оружия Виккерсом и т. д.

Но банкирские круги через подконтрольную им прессу определяли и «общественное мнение» различных государств. Они имели огромное влияние на правительства – ведь победа на выборах определялась финансовыми возможностями сторон. Связи между политическими и деловыми кругами даже не скрывались, и сама политика направлялась в зависимости от интересов американских, британских, французских банков и промышленных корпораций. А кроме родственных и деловых связей, бизнесмены и политики переплетались другими – масонскими. Это обеспечивало поддержку, знакомства, координацию действий. В британских и французских органах власти, армиях, спецслужбах, для человека, не принадлежащего к «вольным каменщикам», с некоторых пор карьера была вообще невозможна. Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяли взаимодействовать структурам в разных странах, объединять усилия на тех или иных направлениях. Рядовой масон мог быть патриотом, искренне верить, что действует во благо своей родины, но высшие иерархи вели собственную линию, и она далеко не всегда совпадала с государственной. Зато четко соответствовала выгодам финансовых олигархов. Возникла система, которую русский философ И. А. Ильин впоследствии назвал «мировой закулисой».

Ну а в России в это же время наконец-то стали приносить плоды многолетние усилия по ее заражению подрывными учениями. Пока они распространялись только среди дворян и интеллигенции, опасность была не столь велика. Кружки террористов и агитаторов ликвидировались полицией, охранным отделением. А простонародье революционерам ничуть не симпатизировало. Но либералы сумели внедрить в России западную систему образования. Профессора, нахватавшиеся за границей знаний вперемешку с идеями «свобод», воспитывали студентов. Студенты становились учителями, сеяли среди рабочих и крестьянских детишек семена безбожия, вольнодумства. И детишки подрастали...

4. Антанта

В 1900 г. все западные державы вдруг ринулись наперебой дружить с Россией. В Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней. Мятежники видели все беды своей страны в засилье иностранцев, убивали европейцев, продавшихся им соотечественников. На их сторону перешла китайская армия. Они захватили Пекин, осадили квартал иностранных миссий. Для подавления формировали экспедиционный корпус из немцев, англичан, японцев, французов, итальянцев. Пригласили и русских. Царь согласился – китайцы погромили поселки русских железнодорожников, банды хунхузов нападали на российскую территорию. Наши войска нанесли стремительный удар, еще до прибытия контингентов из Европы разбили китайцев, освободили осажденные посольства.

Но... дружба тут же и кончилась. Два десятилетия мирного развития сделали Россию самой сильной конкуренткой западных держав. Теперь ее успехи напугали «друзей». Русские упрочили свои позиции в Китае. Вдобавок, завершалось строительство Транссибирской магистрали. Оно сулило нашей стране новый подъем, освоение природных богатств Сибири, открывало быстрый и удобный путь на Дальний Восток. Встревожились англичане, считавшие себя хозяевами в Китае. Озаботились банковские и промышленные круги США – Россия становилась для них опасной соперницей. Озаботились и японцы.

У британской дипломатии была старая непререкаемая традиция: она никогда и ни с кем не брала на себя конкретных обязательств, сохраняла свободу рук. В 1902 г. Англия впервые нарушила традицию, заключила антироссийский союз с Японией. Их сторону приняли США. Под руководством американского банкира Шиффа, Моргана, Рокфеллеров, были собраны средства на военные займы для японцев. В феврале 1904 г. они вероломно напали на русских. И снова наша страна очутилась в международной изоляции! К ее врагам примкнула Турция. Закрыла проливы, и мощный Черноморский флот оказался запертым. Абдул-Гамид начал сосредотачивать войска на границе, натравливать на русских племена Северного Ирана – царю пришлось ввести туда воинские части. Англичане провели переговоры с Францией, полюбовно решили спорные вопросы о сферах влияния в Африке и Индокитае, и было заключено соглашение, Антанта (от французского «антант кордиаль» – «сердечное согласие»). Но оно было направлено против России. Формально Франция объявила нейтралитет, однако запретила русским кораблям заходить в свои порты, пресса и парламент поливали нашу страну грязью.

Единственным «другом» вроде бы выступила Германия. Продавала снабжение, предоставляла базы. Вильгельм во всех вопросах демонстративно поддерживал царя. Но поддержка оказалась далеко не бескорыстной. За это России навязали кабальный торговый договор на 10 лет. Немцы получили возможность чуть ли не беспощадно ввозить свои товары, получили массу других привилегий. Вильгельм был не против и углубить альянс – подразумевая, что лидировать в нем будет Германия. «Кузена Никки» он считал недалеким человеком, которого можно подчинить своему влиянию. В Бьерке, в финских шхерах, состоялась встреча, и кайзер предложил царю заключить союз для «поддержания мира в Европе». Тогда, мол, Англия не сможет мутить воду, а Франции придется присоединиться к союзу. Николай II согласился с рядом оговорок – что договор будет более широким и направленным именно на «поддержание мира».

Но как только государи вернулись в свои столицы, обе стороны отвергли договор. Большинство германских политиков и военных полагало, что воевать надо в другом союзе – с англичанами против русских. А российский МИД пришел к выводу, что ни о каком «поддержании мира» речи не идет, договор означает войну с Францией. Впрочем, Германия двуръшничала. Она желала лишь ослабления России. Предлагала дружбу, но в это же время

немецкие консульства и торговые представительства на Дальнем Востоке поставляли японцам разведывательную информацию. А начальник генштаба Шлиффен в 1905 г. разработал окончательный план войны – последовательно сокрушить Францию и Россию.

Тем временем пал Порт-Артур, под Цусимой погибла эскадра Рождественского, Куропаткину в Маньчжурии пришлось отступать. Но Россия отнюдь не проиграла войну. На полях сражений погибли 37 тыс. наших воинов – Япония потеряла в 5–6 раз больше. Ее вооруженные силы были обескровлены. А русские, изматывая врага в оборонительных боях, перебросили на Дальний Восток свежие армии и готовились нанести неприятелю смертельный удар. Нет, этого западные державы не допустили. Они взорвали тыл России.

Диверсия готовилась заранее. Накануне войны, в январе 1904 г., русские либералы (в значительной доле масоны) провели за границей совещания, сформировали зародыши будущих партий, октябристов и кадетов. Началась информационная война, провоцировались волнения. Революция подпитывалась британскими и американскими банкирами. При поддержке германских и австрийских спецслужб через границу поехали десанты агитаторов и боевиков, пошли транспорты с оружием. Беспорядки парализовали города, пути сообщения. В итоге русским пришлось признать поражение. Но и японцы, спасенные революцией от катастрофы, удовлетворились самыми скромными уступками – получили спорный Ляодунский полуостров, право утвердиться в Корее, из российских территорий приобрели лишь Южный Сахалин...

Но бедствие внутри России углублялось. Влиятельные лица, связанные с «мировой закулисой», были уже и в правительстве, рядом с царем. Премьер-министр Витте подтолкнул Николая Александровича издать Манифест от 17 октября 1905 г., ввести в стране демократические свободы, учредить парламент – Государственную Думу, объявить политическую амнистию. Никакого успокоения это не принесло. Наоборот, открылась легальная дорога для атаки на власть, забурлили восстания.

А французские и английские банки отозвали из России свои капиталы, обвалили российские ценные бумаги. Политический кризис дополнился финансовым. Страна очутилась на грани банкротства. Срочно требовались зарубежные займы, а их не давали. Вся западная пресса подняла возмущенный хай по поводу подавления мятежей, казней террористов. Отметим, за годы революции было казнено 1100 человек, в 10 раз меньше, чем погибло от рук террористов (и в 20 раз меньше, чем расстреляли французы при усмирении Парижской Коммуны). Но кого интересовали подобные «мелочи»? В Англии царя величали «обыкновенным убийцей», а Россию провозглашали «страной кнута, погромов и казненных революционеров».

Но увлекшиеся западные державы совсем забыли про Германию. А она сочла, что Россия выбыла из строя – значит, можно действовать. Кайзер, совершая круиз по Средиземному морю, сошел на берег в Марокко, французской полуколонии, и сделал ряд громких заявлений. Указал, что готов всеми силами поддержать суверенитет Марокко, потребовал для Германии таких же прав в этой стране, какие имеют французы. Вот тут-то в Париже перепугались. Поняли, что дело не в Марокко, что Вильгельм ищет повод для ссоры. А германский генштаб настаивал, что даже и повода не надо – лучше просто шарахнуть по французам. Призадумались и в Англии. После гибели в Порт-Артуре и под Цусимой двух русских эскадр главной соперницей британцев на морях становилась Германия. Если она раскатает Францию, то будет полной хозяйкой в континентальной Европе. Попробуй тогда с ней сладить! Европейское господство немцев ничуть не устраивало и американских олигархов. В общем, получалось, что Россия еще нужна.

Финансовые потоки из-за рубежа, питавшие революцию, резко пресеклись. Франция быстренько изменила отношение к русским, ее правительство заключило со своими банкирами и парламентариями особое соглашение: «Считать мирное развитие мощи России

главным залогом нашей национальной независимости». Царю немедленно выделили необходимые кредиты. Англия тоже заявила о готовности поддержать Францию, и Вильгельму пришлось пойти на попятную. Британская «общественность» все еще продолжала вопить, что «руки царя обгажены кровью тысяч лучших его подданных», но правительство Англии принялось налаживать связи с русскими, заключило конвенцию о разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете. В 1908 г. король Эдуард VII прибыл на яхте в Ревель (Таллин), встретился с Николаем Александровичем и красноречиво возвел его в звание британского адмирала. За визитом Эдуарда последовал визит Николая II в Лондон...

Так к союзу Англии и Франции примкнули русские. Впрочем, Антанта и Тройственный союз не были монолитными военно-политическими блоками. Соглашения между государствами, входившими в обе коалиции, содержали массу оговорок, позволявших при желании отказаться от них. Союз России и Франции даже не был ратифицирован французским парламентом. Англия, по своему обыкновению, опять не взяла на себя никаких обязательств, обещала разве что «учитывать интересы» партнеров. А для царя гораздо важнее была его старая идея мирного урегулирования. К ней снова вернулись. В 1906 г. в Женеве была принята международная конвенция об обращении с ранеными, больными и пленными. В 1907 г. в Гааге состоялась вторая конференция по проблемам мира и разоружения. Но принципы международного арбитража отвергла Германия. А сокращение вооружений заблокировала Англия – объяснила, что это подорвет экономику и вызовет массовую безработицу. Конференция только выработала нормы ведения войны и создала международный Гаагский суд для решения спорных вопросов.

5. Тучи сгущаются

За влияние на балканские страны не утихала борьба. В Сербии князь Обренович вступил в альянс с Австрией, однако в 1903 г. радикальные офицеры убили его вместе со всей семьей и возвели на престол Петра Карагеоргиевича. Он взялся укреплять дружбу с русскими, но был прочно связан и с Францией, в Сербию стали внедряться французские банки и предприниматели.

Неспокойно было и в Османской империи. Здесь существовала либеральная партия «Иттихад» («Единение и прогресс»). Ее организовали купцы и финансисты из Салоник, выходцы с российского Кавказа, офицеры и интеллигенция с европейским образованием. Руководители партии входили в масонскую ложу «Молодая Турция», поэтому их еще называли младотурками. Провозглашалась необходимость конституции, парламентаризма по западному образцу. В Турции партия была запрещена, но за рубежом она нашла союзников в лице запрещенных армянских партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн». Дашнаки-социалисты, участвовали в русской революции, после ее подавления спасались в эмиграции, среди них хватало опытных боевиков. А их лидеры тоже были «вольными каменщиками», и младотурки нашли с ними общий язык. Провели в Париже конгресс, договорились о совместных действиях. В 1908 г. иттихадисты и армяне подняли восстание.

Абдул-Гамида свергли. Марионеточным султаном провозгласили старика Мехмеда Решада V. А реальную власть захватил триумвират младотурок – Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша. Но союзников они обманули. Об обещанном равенстве народов больше не вспоминали. Их реформы утверждали права только для турок, а остальные нации было решено поставить «на место». В 1909 г. в Адане младотурки полностью повторили методы Абдул-Гамида, напустили солдат и вооруженные банды на армян, перебили 30 тыс. человек. Жестоко усмирялись мятежи и волнения албанцев, македонцев, арабов, курдов.

Турецкая революция нарушила хрупкое равновесие на Балканах. Воспользовалась этим Австрия. Она объявила о присоединении Боснии и Герцеговины, которые были оккупированы австрийцами в 1878 г., но юридически все еще считались турецкими. Россия еще не оправилась от потрясений, не могла противодействовать этому. Но и Сербия не забыла о своих претензиях на Боснию и Герцеговину, объявила мобилизацию. Австрийцы стали сосредотачивать войска против сербов. А Вильгельм вдруг предъявил царю ультиматум. Требовал безоговорочно выразить согласие на действия Вены, да еще и надавить на Сербию – иначе угрожал выступить «во всеоружии». В общем, стало ясно, чего на самом деле стоит дружба «кузена Вилли». На Россию просто цыкнули, как на второсортное мелкое княжество.

В 1910 г. Николай II попытался наладить взаимопонимание с немцами. Встретился с Вильгельмом в Потсдаме и предложил договориться о взаимных уступках. Россия обещала не участвовать в английских интригах против Германии, принимала на себя обязательства ненападения, признавала немецкие интересы в Турции. А взамен просила не поддерживать австрийцев на Балканах и признать Северный Иран сферой влияния русских. При этом стороны должны были обязаться не участвовать во враждебных друг другу союзах. Кайзер, вроде бы, одобрил предложения. Но когда стали вырабатывать письменное соглашение, немцы убрали из него все конкретные пункты, в том числе неучастие во враждебных союзах. И поддержку австрийцев не прекратили.

Последние попытки избежать войны предпринимала и Англия. Для нее вопрос упирался в наращивание морских сил – а Германия останавливаться не собиралась, строила все новые линкоры, крейсера. Британцы пробовали договориться об ограничении флотов, но немцы в феврале 1912 г. предъявили им условие: «Наше политическое требование таково, что Британия не должна принимать участия в войне между Францией и Германией, незави-

симо от того, кто начнет ее. Если мы не получим гарантий, тогда мы должны продолжать наше вооружение». Конечно, пойти на такое Англия не могла, переговоры сорвались.

Немцы, закусив удила, рвались к войне и даже не делали из этого тайны. В 1910 г. Берлин посетил бельгийский король Альберт и был просто шокирован. На балу Вильгельм представил ему генерала Клюка, пояснив, что это тот самый военачальник, который «должен будет возглавить марш на Париж». А начальник генштаба Мольтке (младший), не стесняясь, говорил Альберту, что «война с Францией приближается», так как она «провоцирует и раздражает» немцев.

В 1911 г. разразился второй кризис вокруг Марокко. Французы под предлогом навешивания порядка окончательно захватили эту страну, и Вильгельм снова начал бряцать оружием. Но и Франция, восстановив дружбу с русскими, чувствовала себя уверенно, по ней разлились воинственные манифестации, звучали требования всыпать немцам, вернуть Эльзас и Лотарингию. Кое-как усилиями России и Англии удалось примирить стороны. Но германские военные были очень недовольны, что «пропал» такой хороший предлог к войне. Мольтке писал австрийскому начальнику генштаба фон Конраду: «Остается подать в отставку, распустить армию, отдать всех нас под защиту Японии, после чего мы сможем спокойно делать деньги и превращаться в идиотов».

Не успело успокоиться в одном месте, как запыхало в другом. Османская империя после гражданской войны пребывала в плачевном состоянии, и Италия позарилась на ее африканские владения, полезла захватывать Триполитанию (Ливию). Итальянцы сражались плохо, турки с арабами побили бы их, но младотурецкое правительство запросило о мире, поспешило отдать Триполитанию – потому что над османами нависла куда более серьезная опасность. Против них сколачивалась Балканская лига из Сербии, Черногории, Болгарии и Греции. Россия хотела предотвратить столкновение, ее МИД направил в Белград ноту: «Категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой...». Куда там! Балканские страны сочли, что они и сами справятся.

И действительно, в октябре 1912 г. начали войну, а уже в ноябре разгромленная Турция взывала к великим державам о помощи и посредничестве. Но тут же объявила мобилизацию Австрия, подняла армию Италия. Россия при поддержке англичан все же добилась созыва международной конференции. Она открылась в Лондоне и превратилась в дипломатическую баталию. Сербия и Черногория претендовали на часть Албании и порты на Адриатике. Австрия и Италия, за которыми стояла Германия, указывали, что это будет означать войну. Президент Франции Пуанкаре подзуживал Николая II поддержать сербов, парижская биржа предлагала ему большой заем на случай войны. Но царь, к великому разочарованию французов, на это не поддался. Он считал главным сохранить мир. Сербия и Черногория были вынуждены отказаться от своих требований. Албанию признали автономной.

Но быть или не быть войне, решалось не в Лондоне, не в Петербурге, а в Берлине. Австрия не соглашалась на предложенные компромиссы, и Вильгельм поощрял ее. 8 декабря он созвал военное руководство. Тема совещания была сформулирована предельно откровенно: «Наилучшее время и метод развертывания войны». По мнению кайзера, начинать надо было немедленно. Австрия должна предъявить Сербии такие требования, чтобы Россия уже не могла не вступить, а Германия обрушится на Францию. Мольтке соглашался, что «большая война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше». Но указывал, что надо сперва провести пропагандистскую подготовку, возбудить народ против русских. Лишь гросс-адмирал Тирпиц возразил, что моряки еще не готовы: «Военно-морской флот был бы заинтересован в том, чтобы передвинуть начало крупномасштабных военных действий на полтора года». В конце концов, с его мнением согласились. А полтора года – это получалось *лето 1914-го*.

Что ж, если надо подождать, германский МИД обратился к Вене уже в другом тоне, надавил на нее, и австрийское правительство сразу стало сговорчивым, приняло решения конференции. Но только-только договорились великие державы, как опять подрались малые. Поскольку Сербия и Черногория лишились значительной части завоеваний, они потребовали переделить приобретения Болгарии. Та отказалась, и на нее обрушились вчерашние союзники. К Сербии и Черногории примкнули Греция, Румыния и даже Турция. Наступление на Болгарию развернулось со всех сторон, она за месяц была разбита и капитулировала. Уступила не только завоеванные земли, но и некоторые собственные.

Ну а туркам война показала, насколько слаба их армия. Страна понесла колоссальные убытки, казна была пуста. Правительство иттихадистов безоглядно ринулось под покровительство Германии. О, немецкие банки всегда были готовы помочь, за это они получили немалые привилегии. Для реорганизации османских вооруженных сил кайзер послал миссию фон Сандерса из 42 генералов и офицеров. Каждый из них получил турецкий чин на ступень выше германского, а Сандерс стал фельдмаршалом и командующим войсками в Стамбуле.

Россия выразила резкий протест. Она напомнила и о продолжающихся притеснениях армян в Турции, потребовала реформ для них. Но на этот раз Англия и Франция ее не поддержали. Они не теряли надежды восстановить в «демократической» Турции собственное влияние и не желали с ней ссориться. А иттихадисты этим пользовались, выражали готовность сотрудничать. Для помощи в реорганизации флота пригласили британскую миссию, для реорганизации полиции – французскую. Армянский вопрос спустили на очередную пустословную конференцию, а скандал вокруг фон Сандерса замяли всего лишь сменой «вывески» – его переименовали из командующего в инспектора при турецком командующем.

6. Россия перед схваткой

Предвоенная Россия была одной из самых передовых и развитых держав той эпохи. Бурный экономический подъем, начавшийся после реформ Александра II, продолжался и в XX в. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10–12 раз (за 13 предвоенных лет – втрое), а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля – в 700 раз, нефти – в 1500 раз. Огромная страна покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, нефтепромыслы Баку и Грозного. Россия создала крупнейшую и лучшую в мире нефтеперерабатывающую промышленность. 94 % нефти перерабатывалось внутри страны, продукция славилась своим качеством и дешевизной.

Быстро развивалось машиностроение. 63 % оборудования средств производства изготовлялись на отечественных предприятиях. Были построены такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмосковье, Иваново, Лодзи и т. п. Текстильная продукция полностью обеспечивала саму Россию, широко шла на экспорт.

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность, ничуть не уступали. В нашей стране насчитывалось 21 млн. лошадей (всего в мире – 75 млн.). 60 % крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. На мировом рынке продовольствия она являлась абсолютным лидером. Занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна, по выпуску сахара. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России. Между 1890 и 1914 гг. объем внешней торговли утроился.

В развитии российской экономики участвовал и иностранный капитал. Но объем зарубежных вложений в отечественную промышленность составлял 9–14 %, примерно столько же, сколько в западных странах. Это было нормальным явлением, привлекать иностранные инвестиции. Внешний долг России к 1914 г. (8 млрд. франков – 2,996 млрд. руб.) был вдвое меньше, чем внешний долг США. В отношениях с зарубежными партнерами исключением являлся лишь договор с Германией, навязанный в японскую войну. Немцы с лихвой пользовались полученными односторонними выгодами. Их товары составляли половину импорта в Россию, подавляли аналогичные отечественные отрасли. Русским приходилось покупать даже совершенно не нужное им прусское зерно. Причем оно выращивалось руками русских – немцы каждый год нанимали в западных губерниях десятки тысяч сезонников. Германский капитал захватил под контроль половину российских торговых фирм, часть банков, судостроительных и судоходных компаний, две трети электротехнических предприятий. Но в 1914 г. срок договора истек, и продлить его Петербург отказался. Берлин поставили в равные условия с другими государствами.

По темпам роста промышленной продукции и роста производительности труда Россия в начале XX в. вышла на первое место в мире, опередив США – которые также пережили период бурного подъема. По объему производства наша страна занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, эти цифры определялись зарубежными исследователями и являются весьма некорректными. Потому что в системы экономики западных держав были включены и их колонии (или, у США, сырьевые приатки). За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний и приатков в расчет не принимались. И если бы, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана и т. д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

Средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй по величине в мире (после США). В 1912 г. (раньше, чем в США и ряде европейских стран), Россия приняла закон о социальном страховании рабочих. Реформы Столыпина улучшили положение крестьян. Из районов, где не хватало земли, началось широкое переселение на просторы Сибири, Казахстана, Дальнего Востока – землю там получили 3 млн. человек.

Население России достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой – 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было обычным делом. По подсчетам Менделеева, во второй половине XX в. численность жителей России должна была перевалить за 600 млн. 30 % детей получали среднее образование – заканчивали гимназии, реальные училища, земские школы. Практически все деревенские мальчики и девочки ходили в церковно-приходские школы, обучаясь там не только закону Божию, но и чтению, письму. А в 1912 г. был принят закон о всеобщем начальном образовании. К началу XX в. достигли высочайшего расцвета русская наука и культура.

Царский манифест от 17 октября 1905 г. и реформы 1907 г. превратили Россию в конституционную монархию. Граждане обладали теми же демократическими свободами, как в западных государствах (только сравнивать надо не с нынешним Западом, а с Западом начала XX в. В то время ни в Англии, ни в США, ни во Франции не было всеобщего избирательного права, оно везде ограничивалось социальными, имущественными, половыми, национальными и т. п. барьерами). В Думе были представлены даже большевики и эсеры, имелись национальные фракции. Запрещалась только экстремистская и террористическая деятельность.

Государственное устройство России имело свою специфику. Во главе страны стоял царь. Он назначал правительство, имел право распустить Думу. Но именно это обеспечивало стабильность и порядок, сдерживало хищничество и коррупцию – царь был выше интересов тех или иных партий, политических и финансовых группировок, он выражал интересы России и ее народа в целом. А аппарат управления был одним из самых дешевых и эффективных в мире. На всю страну насчитывалось лишь 250 тыс. чиновников. Они прекрасно справлялись, потому что были квалифицированными профессионалами, а не выборными случайными лицами.

Но нарастали и внутренние конфликты. Набирали вес крупные промышленники, банкиры. У них возникало желание дорваться до реальной власти – такой же, какую имели их западные коллеги. Самим определять политику, избавиться от контроля и тормозов, мешавших грести дополнительные прибыли. Наоборот, перестроить государство так, чтобы служило их выгодам. Эти воротилы и их ставленники как раз и заседали в Думе, составляли костяк либеральных партий. Поэтому Дума всегда была оппозиционной царю, добивалась неких еще больших «свобод», а поддержку искала за рубежом. Оппозиционные настроения царили и среди интеллигенции. Она по-прежнему была увлечена западничеством, особенно полюбила дружественную Францию, восхищалась ее культурой. Но заодно набиралась западных идей. Все чужое, иноземное, начинали приравнивать к «прогрессивному», а исконное, национальное – к «реакционному».

Еще одной спецификой России был «еврейский вопрос». Точнее, либеральная и западная пропаганда раздула его искусственно. Еще Иван Грозный запретил проживание иудеев в нашей стране. Последующие государи присоединили к России Украину, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, где проживало много евреев. Им сохранили права поддерживать свои обычаи, исповедовать свою веру. Но и исконным российским землям сохраняли их прежние права, в том числе право жить без евреев. Так появилась «черта оседлости», восточнее ее постоянное проживание иудеев не разрешалось. За века это ограничение размылось и фактически не действовало. Существовало множество способов обойти его – принять фиктив-

ное крещение, поселиться как бы «временно», закон не распространялся на целый ряд профессий, на учащихся, лиц с высшим образованием, а его получали дети всех состоятельных евреев. Их было много и в банковской, и в промышленной верхушке, в Думе они имели свою национальную группу.

Но формально «черта оседлости» существовала, и на этом играли враги России, поднимали шум о «притеснениях». Устраивались целенаправленные провокации. В революцию 1905–1907 гг. много евреев было среди боевиков. А если их ловили и вешали, катились волны обвинений в «антисемитизме» царя. Провокацией стало и дело Бейлиса, иудейского сектанта, арестованного в 1911 г. по обвинению в ритуальном убийстве православного мальчика. В защиту Бейлиса поднялась вся «прогрессивная общественность» России, и его оправдали.

Войны Россия не желала. Дальнейшее мирное развитие сулило ей куда более широкие перспективы, чем самые блистательные победы. К возможности войны с немцами до 1910–1911 гг. царское правительство относилось крайне отрицательно и даже не рассматривало всерьез такой вариант, а Дума весьма неохотно и скупно отпускала средства на вооружения. Лишь после постоянных кризисов стало ясно, что никакие уступки не помогают, и угроза нарастает. А значит, нельзя оказаться неготовыми. В 1912 г. была принята судостроительная программа, хотя и гораздо более скромная, чем у немцев – так, на Балтике предполагалось иметь 4 дредноута и 4 линейных крейсера. Для обороны этого было достаточно, а нападать русские не собирались. А в марте 1914 г. Дума приняла большую военную программу. Предусматривалось увеличить армию, модернизировать вооружение. Завершение обеих программ намечалось к 1917 г.

7. Русские противники

Облик и дух Германии в начале XX в. определялись тремя составляющими – идеологией пангерманизма, культом кайзера и культом армии. Пангерманизм стал «логическим» завершением западных колониальных теорий. Все признавали превосходство «белых людей» над «дикарями». А кто должен занимать первое место среди «белых людей»? Германская нация смогла легко одолеть всех противников, в короткий срок добиться блестящих успехов в экономике – значит, она превосходит остальных. Она самая умная, самая деловая, самая развитая, и ей по праву должно принадлежать господство в мире.

Строились планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Прибалтика, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Все это соединялось с колониями, которые предстояло отобрать у англичан, французов, бельгийцев, португальцев. Предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку.

Одна за другой выходили книги идеологов пангерманизма: профессора Г. Дельбрюка – «Наследство Бисмарка», П. Рорбаха – «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика», Т. фон Бернгарди – «Германия и следующая война». А надо отметить, что в кайзеровской милитаризованной Германии подобного рода пропаганда могла быть *только* официальной. И авторы были официальными лицами, Рорбах и Бернгарди – действующими генералами.

Книга Бернгарди, начальника военно-исторического отдела генштаба, вышла в 1911 г. и стала бестселлером, переиздавалась огромными тиражами. Он писал: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать. Германия... стоит во главе всего культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Откуда следовало – надо не избегать войны, а стремиться к ней. «Мы должны сражаться за то, чего мы сейчас хотим достигнуть», «завоевание, таким образом, становится законом необходимости».

Бернгарди указывал и на то, с кем предстоит сражаться: «С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом». «Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Германские элементы в Австрии, нашей союзнице, находятся под жесткой угрозой славян... Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации». Автор призывал не ограничивать «германскую свободу действий предрассудками международного права». «На нас лежит обязанность, действуя наступательно, нанести первый удар».

Другой идеолог пангерманизма, Гибихенфельд, утверждал: «Без войны не может существовать общественная закономерность и какое-либо сильное государство». Руководитель «Пангерманского союза» генерал-лейтенант фон Врохем провозглашал: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается один лишь выход – война». По всей стране действовали соответствующие «общественные» организации – «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны».

По указаниям кайзера и министра образования создавались студенческие, юношеские, детские военизированные организации – движение «Вандерфогель», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд». Эти общества в своих изданиях внушали детям: «Война прекрасна... Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди героев в церковных военных хрониках, чем умереть на пустой постели безвестным». В германских магазинах пользовались большим спросом фотографии кронпринца с его изречением: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Места, принадлежащего нам по праву, но добровольно нам не уступленного». Повторялось высказывание Мольтке: «Вечный мир – некрасивая мечта». Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы» и утверждалось «превосходство высшей расы».

Да-да, еще тогда. Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом». Мольтке (действующий начальник генштаба!) писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». «Мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора. Только успех оправдывает войну».

Нетрудно увидеть, что славянофобия и русофобия были важнейшими элементами пангерманизма. Сам кайзер заявлял: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их». В 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания *расы*». Пангерманист В. Хен утверждал, что «русские – это китайцы Запада», их души пропитал «вековой деспотизм», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить дважды два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов».

Была популярна идея Бернгарди, как надо поступать с этим «этническим материалом»: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». А Рорбах в книге «Война и политика» рассуждал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности, ибо русская политика в течение продолжительного времени служит угрозой миру и существованию двух центральных европейских держав, Германии и Австро-Венгрии».

Миролюбие царя на Вильгельма и его присных не действовало. Наоборот, готовность идти на уступки воспринималась как доказательства слабости и «трусости», Германия все больше нагнала. Конечно, не все немцы были пангерманистами. В стране были очень сильны и позиции социалистов, они занимали третью часть мест в парламенте. Но ведь и Маркс с Энгельсом были ярыми русофобами, главным препятствием для победы социализма в Европе считали «реакционную» Россию и учили, что любая война против нее заслуживает безусловной поддержки. Их последователи, лидеры германской социал-демократии А.

Бебель, В. Либкнехт тоже выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от ее разложения примитивной Россией», «опередившей всех в терроре и варварстве».

Стремление к войне в Германии стало в полном смысле слова общенародным. Эти настроения как нельзя лучше соответствовали натуре кайзера с его комплексами, жадной славы, склонностью к эффектам. Юридически он был конституционным монархом, но фактически ему не смел перечить никто. В парламенте правые и левые могли как угодно ругаться между собой, но стоило высказать мнение кайзеру, и вопрос решался почти единогласно. Вильгельм заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел». Он имел чрезвычайно высокое мнение о своих способностях, был крайне тщеславным. Генерал Вальдерзее писал: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как «ура» ревущей толпы».

Кульť кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Он красовался на портретах не только в общественных местах, но и в каждой «приличной» немецкой семье, изображался в статуях, о нем слагались стихи и песни. Художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести. Известный ученый Дейсен провозглашал, что «кайзер поведет нас от Гете к Гомеру и Софоклу, от Канта к Платону». Историк Лампрехт утверждал, что Вильгельм – это «глубокая и самобытная индивидуальность с могучей волей и решающим влиянием, перед которым... раскрывается все обилие ощущений и переживаний художника». А выдающийся физик Слаби выводил доказательства, что не было случая, когда бы кайзер ошибся.

Кстати, Вильгельм с выводами Слаби согласился, глубокомысленно резюмировал: «Да, это правда, моим подданным вообще следовало бы попросту делать то, что я им говорю; но они желают думать самостоятельно, и от этого происходят все затруднения». Перед войной вышла книга «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии указывалось, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние». Стоп... а вам, случайно, не кажется, что все это напоминает другого лидера Германии? Того самого, который ввергнет ее в следующую мировую войну? Да, напоминает. Но совпадения совсем не случайны. Ведь нацизм впоследствии рождался на базе пангерманизма, перенял основные его положения. А Гитлер достиг чрезвычайной популярности именно тем, что повторял приемы кайзера, но более умело и целенаправленно.

Неизменным оставался и культ армии. Военные обладали в Германии высочайшим статусом. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду вооруженных сил. Школьники, и студенты оценивали сами себя главным образом с точки зрения способности стать военными. В дела армии не позволялось вмешиваться никому, ее представители были неподсудны для гражданских властей. Все ключевые решения принимал сам Вильгельм, и начальник генштаба имел к нему доступ в любой час дня и ночи. Но и армию кайзер воспитывал по-своему.

Еще во франко-прусской войне немцы отличились чрезмерной жестокостью. Жгли мирные деревни, казнили заложников. Эти качества культивировались и дальше. В речи перед новобранцами Вильгельм поучал: «Может случиться так, что я отдам вам приказ стрелять в своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно». Когда случилась забастовка трамвайщиков, кайзер обратился к солдатам: «Я рассчитываю, что при вмешательстве войск будет убито не менее 500 человек». В 1900 г., отправляя экспедиционный корпус в Китай, он приказывал: «Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет к вам в руки, в вашей власти». Германские военные приучались действовать именно так. В 1904–1907 гг. произошло восстание племен гереро в Юго-Западной Африке. Германские войска генерала фон Тротта «усмирили» их так, что из 200 тыс. человек народа гереро, в живых осталось около 15 тыс., да и тех загнали в пустыни Намибии. Нацизма еще не было, а это уже было...

Но военные приготовления Германии велись по двум направлениям, плохо согласующимся между собой. Армия готовилась для войны с Францией и Россией – для чего желательным был нейтралитет Англии. А флот наращивался для борьбы с Британией. Ряд деятелей во главе с адмиралом Тирпицем отстаивали другой вариант: для достижения мирового господства надо заключить союз с Россией и Японией и сражаться с Англией. Но они были в явном меньшинстве. Кайзер, правительство во главе с канцлером Бетманом-Гольвегом, армейское командование, промышленники, общественное мнение нацеливались против России и Франции. Надеялись, что Англия все же не вмешается. А флот нужен для того, чтобы заставить ее сохранить нейтралитет и после победы захватить французские колонии.

Но и против русских с французами Германия в одиночку воевать не могла, должна была держаться за союзников. Главным из них являлась империя Габсбургов. После того, как Австрия утратила влияние на Германию и Италию, в ней были проведены реформы. Чтобы предотвратить дальнейший распад империи, решили сделать опору на венгров и преобразовали страну в «дуалистическую», Австро-Венгрию – с двумя правительствами, двумя парламентами и одним императором. К 1914 г. трон занимал престарелый Франц-Иосиф.

Зоной своих «жизненных интересов» Австро-Венгрия считала Балканы. Но ее лихорадили серьезнейшие внутренние проблемы. Кроме двух «главных» наций, немцев и венгров, империю населяли хорваты, босняки, сербы, словенцы, румыны, чехи, словаки, поляки, итальянцы, галицийские русины. Они оказывались «второсортными» народами, среди них зрело недовольство. Решение проблемы предлагал наследник престола Франц Фердинанд – преобразовать Австро-Венгрию в «триалистическую» Австро-Венгро-Славию. Но немцы и венгры категорически противились, чтобы их уравнили в правах со славянами.

А главной головной болью для австрийцев считалась Сербия. Опасались даже не ее враждебных или подрывных акций. Боялись, что само по себе усиление Сербии подаст «плохой» пример славянам, входящим в империю Габсбургов, они выйдут из-под контроля, и держава развалится на кусочки. Поэтому в Вене приходили к выводу – необходимо при первом же удобном случае разгромить Сербию, обкорнать ее территории и посадить на престол собственных ставленников. Австро-Венгрия хотела только короткой и локальной войны, а то как бы большая война тоже не привела ее к распаду. Но для Германии локальная война требовалась, чтобы разжечь глобальную. Она всячески успокаивала союзницу – бояться нечего, вместе победим в два счета. А продвижение на Балканы Берлин всемерно поощрял, рассчитывал через австрийцев подмять этот регион под собственное влияние и соединиться с Турцией.

Османская империя (со средних веков за ней сохранилось и другое название, Великая Порта) занимала в планах пангерманизма очень важное место. Впрочем, отношения Берлина и Стамбула были далеки от искренности. Обе стороны темнили и полагали, что лишь используют друг друга. Немцы заверяли в лучших чувствах, но замыслили «мирное экономическое завоевание» Турции. Оно уже шло полным ходом. Англичан и французов вытеснили. В Турцию внедрились немецкие банки, фирмы, множились немецкие школы, миссионерские общества, продолжалось строительство Багдадской дороги. В 1913 г. в Берлине было создано особое делопроизводство по закреплению германского влияния в Османской империи, руководителем этого учреждения стал кронпринц Вильгельм.

Ну а лидеры «Иттихада» верили, что покровительство Берлина требуется им только ради собственного усиления, а потом от немцев можно будет избавиться. Младотурки насаждали идеологию патюркизма и панисламизма. Пантюркизм провозглашал превосходство «тюркской расы» над остальными. Правда, среди самих руководителей «Иттихада» почти не было чистокровных турок. В большинстве это были выходцы из Салоник, «отуречившиеся» греки, евреи, славяне, эмигранты с российского Кавказа. Но подобное несоответствие их ничуть не смущало. Масонов-младотурок трудно было назвать и правовеерными мусульма-

нами, они жили по-европейски, сплошь и рядом нарушали исламские законы. Панисламизм служил для них политическим инструментом. Доказывалось, что первенство в мире должно принадлежать мусульманам, а внутри исламского сообщества – «тюркской расе».

Идеолог панисламизма Сами Заде Сурея поучал: «Цивилизация до XX в. принадлежала только мусульманам; европейцы украли ее у мусульманского мира, присвоили себе, а мусульмане на определенное время, благодаря своей беспечности, отстали от них». Отсюда следовал призыв ко всем мусульманам объединиться вокруг халифа, т. е. турецкого султана. «Когда мы достигнем этой цели, мы, без сомнения станем нацией, господствующей над миром». В Стамбуле содержали политических эмигрантов из Египта, Туниса, Йемена, Индии – чтобы в нужное время поднять эти страны на «священную войну».

А главной своей целью младотурки видели создание Великого Турана. Вспоминали, что древние тюрки в VI в. образовали гигантский каганат, простиравшийся от Черного до Желтого морей – и турок объявляли их наследниками. Конечно, с научной точки зрения это было полной чепухой. Древние тюрки, родственные монголам, и османские турки – совершенно разные народы. Но стоило ли углубляться в подобные «мелочи»? Уж больно заманчивые открывались горизонты! Один из главных идеологов пантюркизма Зия Гекальп утверждал: «Политические границы родины турок охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская культура». Патетически вопрошал: «Где ныне Туран? Где же Крым? Что стало с Кавказом? От Казани до Тибета везде только русские». В газете «Тюрк юрду» («Тюркская родина»), ее редактор, эмигрант из России Юсуф Акчура писал о «единой нации всех тюркоязычных народов от Дуная до Китая».

Турки провозглашались «чистокровной высшей расой», призванной господствовать над другими народами. В 1910 г. на съезде «Иттихада» видный деятель партии Назым говорил: «На Востоке в Азии имеются беспредельные просторы и возможности для нашего развития и расширения. Не забывайте, что наши предки пришли из Турана, и сегодня в Закавказье, как и к востоку от Каспийского моря на просторных землях тюркоязычные племена составляют почти сплошное население, находящееся, увы, под ярмом нашего векового врага – России. Только в этом направлении открыты наши политические горизонты, и нам остается выполнить наш священный долг: осуществить объединение тюркских племен от Каспийского до Желтого моря...»

Некоторые идеологи шли еще дальше, через древних турок устанавливали свои «родственные связи» с гуннами, угорскими народами, и включали в Великий Туран все Поволжье, Венгрию, Финляндию и с какой-то стати Японию, Тайвань. Один из руководителей младотурок Текин Альп в книге «Туран» выдвигал программу-минимум и программу-максимум. Минимум был от Стамбула до Байкала и Казани, а максимум, на втором этапе – до Ледовитого океана, Скандинавии, Японского моря. Все это предстояло завоевать «огнем и мечом», провозглашалась эра «новой чингизиады». Правда, в правительстве осознали, что для «чингизиады» их страна слабовата, и начало глобальной войны планировали где-то в 1925 г. Но ведь ждать было так долго. А с союзом с немцами можно действовать уже сейчас!

Тот же Текин Альп писал: «Если русский деспотизм... будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 млн. турок получат независимость. Вместе с 10 млн. османских турок они образуют нацию... которая так продвигается вперед к великой цивилизации, что, вероятно, сможет сравниться с германской цивилизацией... Она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией». Программа пантюркистского общества «Тюрк гюдю» («Тюркская мощь») восторженно зывала: «Железный кулак турка вновь опустится на планету, и весь мир будет дрожать перед ним». Солдат воспитывали в духе мести «неверным», грядущей «чингизиады». Газета «Азм» наставляла: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаж-

дать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других».

В Берлине о проектах иттихадистов, разумеется, знали, но они немцев вполне устраивали. Кайзер не отказался от роли «покровителя мусульман» – колоссальные людские ресурсы исламского мира он намеревался использовать в интересах Германии. Так что панисламизм ему подходил. Конечно, фантастические идеи дойти до Желтого моря всерьез не воспринимали, но отделить от России Кавказ считали реальным. Пусть перейдет под власть Турции, а эксплуатировать его будет Германия. Самые горячие головы раскатывали губы и на большее. Адмирал Лобей и его сторонники полагали, что надо захватить «мост» на Кавказ – Украину. Дескать, через нее будет ближе, чем через Турцию. С ним был согласен другой идеолог, Де Лагард, указывал, что от русских надо «очистить» Польшу, Прибалтику, Украину, Крым и район Саратова, где проживают «этнические немцы».

Более трезвые берлинские политики все же учитывали силы России и запросы наподобие Украины оставляли «про запас». Не для ближайшей войны, а для следующих. Сама же необходимость войны сомнений не вызывала. В 1912–1913 гг. донесения русских военных агентов в Германии и Швейцарии Базарова и Гурко сходились на том, что война начнется в 1914 г. и начнется со стороны Германии. К этому были все основания. Германские военные расходы с 1909 по 1914 г. возросли на 33 % и составили 2 млрд. марок в год. В 1911–1912 гг. были приняты законы о чрезвычайном военном налоге, увеличении армии и программа модернизации вооружений. Рассчитана она была на 5 лет, до 1916 г. Но вскоре постановили, что программа должна быть выполнена раньше – *к весне 1914 г.*

К войне готовились и германские спецслужбы. Одним из их руководителей стал крупнейший из немецких банкиров Макс Варбург. Он курировал деятельность «Коммиферейна», профессионального объединения немецких приказчиков и коммивояжеров в разных странах. Для них специалистами военного министерства была разработана форма отчетов, которые они обязаны были регулярно посылать в правление союза. Эти отчеты превратились в полноценные разведдонесения. Циркулярами генштаба № 2348 от 7 апреля 1908 г. и № 2348-бис от 22 июня 1913 г. в представительства немецких фирм в России были направлены профессиональные разведчики. Заранее создавались каналы будущего финансирования подрывной работы. Для этого в 1912 г. под эгидой Варбурга в Стокгольме был образован «Ниа-банк» Олафа Ашберга. Генерал Рорбах предпринял путешествие по России, исследуя разные районы на предмет сепаратистских настроений. Была создана «Лига инородческих народов России» во главе с бароном Эксюлем. А общее руководство подрывной деятельностью было возложено на статс-секретаря германского МИДа Циммермана.

Кавказ и Среднюю Азию в 1911–1914 гг. наводнили турецкие эмиссары, действующие под видом купцов, паломников, путешественников. Вели пропаганду, искали связи с антирусскими силами, организовывали центры подрывной деятельности. Доклады жандармерии в этот период пестрят сообщениями о создании панисламистских школ в Шемахе, Агдаме, Геокчае, Темирхан-Шуре, Баку, Балаханах, Сабунчах, Елисаветполе, Шуше, Петровске, Эривани, о появлении панисламистских газет, типографий, прокламаций, о шпионаже, приезде под чужими именами турецких офицеров. Особый отдел канцелярии наместника на Кавказе представил доклад, посвященный панисламизму, как новой опасности, угрожающей этому краю. «Учение панисламизма представляет при многочисленности магометанского населения края несомненную политическую опасность для России, так как он идет к нам из Турции и находится в самой тесной связи с успехами младотурецкого движения в Османской империи». 23 марта 1914 г. наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову доложили: распространяются слухи о близком разрыве между Турцией и Россией, а влиятельный курдский шейх Абдул-Кадыр эфенди разослал из Стамбула письма курдским бекам в Персии – чтобы

они готовились напасть на русских, когда начнется война, обещал турецкую помощь деньгами и оружием.

Принятие Россией своей военной программы в марте 1914 г. подхлестнуло ее врагов. Мольтке писал: «После 1917 г. мощь России окажется неодолимой», она будет «доминирующей силой в Европе», и «он не знает, что с ней делать». В мае 1914 г. в Карлсбаде состоялось совещание генштабов Германии и Австро-Венгрии, были окончательные согласованы планы, а насчет сроков войны Мольтке заявил Конраду: «Всякое промедление ослабляет шансы на успех союзников». Началась и психологическая подготовка. Еще не гремели выстрелы, а германские газеты писали о предстоящей «расовой битве». А генерал Брусилов, приехавший в мае 1914 г. на курорт в Киссинген, был поражен городским праздником – на площади построили большой макет московского кремля и подожгли его под радостные крики народа.

8. Русские союзники

Союзица России, Франция, считалась в начале XX в. центром мировой культуры и финансов. Но собственную промышленность развивала слабо. Германские банки действовали по указаниям правительства и вкладывали деньги, в основном, на родине, а у французов они пользовались полной свободой, ссужали кому угодно. 60 % всех французских капиталов вкладывались за границей, в том числе в Германии – там процент прибыли был вдвое выше, чем в Париже. А то, что французские толстосумы помогали вооружать будущих врагов, никого не смущало, «деньги не пахнут».

Страна была богатой и легкомысленной. Взбучку, полученную от немцев, хорошо помнили, и войны опасались. Но хотели и расквитаться, утрату Эльзаса и Лотарингии называли «национальным позором». А германские провокации, придирки и угрозы вызывали ответное озлобление. Союз с Россией вселял уверенность, что теперь-то победа обеспечена, надо всего лишь «привести в движение русского гиганта». Тем не менее, политика Парижа шаркалась туда-сюда. Демократия разгулялась вовсю, с 1912 по 1914 г. сменилось 7 кабинетов правительства. Одни партии ратовали за войну, другие урезали военные статьи расходов, а левые социалисты во главе с Жоресом вообще намеревались в случае войны начать всеобщую стачку, и в департаментах составлялись списки опасных лиц, при столкновении с немцами их предполагалось арестовать, чтобы не сорвали мобилизацию.

Постепенно становилось ясно, что сражаться все же придется. Президентом был избран воинственный Пуанкаре – уроженец потерянной Лотарингии. В ответ на наращивание германских вооруженных сил Франция в 1913 г. приняла закон об увеличении срока службы с 2 до 3 лет – армия должна была вырасти на 50 %. Хотя выяснилось, что для новых частей нет оружия и снаряжения. Решили вводить реформу постепенно, в течение 2–3 лет – к 1916 г. Углублялось сотрудничество между французским и русским командованием, генштабистами. В 1913 г. достигли окончательного соглашения о взаимодействии. При объявлении войны Франция начинала действовать на 11-й день мобилизации, а Россия после 15 дней.

Другая союзица, Великобритания, была самой большой мировой державой – и по площади, и по населению она значительно превосходила Россию. Ведь англичанам принадлежали колонии, разбросанные по всему земному шару. Идея империи, созданной трудами многих поколений, понималась как сверхзадача – эта империя однозначно увязывалась с честью, благополучием и самим существованием Англии. Объявлялось о великой миссии британцев нести «свет культуры и цивилизации» отсталым странам. Но к началу XX в. англичане начали осознавать, что удерживать такие владения трудновато. Некоторым колониям, где значительная доля населения состояла из «белых», предоставили права самоуправления, где доминионов – их получили Канада, Новая Зеландия, Австралия, Южная Африка.

Британия уже не стремилась к новым захватам, поэтому воевать не хотела. Но только при условии – что за ней останется господствующее положение в мире и никто не покусится на владения, которые она уже захватила. Претензии Германии на мировое первенство и усиление ее военного флота воспринимались англичанами как жизненная угроза. Многие политики предпочитали все-таки уклониться от схватки – пусть немцы дерутся с французами и русскими. Но вдруг они победят? Тогда британцам придется худо, они останутся с Германией один на один. А если победят русские и французы – без англичан? И без них поделят плоды успехов? В 1912 г., после безуспешных переговоров с Берлином об ограничении флотов, Англия наконец-то взяла на себя конкретные союзные обязательства, заключила морское соглашение с Францией. Обещала при нападении Германии прикрыть атлантическое побережье. В 1914 г. начались переговоры о военно-морском соглашении с Россией.

Но союз оставался зыбким и ненадежным. Среди англичан были сильны русофобские взгляды. Постоянный подсекретарь МИДа Николсон говорил: «Для меня это такой кошмар, что я должен почти любой ценой поддерживать дружбу с Россией!» А другие британские руководители сомневались, стоит ли выполнять обещания союзникам? Министр иностранных дел Грей заявлял: «Русские ресурсы настолько велики, что в конечном итоге Германия будет истощена даже без помощи Англии». Немцы старались поддерживать пацифистские настроения англичан, вели у них подрывную работу, пусть увязнут в собственных проблемах. Разжигали в Ирландии гражданскую войну между католиками и протестантами, причем продавали оружие тем и другим.

Но Англия была тесно связана и с «родственной» Америкой. А заокеанские круги вели собственную политику. В 1912 г. в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд. Он проходил открыто и торжественно. Газета «Нью-Йорк Сан» оповестила, что банкир Герман Лоеб провозгласил задачу «поставить Россию на колени». Для этого был создан специальный фонд, в деле приняли участие крупнейшие финансисты – Ротшильды, Шифф, Барух, Варбурги, президент лондонского банка «Джойнт Сток» (и глава «Великой ложи Англии») лорд Мильнер.

Резко активизировалась революционная работа – «мировая закулиса» раскручивала ее через своих агентов Парвуса, Троцкого, Свердлова и др. А чтобы достичь разрушительных целей, война была очень кстати. В США тоже готовились к ней – по-своему. В 1912 г. тузы Уолл-Стрита провели на пост президента свою креатуру Вудро Вильсона. В 1913 г. он добился отмены закона, запрещавшего вывоз американских капиталов за рубеж. Была учреждена Федеральная Резервная Система, аналог Центробанка, она получила право печатать доллары, но стала не государственным учреждением, а кольцом частных банков. Воротилы США заранее готовились наживаться на займах и поставках сражающимся сторонам.

Особо стоит коснуться и третьей российской союзницы, Сербии. Простые сербы относились к русским с искренней и горячей любовью. Но в политике было сильно влияние Франции, ее банки и фирмы подмяли сербскую экономику, систему финансов, предоставляли средства на вооружение. Кроме того, в стране существовала «вторая власть». Офицеры, которые в свое время свергли Обреновичей и возвели на престол короля Петра, заняли высокие посты в армии. Их лидер Драгутин Дмитрович стал начальником сербской разведки и сформировал тайную организацию «Черная рука». Она ставила целью создание «Великой Сербии», которая вобрала бы Хорватию, Македонию, Боснию, Герцеговину, Словению.

Мирным путем достичь этого было невозможно, значит, требовалась война – такая, чтобы вовлечь в нее Россию. Офицеры-заговорщики были убежденными патриотами. Они верили, что действительно готовят для своей страны блестящее будущее. Но... они были и масонами. А зарубежные «братья» подогревали и направляли их деятельность в собственных целях. Король Петр и правительство во главе с премьер-министром Пашичем занимали куда более умеренную позицию, стремились сохранить мир. Но они ничего не могли поделать с «Черной рукой». Радикалы имели огромное влияние в армии, парламенте, у них были могущественные покровители за границей, в той же Франции. По всем Балканам они создали сеть террористических организаций – «Млада Босна», «Народна Одбрана», «Свобода», смыкались с анархистами, социалистами. Велась пропаганда, гремели теракты.

В 1914 г. заговорщики Дмитровича с помощью несовершеннолетних юнцов из Боснии начали готовить покушение на австрийского наследника престола Франца-Фердинанда – поборника равноправия славян в Австро-Венгрии и одного из главных противников войны с Россией. Об этом узнал премьер Пашич, через сербского посланника в Вене предупредил австрийское правительство. Узнали и русские, тоже пытались предотвратить беду, передали в Австрию сообщение об опасности. Но от Франца-Фердинанда предостережения утаили. Он отправился с визитом в Боснию. В июне «Черная рука» произвела в Сербии перево-

рот, заставила короля Петра передать власть сыну, принцу-регенту Александру – заговорщики надеялись, что он станет для них более удобным монархом. А в Сараево прозвучали выстрелы Гаврилы Принципа, сразившие Франца Фердинанда и его жену. Это было именно то, что требовалось всем сторонникам войны. И произошло именно в нужное время. В Вене шутили, что убийцам надо поставить памятник за такой «подарок». Когда Вильгельм II получил донесение о теракте, он на полях начертал: «Jetzt oder niemals» – «Теперь или никогда».

9. Началось...

Сараевские выстрелы наделали много шума в мире, но быстро отодвинулись на второй план – теракты случались и раньше. У всех государств были свои проблемы. Англичанам пришлось в июле подавлять междоусобицу в Ирландии. В Петербурге разразилась массовая забастовка, демонстрации рабочих и беспорядки. А все внимание Франции занимало сенсационное дело мадам Калло, жены министра финансов – за клевету на мужа она застрелила редактора газеты «Фигаро».

Но шли интенсивные консультации. Германские послы прощупывали позицию Англии, Италии. Весь правящий триумvirат Турции разъехался вдруг с визитами: Джемаль в Париж, Талаат в Петербург, Энвер в Берлин. Но переговоры с Францией и Россией были лишь маскировкой, они еще не собирались воевать и ничего не могли предложить туркам. А немцев подразнили этими переговорами, чтобы были пощеднее, и в Берлине Энвер достиг нужного соглашения. В Петербург отправились и президент Франции Пуанкаре с премьером Вивиани. Когда им представили дипломатический корпус в России, Пуанкаре намекнул послу Австрии, что «у Сербии много друзей», а посла Сербии успокоил – дескать, может и обойдется.

Нет, не обошлось. В Берлине и Вене кипела тайная работа. Вырабатывали ультиматум Сербии – такой, чтобы она не могла принять. Австрийский император Франц Иосиф писал Вильгельму II: «Нужно, чтобы Сербия, которая является нынче главным двигателем панславянской политики, была уничтожена». Вильгельм полностью соглашался, поучал: «Надо покрепче наступить на ноги всей этой славянской сволочи». Текст ультиматума утвердили 14 июля, но вручение задержали. 23 июля французская эскадра с президентом и премьер-министром отчалила из Петербурга. С русским правительством расстались, а до Франции ее руководству еще предстояло добраться. И тогда-то ультиматум был предъявлен.

От Сербии требовали чистки офицеров и чиновников, замеченных в антиавстрийской пропаганде, ареста подозреваемых в содействии терроризму. Один из пунктов требовал допустить австрийцев к расследованию на сербской территории и к наказанию виновных. Принять этот пункт Сербия никак не могла. Официально – он нарушал суверенитет страны. Но премьер Пашич знал и другое: если даже дать согласие, австрийцы виновных *найдут*. Террористы были арестованы, от них следы вели к офицерам из «Черной руки». Вена все равно получит повод к войне, но Сербия окажется в еще более невыгодных условиях. А на ответ давалось всего 48 часов, дипломатическое урегулирование заведомо исключалось.

Принц-регент Александр воззвал к Николаю II, прося защиты. Царь заверил его: «Пока остается хоть малейшая надежда на избежание кровопролития, все мои усилия будут направлены к этой цели», но в любом случае Россия «не окажется равнодушной к участи Сербии». Государь и англичане предложили вынести вопрос на международную конференцию. Франция и Италия согласились, Германия отказалась. 25 июля, не дожидаясь сербского ответа на ультиматум, она начала скрытую мобилизацию – без официального ее объявления рассылались повестки резервистам. Флоту, находившемуся в Норвежском море, кайзер приказал возвращаться на базы – он намеревался бросить все корабли на Балтику, против России.

А 26 июля, когда ни одна из держав Антанты еще не приступала к военным приготовлениям, германское правительство заблаговременно утвердило ультиматум... нейтральной Бельгии. Дескать, Германия, получила «надежную информацию», будто Франция намерена напасть на нее через Бельгию. А поскольку бельгийская армия не сумеет остановить французов, Германия вынуждена «в целях самосохранения» ввести в Бельгию войска. Если она

согласится, немцы обещают после войны уйти с ее территории и возместить убытки. А если откажется, «будет считаться врагом» Германии.

Тем временем сербский премьер Пашич проявил чудеса дипломатического искусства, составляя ответ. Он принял все пункты, кроме одного. Вместо разрешения австрийцам вести расследование в Сербии предлагал передать вопрос Гаагскому международному трибуналу, заранее обещая подчиниться его решениям. Но для Австрии было достаточно хоть какого-нибудь формального несогласия. 26 июля она разорвала отношения с Сербией.

Николай II реагировал очень осторожно, чтобы не спровоцировать столкновение. 26 июля царь согласился на подготовительные мероприятия к мобилизации – но не саму мобилизацию. Он пытался использовать свою, как он считал, личную дружбу с «кузеном Вилли». Одну за другой слал ему телеграммы, умоляя помешать австрийцам «зайти слишком далеко». Но Вильгельм воспринимал миролюбие царя как доказательство его слабости. А на предупреждениях российского МИД, что наша страна не оставит Сербию на растерзание оставил заметки на полях, «Что ж, валяйте», «Это как раз то, что нужно!»

Конечно, достаточно было одного намека из Берлина, чтобы Австро-Венгрия склонилась к примирению, но шли совершенно другие инструкции. Мольтке требовал от австрийцев: «Отвергните мирные предложения Великобритании. Европейская война – это единственный шанс на спасение Австро-Венгрии. Поддержка Германии вам абсолютно обеспечена». А канцлер Бетман-Гольвег, наоборот, просил, чтобы не отвергали мирных инициатив, а делали вид, будто собираются их рассмотреть, иначе «будет трудно возложить на Россию вину за пожар в Европе».

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В Вене и Будапеште это вызвало общее ликование. Горожане заполнили улицы, пели песни, дамы засыпали цветами военных, которым предстояло побить проклятых сербов. Война воспринималась как недолгая и, без сомнения, победоносная прогулка. 29 июля на Белград посыпались снаряды с кораблей Дунайской флотилии и с батарей крепости Землин, расположенной на другом берегу Дуная.

В этот же день германскому послу в Брюсселе привезли пакет с ультиматумом для Бельгии. Но вскрыть его следовало позже, по особому указанию. А Франции и России Бетман-Гольвег направил угрожающие ноты. В Париж – что «военные приготовления, которые Франция *собирается начать*, вынуждают Германию объявить состояние угрозы войны». А нота в Петербург «очень серьезно уведомляла» – «если Россия будет продолжать свои военные приготовления, *даже не приступая к мобилизации*», эти меры «заставят нас мобилизоваться, и тогда едва ли удастся избежать европейской войны». Немцы в открытую задирали соседей.

Важную роль в развитии событий могла сыграть Англия. Министр иностранных дел Сазонов и президент Пуанкаре неоднократно обращались к ней, просили сделать официальное заявление и твердо поддержать союзников. Глядишь, подействовало бы на немцев или хотя бы австрийцев, как это уже бывало в прошлых кризисах. Но нет, на этот раз Грей разводил руками: «Мы должны сохранять полнейшую свободу действий». В кабинете министров и парламенте развернулись нескончаемые дебаты, консультации с США – стоит ли вспоминать о взятых обязательствах или лучше забыть о них? Немцы оценили эти колебания по-своему, и канцлер Бетман-Гольвег открытым текстом предложил Англии купить ее нейтралитет. Уже подразумевалось, что будет война с Францией, хотя она никак не была причастна к «сербскому вопросу», и канцлер обещал – если британцы не вмешаются, Германия не станет присоединять собственно французские территории, а французские колонии согласна поделить.

Лишь первый лорд адмиралтейства У. Черчилль уже серьезно опасался, как бы грянувшая война не застала корабли врасплох. Он приказал флоту перебазироваться на север, в Скапа-Флоу, подальше от баз немецких миноносцев и подводных лодок, уговорил пре-

мьер-министра Асквита подписать приказ о «предварительном военном положении». Во Франции такое же беспокойство проявлял начальник генштаба Жоффр. По французским законам, солдатам предоставлялись отпуска на время жатвы, половина армии разъехалась по деревням. Жоффр доказывал, что немцы могут ворваться без единого выстрела, убеждал начать мобилизацию. Но даже вчерашние сторонники войны в правительстве осаживали его. Стоит ли спешить, навлекать на себя удар? Может, немцы и австрийцы навалятся на сербов и русских? Жоффру разрешили лишь отозвать солдат из отпусков и изготовить 5 приграничных корпусов. Но одновременно приказали отвести их на 10 км от границы. Показать – Франция не будет атаковать первой.

А в Петербурге, когда загрохотали австрийские пушки, Николай II решил припугнуть Вену военной демонстрацией. Распорядился начать частичную мобилизацию Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов, но не Варшавского, граничившего и с Австро-Венгрией, и с Германией. Однако такого плана в генштабе не существовало – все военные и политики прекрасно понимали, что в одиночку, без немцев, австрийцы против России не выступят. А сами русские нападать на них не собирались. Но на полную мобилизацию царь не согласился. Если частичная была невозможной, решил пока вообще не объявлять мобилизации.

К государю стекалась самая противоречивая информация. Прикатилась вызывающая и оскорбительная нота канцлера Бетман-Гольвега, но и после этого германский посол в Петербурге Пурталес передавал миролюбивые заявления, одна за другой приходили обнадеживающие телеграммы от Вильгельма II: «Я прилагаю последнее усилие, чтобы вынудить австрийцев действовать так, чтобы прийти к удовлетворительному пониманию между вами. Я тайно надеюсь, что Вы поможете мне в моих стремлениях сгладить трудности, которые могут возникнуть. Ваш искренний и преданный друг и брат Вилли». Особо кайзер просил не начинать военных приготовлений – это, мол, помешает его посредничеству. Царь отвечал, благодарил за помощь, предлагал вынести конфликт на рассмотрение Гаагской конференции.

Но Австрия после всех виляний отказалась от любых переговоров. В следующих телеграммах тон кайзера изменился, он повторял ту же ноту Бетман-Гольвега. А от русских дипломатов и военных хлынули тревожные сведения, что в Германии военные мероприятия идут полным ходом, немецкой флот из Киля перемещается в Данциг на Балтике, к границе выдвигаются кавалерийские соединения, уже в полевой форме. А России для мобилизации требовалось на 10–20 дней больше, чем немцам. Становилось ясно, что они просто морочат голову, хотят выиграть еще и дополнительное время... Когда неутешительные выводы доложили царю, он задумался. Сказал: «Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением». Но потом, взвесив все факты, добавил: «Вы правы. Нам ничего другого не остается, как ожидать нападения...»

31 июля Россия объявила мобилизацию. При этом российский МИД разослал разъяснения, что она будет сразу остановлена в случае прекращения боевых действий и созыва конференции. Но Германия как раз и ждала этой зацепки. Кайзер телеграфировал Николаю II, что царь еще может «предотвратить конфликт, если отменит все военные приготовления». Ждать ответа Вильгельм не намеревался, через час после отправки телеграммы он въехал в Берлин на коне и под восторженный рев толпы объявил с балкона, будто его «вынуждают вести войну». Тотчас были направлены два ультиматума, Франции и России. А одновременно с ультиматумами утвердили тексты объявления войны. Зачем лишний раз собирать правительство, если все решено?

От французов потребовали в течение 18 часов ответить, останется ли Франция нейтральной в случае войны с Россией, а если да... то передать Германии «в залог» мощные крепости Туль и Верден, «которые сначала будут оккупированы, а после окончания войны

возвращены». В общем, не хотите воевать – пустите в свою страну оккупантов. От такой наглости ошалело не только французское правительство, а даже германский посол, вручавший ультиматум. А об ультиматуме России в Петербурге сперва узнали... из прессы. Его опубликовали в немецких газетах, но посол Пурталес получил инструкцию вручить его в только полночь с 31 июля на 1 августа, чтобы русским было невозможно что-либо предпринять. Требовалось отменить мобилизацию и «дать нам четкие разъяснения по этому поводу», но немцы все еще темнили и слова «война» избегали: «Если к 12 часам дня 1 августа Россия не демобилизуется, то Германия мобилизуется полностью».

Среди ночи пытались консультироваться с союзниками. Но в Лондоне Грей заявлял, что «конфликт между Россией, Австрией и Германией не затрагивает интересов Англии». Оставалось неясным даже то, поддержит ли русских Франция – ведь союзный договор не был ратифицирован французским парламентом. В Париже царил полный разброд. В одном из кафе патриот застрелил лидера пацифистов Жореса, призывавшего сорвать мобилизацию. Правительство впало в панику, ждало восстания левых. Готовилось ввести в действие план «Карне-Б», арестовать по спискам всех левых социалистов, анархистов, экстремистов.

Но позицию Франции определили не ее союзные обязательства, а немцы. Утром 1 августа они без всякого объявления войны вторглись в нейтральный Люксембург. Французы в этот день отклонили ультиматум о сдаче крепостей, объявили мобилизацию. Вторжение обеспокоило и Бельгию. По международным договорам 1839 и 1870 г. она обязана была соблюдать полный нейтралитет, а гарантами выступали все великие державы. Теперь ее правительство обратилось к немецкому послу фон Белову за разъяснениями по поводу Люксембурга. Оно получило заверения: «Бельгии нечего опасаться Германии». «Может гореть крыша вашего соседа, но ваш дом будет в безопасности».

А Николай II все еще делал попытки избежать столкновения. Направил в Берлин заявление, что мобилизация – это еще не война, настаивал на переговорах. Но по истечении срока ультиматума к Сазонову явился Пурталес, официально спросил, отменяет ли Россия мобилизацию, услышал «нет» и вручил ноту: «Его Величество кайзер от имени своей империи принимает вызов» и объявляет войну. Хотя посол допустил грубейшую накладку. Дело в том, что ему из Берлина передали две редакции ноты, в зависимости от ответа России. *Война объявлялась в любом случае – варьировался только предлог.* А Пурталес переволновался и отдал Сазонову обе бумаги сразу...

Между тем, в Берлине шли споры. Мольтке и Тирпиц настаивали, что вообще нельзя заниматься глупыми формальностями с ультиматумами, объявлениями войны. Надо напасть – и все. А противники ответят, тогда-то и назвать их «зачинщиками». Иначе получается глупо, Германия провозглашает себя миротворцем, хочет возложить вину на Россию, а объявляет войну первой. Но кайзер слишком любил красивые жесты, и эти соображения отверг. Он лишний раз покрасовался перед публикой и торжественно провозгласил войну. Со 2 августа начиналась мобилизация.

Впрочем, здесь требуется уточнение. Германия была единственным государством, где слово «мобилизация» автоматически означало «война». Призыв резервистов шел еще раньше. А приказ о мобилизации давал старт плану Шлиффена. Он считался чудом военной мысли и основывался на разнице сроков мобилизации в Германии (10 дней) и России (30 дней). Следовало быстро кинуть все силы на Францию, молниеносно разгромить ее, пока русские не успели сосредоточиться, а потом перебросить войска на восток. Любое промедление грозило сорвать план, и он многократно отрабатывался на учениях. На железных дорогах вводился военный график, на узловые станции направлялись офицеры генштаба, начинали дирижировать перевозками: в короткие сроки требовалось перебросить для наступления 40 корпусов, а для каждого требовалось 140 поездов. В общем-то ситуация получилась далекой от логики. Пока объявили войну только России, которая якобы угрожала Германии и

Австрии, а немецкие армии двинулись на запад! Каждый офицер уже имел карту с маршрутом своего полка по Бельгии и Франции.

2 августа посол в Брюсселе получил указание вручить ультиматум Бельгии. Тот самый, где требовалось впустить германские войска, на размышления давалось 12 часов. Бельгийское правительство пребывало в трансе – только вчера оно получило противоположные обещания. Насчет обязательств немцев, что они будут вести себя хорошо и уйдут после войны, иллюзий уже ни у кого не было, Берлин показал, чего стоят его слова. Король Альберт и его министры приходили к выводу: остается только защищаться.

А Англия еще не определилась. К ней взывали французы, напоминали о морском соглашении. Но из 18 членов кабинета 12 были против того, чтобы поддерживать Францию. Грей откровенно намекнул французскому послу Камбону, чтобы в Париже «не рассчитывали на помощь». Камбон в интервью газете «Таймс» прокомментировал – не пора ли выбросить слово «честь» из английского словаря? Но угроза Бельгии изменила настроения. Не из-за того, что Британия считалась главным гарантом ее нейтралитета. Это был плацдарм, с которого немцы могли блокировать берега Англии, наносить удары по ней самой. Но даже теперь в правительстве и парламенте многие считали нужным остаться в стороне от войны. Ллойд Джордж и ряд других политиков доказывали: если немцы захватят не побережье Бельгии, а только ее восточную часть, нарушение нейтралитета стоит считать «незначительным» и не вмешиваться. Но все-таки возобладала другая точка зрения. Из Лондона в Берлин посыпались требования не задевать бельгийцев.

Зато Турция уже определилась полностью. 2 августа в Стамбуле была подписана тайная конвенция между Германией и Турцией. Ее текст составлялся в июле, во время визита Энвера в Берлин, и успел устареть. Пункт 1 предусматривал, что «в австро-сербском конфликте» Германия и Турция обязуются держать нейтралитет. Пункт 2 гласил – если в конфликте примут участие Россия и Германия, Турция выступит на стороне Германии. Но в момент подписания Россия и Германия уже находились в состоянии войны – иттихадистов это ничуть не смутило. Заключив договор о войне с Россией, они продолжали пускать пыль в глаза. На следующий день опубликовали декларацию о нейтралитете. Но одновременно с ней начали мобилизацию резервистов с 23 до 45 лет – фактически всеобщую. А статс-секретарь германского МИДа Циммерман 3 августа направил в Стамбул просьбу поднять против русских народы Кавказа.

В этот день Германия объявила войну Франции. Текст тоже составляли заранее, 31 июля, но в словоблудии немцы не стеснялись. Заблаговременно придумали для французов обвинения в воздушных бомбардировках германских деревень, даже в нарушении «бельгийского нейтралитета». Хотя картина оказывалась обратной. Бельгия ответила отказом на германский ультиматум, и первый секретарь посольства фон Штумп удивленно записал: «Почему они не уйдут с дороги?... Мы не хотим делать им больно, но если они окажутся на нашем пути, мы втопчем их в грязь, смешаем с землей. О, несчастные глупцы...»

4 августа лавина войск хлынула через бельгийскую границу. Британское правительство предъявило ультиматум – прекратить вторжение. Немцы этим очень возмутились, подняли шум о «расовом предательстве», о «враждебном окружении». Рейхстаг единогласно проголосовал за военный кредит в 5 млрд. марок на «защиту страны». Кайзер, узнав о столь единодушной поддержке, удовлетворенно отметил, что «отныне в Германии нет никаких партий, а только немцы». На ультиматум Лондона еще не ответили, но германские газеты вопили: «Англия объявила войну!» А когда его срок истек, Черчилль приказал флоту открыть боевые действия.

Италия и Румыния, несмотря на союзные договоры с Германией и Австрией, предпочли заявить о нейтралитете. В Берлине были уверены, что союзницей станет Япония или займет благожелательный нейтралитет, и русским придется держать значительные контингенты

на Дальнем Востоке. Но она осталась верна дружбе с Англией, да и почему бы не пожить за счет Германии? 15 августа, совершенно неожиданно для немцев, Япония предъявила ультиматум. Потребовала передать ей германскую базу в Китае Циндао, отозвать из китайских и японских вод военные корабли. А когда немцы отказались, объявила войну.

Началась Первая мировая. Могла ли Россия уклониться от нее? Факты показывают – нет. Агрессия была предрешена в Берлине и нацеливалась именно на русских. Царь был честным и благородным человеком, он никогда не пошел бы на нарушение союзнического долга. Но даже в гипотетическом случае, если бы Россия разорвала альянс с Францией, пожертвовала Сербией, реализовался бы именно тот вариант, который случился в 1941 г. Легко сломив противников на западе, неприятели обрушились бы на восток. Россия осталась бы в одиночку против коалиции из Германии, Австро-Венгрии и Турции. При подобном раскладе к ним наверняка примкнули бы Италия, Румыния, могли соблазниться и Япония, Швеция. В Петербурге это понимали и строили политику соответствующим образом. И было так, как было.

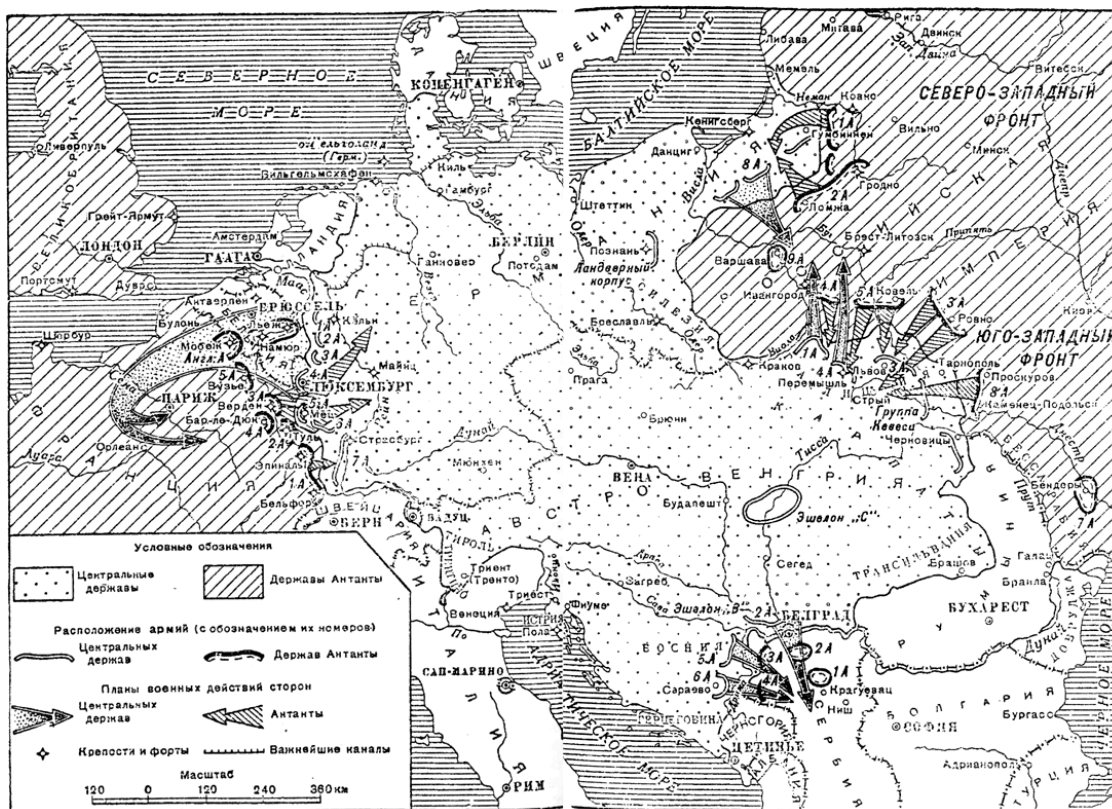
10. Армии и планы

В начале XX в. в армиях различных государств примерно 70 % солдат составляла пехота, 15 % артиллерия, 8 % конница. Аэропланы использовались в основном для связи и разведки. Бомбы бросали вручную, они были разные типы, до 10 кг. Авиация, связь, автомобильный транспорт еще не выделились в самостоятельные рода войск (в России они входили в инженерные войска вместе с саперами). А границы всех стран прикрывались линиями мощных крепостей. Во Франции – Мобеж, Седан, Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор. В Германии вдоль французских границ – Кельн, Майнц, Мец, Страсбург, вдоль русских – Кенигсберг, Летцен, Данциг, Торн, Позен, Бреслау. У австрийцев – Краков, Перемышль, Галич, Миколаев. У русских – Ковно, Гродно, Осовец, Новогеоргиевск, Брест.

По технической оснащенности лучшей армией была германская. Она насчитывала 2,5 млн. штыков и сабель. Солдаты у немцев 2 года служили на действительной, 4,5 года числились в резерве, потом переходили в ландвер (территориальные войска), а допризывники в возрасте от 17 до 20 лет, лица от 35 до 45 лет и непригодные к службе по состоянию здоровья составляли ландштурм (ополчение). В других странах служба в запасе была формальностью, но в Германии она понималась буквально. С запасниками регулярно проводились сборы, учения, и войска резерва не уступали кадровым. Германский пехотный корпус насчитывал 45 тыс. человек, состоял из 2 дивизий и специальных частей. В дивизии (17 тыс.) было 2 бригады, в бригаде – 2 полка, в полку 3 батальона по тысяче человек. В дивизии имелось 24 пулемета и 72 орудия, из них 12 тяжелых. А корпусная артиллерия состояла из 16 тяжелых орудий (калибр 150 мм). Кавалерийский корпус состоял из 2–3 дивизий по 4200 сабель.

Профессиональные качества командиров были высокими. Действовал строгий порядок «синих конвертов» – под новый год нерадивый офицер находил на столе извещение, что он уволен, и жаловаться было бесполезно. Но и доверие было высоким. Командир в рамках поставленной задачи мог не оглядываться на начальство и выполнять ее так, как считает нужным. В обучении войск важная роль отводилась идеологии, вбивались в головы все те же теории о «расовых особенностях», «особой исторической миссии».

Но у германской армии имелись серьезные уязвимые стороны. Тактика очень отставала от современных требований. Обороне отводилось недостаточное внимание. При наступлении предусматривались атаки в полный рост густыми цепями, с интервалами в 2 шага, а то и сомкнутыми колоннами. Цепь должна была держать равнение. Отрабатывался и такой архаичный прием – через определенное число шагов цепь останавливалась, прицеливалась, давала залп и маршировала дальше (под огнем противника). Кавалерия тоже готовилась к атакам в плотных строях. А германская стратегия по опыту прошлого века нацеливалась на победу в одном генеральном сражении. Отрицалась необходимость стратегических резервов, следовало бросить в бой все сразу – и выиграть.

Планы и развертывание сторон

Основой стратегии был план Шлиффена. 7 армий направлялось на французов, а против русских оставались лишь 2 корпуса и ландвер. Граница Франции по географическим условиям была неудобной для массированного наступления, вдоль нее тянутся лесистые горы – Арденны, Аргонны, Вогезы, проходы в них запирались крепостями. Поэтому вторжение предполагалось через нейтральные Люксембург, Бельгию и Нидерланды. Здесь, на правом фланге, сосредотачивался ударный кулак, а левый, в Лотарингии прикрывали довольно слабые силы. Шлиффен допускал, что в начале войны будет временно потеряна Восточная Пруссия, придется отступить в Лотарингии. Но атакующие французы сами втянутся в мешок. А тем временем мощный правый фланг проламывает оборону, выходит в долину Сены, обходит Париж и весь французский фронт, прижимает французские армии к границе и устраивает им разгром, грандиозные «Канны». Затем войска быстро перекидываются на Россию. Наносятся сходящиеся удары, немцы с севера, а австрийцы с юга, от Кракова. Окружают русских в Польше и громят.

Мольтке, преемнику Шлиффена, план показался чересчур рискованным. Что толку в прорыве ударной группировки, если русские в это время выйдут к Берлину, а французы вторгнутся за Рейн? По Германии покатится паника, массы беженцев парализуют дороги, и все замыслы рухнут. Мольтке ослабил ударную группировку на 5 корпусов, 2 переместил в Восточную Пруссию, а 3 в Лотарингию. При этом стало возможно не нарушать нейтралитет Голландии – уменьшившаяся группировка могла развернуться в одной Бельгии. Но все равно успех казался обеспеченным. Операция была расписана по суткам. На 12-й день мобилизации предстояло взять Льеж, на 19-й Брюссель, а на 39-й Париж. Верховным главнокомандующим являлся кайзер, а фактическое руководство осуществлял его начальник штаба – Мольтке.

Армия Австро-Венгрии насчитывала 1,5 млн. штыков и сабель. Ее структура была близка к германской, но вооружение было слабее, на корпус приходилось 132 орудия (у

немцев 160). Похуже была и подготовка солдат, командный состав. Австрийские офицеры, в отличие от германских, активно отдавали дань «житейским радостям», любили сверкать мундирами по балам, театрам, ресторанам, увлекались дамами (или мужчинами, в австрийском «свете» это было модно). Войска ослабляла и национальная неоднородность. Лучшими частями были венгерские, в бою они ничуть не уступали германским. Отличными воинами были немцы, хорваты, босняки. Но у поляков, русинов, словаков, а особенно у чехов и румын воинский дух и дисциплина были заметно ниже.

Императору Францу-Иосифу исполнилось 74 года, а наследником после смерти Франца-Фердинанда стал эрцгерцог Карл, далекий от политики и военных вопросов. Верховным главнокомандующим поставили другого родственника императора, эрцгерцога Фридриха. Разумеется, номинальным. А фактическим стал начальник генштаба Франц фон Конрад фон Гетцендорф. Планы австрийцев представляли собой некую вариацию плана Шлиффена. Войска разворачивались тремя группировками. Эшелон «А», 50 % сил, против России. Эшелон «В», 25 % сил, против Сербии. А эшелон «С» в центре страны для усиления той или иной группировки. Конрад тоже учел разницу сроков мобилизации в 15 дней между Россией и Австро-Венгрией. Эшелон «А» должен был атаковать в Галиции и бить русских, еще не успевших сосредоточиться. А эшелон «С» направлялся на Балканы. Вместе с эшелоном «В» они мгновенно давили Сербию, потом их перебрасывали на восток. К этому времени подтягивались германцы, разгромившие Францию, и австрийцы наносили главный удар в Польше, навстречу им.

Планы развертывания Австро-Венгрии стали известны русским, завербовавшим начальника австрийской контрразведки полковника Редля. Но в 1913 г. он попался. В то время методы агентурной работы были еще довольно примитивными, и Редль (профессионал!) получал вознаграждение по почте, ходил туда, переодевшись и напялив парик. Полиция обратила внимание на странного получателя переводов. Конрад поступил хитро – не поднимая шума, Редля вынудили застрелиться, а план развертывания изменили, о чем русские не знали.

К вооруженным силам Турции в странах Антанты относились пренебрежительно, помнили, как легко ее громили в Балканской войне. Но в 1912 г. терпели поражения разложившиеся революционные войска, а к лету 1914 г. с помощью немцев возникла практически новая армия. Было сформировано 13 корпусов и 2 отдельные дивизии. Турецкий корпус (45 тыс. бойцов) состоял из 3 пехотных дивизий, кавалерийской бригады, артдивизиона, истребительного и санного батальонов. В дивизии было 3 полка по 3 батальона, пулеметная рота, кавалерийский эскадрон, дивизион тяжелых и дивизион легких орудий. Турция готова была выставить армию в 800 тыс. человек и имела еще 1 млн. обученного резерва. Эти силы дополнялись иррегулярной конницей курдов и арабов (200 тыс. сабель).

Слабым местом османов было вооружение, его закупали за границей. Но к началу войны немцы построили в Стамбуле патронные заводы. Части, стоявшие на главных направлениях, перевооружили современными германскими винтовками «маузер». А старые винтовки «маузер», однозарядные «пибоди» и «мартин» пошли на вооружение курдских племен. Но артиллерии еще не хватало. Корпусные и дивизионные тяжелые батареи оснащались немецкими орудиями калибра 105 мм, в легких батареях имелись пушки и гаубицы разных систем, Круппа, «Шкоды», «Крезос».

Турецкие солдаты были очень выносливыми, стойкими и дисциплинированными, офицеры имели отличную подготовку, многие учились и стажировались в Германии, на командных постах находились 70 немецких военных специалистов. А планы во многом определялись идеологией «туранизма» и панисламизма. Предполагалось два удара. На Кавказ, отобрать его у русских, и на Суэц, перекрыть англичанам ближайшую дорогу в Индию. Считалось, что эти удары вызовут восстания мусульман в России и Северной Африке.

Самой отсталой из великих держав была армия Франции. Из уроков франко-прусской войны она сделала весьма своеобразные выводы – надо двигаться не вперед по пути прогресса, а... назад, к традициям Наполеона. Была принята теория «жизненного порыва». Чья воля сильнее, тот выиграл. Добиться порыва, напора, и враг бежит. Особенности местности, фортификация, вооружение – все это объявлялось ложными теориями «низшей части воинского искусства». Оборона вообще сбрасывалась со счетов. Полевой устав, принятый в 1913 г., учил: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме наступления».

Временный переход к обороне допускался только для «экономии сил» на второстепенных участках, откуда снимались войска для наступления. Для укрытия предполагалось использовать лишь складки местности. Окапываться солдат не только не учили, но и запрещали, чтобы не испачкали форму, не утратили бодрого вида и наступательного духа. В приказах писалось: «Никогда французская армия не будет рыть окопы, она будет всегда решительно атаковать и не унижит себя до обороны». За месяц до войны один гусарский лейтенант угодил под арест за то, что познакомил эскадрон с рытьем окопов. Стратегических резервов не предусматривалось – все должно решиться в первых сражениях.

Требовалось «сразу, без оглядки пускать в бой все средства». Атаковать «змейками», а лучше, для пущего напора, сомкнутыми строями. Разведка считалась несущественной мелочью – нельзя задерживаться, раздумывать. «Важнее воспитать в себе дух, необходимый для победы, нежели разбирать способы ее достижения». А роль артиллерии сводилась к «огневому шквалу» – продолжить дорогу броску пехоты. Французы оснащали войска легкими пушками калибра 75 мм, но тяжелой артиллерии не было совсем. Полагали, что она замедлит темпы наступления. Правда, на французских заводах производились отличные тяжелые орудия, но их изготовляли не для своей армии, а по иностранным заказам.

Дивизии по численности примерно соответствовали германским, в пехотной 17 тыс., в кавалерийской 4 тыс. Но орудий в пехотной дивизии было всего 36. А корпусная артиллерия составляла 48 стволов. В сумме на корпус приходилось 120 орудий – все легкие. Связь осуществлялась через посыльных. Такую новинку как радио не принимали в расчет. А телефоны предусматривались разве что для старшего начальства – ведь телефонные провода в ротах и батареях «привяжут» их к месту, помешают стремительному продвижению. Не было даже полевых кухонь. Тоже из «наполеоновских традиций». Солдат в походе должен был получать еду сухим пайком и готовить на кострах, каждый для себя.

Немцы, русские и англичане уже давно переодели войска в защитную форму, но французы начинали войну в красных штанах, красных кепи (у офицеров с белыми плюмажами), в синих мундирах и шинелях. Кавалерия красовалась в сверкающих кирасах, в касках с хвостами из конского волоса, султанами из перьев. Когда военный министр Мессими предложил ввести защитное обмундирование, сочли, что это подорвет воинский дух, и бывший военный министр Этьен восклицал в парламенте: «Ле панталон руж се ля Франс!» («Красные штаны – это Франция!»)

Подготовка войск велась только на плацу – чтобы не портить крестьянских полей. Стрельбой занимались мало (для кавалерии курс составлял всего 3 дня). Основными должны были стать штыковые и сабельные удары. Пехоту тренировали в «наполеоновских» маршах по 40 км. Отрабатывали нормативы штыкового броска – 50 м следовало преодолеть за 20 секунд. Считалось, что врагу нужно 20 секунд, чтобы перезарядить винтовку, прицелиться и выстрелить. Лишь одна из крепостей, Мобеж, была оборудована железобетонными укреплениями. Остальные были кирпичными, давно устарели. Их не совершенствовали – зачем, если все решится в наступлении? Крепость Лилль на бельгийской границе упразднили совсем, там немцев не ждали.

Верховным главнокомандующим стал начальник генштаба 62-летний маршал Жозеф Жак Сезар Жоффр. Герой войн на Мадагаскаре, человек волевой, крайне консервативный и самоуверенный. По французским законам, с начала войны главнокомандующему передавалась полная власть в военных вопросах, и ни президент, ни правительство не имели права вмешиваться в его распоряжения. А командующим армиями не предоставлялось ни малейшей самостоятельности, каждый шаг они должны были согласовывать с верховным.

Прохождение службы во Франции подразделялось на действительную и службу в запасе. Но на подготовку резерва внимания не обращалось. Французы были убеждены, что войну должна вести только кадровая армия. У резервистов не может быть нужного «порыва», и разбавлять ими регулярные части нельзя, чтобы не ослабить «дух». Тем, кого призвут из запаса, оставляли охрану тыловых объектов, патрулирование. Мало того, французское командование переносило собственные взгляды и на противника. Пребывало в полной уверенности, что немцы тоже не станут использовать резервистов. У немцев почти все корпуса существовали «в двух экземплярах», полевые и резервные, причем с таким же номером. Но французы считали их за один. Разведка многократно докладывала, что это не так, однако начальство ее информацию отметало. Дескать, такого не может быть.

В результате силы противника преуменьшались чуть ли не вдвое! Французские шпионы за огромную сумму купили у германского генштабиста план Шлиффена, но его признали фальшивкой! Прикинули по собственным оценкам численность немцев (получалось 26 корпусов), и выходило, что на всю протяженность фронта, на обход через Бельгию, этого не хватит. Заместитель председателя военного совета Мишель поверил, что план Шлиффена истинный, настаивал на усилении обороны, но Жоффр заявил: «Нет смысла обсуждать это предложение. Генерал Мишель не в своем уме». Для французской армии был разработан План-17. Вдоль границ с Германией разворачивались 5 армий. Главный удар наносился на правом фланге, в Лотарингии, второй удар – в Арденнах. Предполагалось прорвать неприятельскую оборону и двигаться за Рейн, на Берлин. А левый фланг на границе с Бельгией оставался вообще неприкрытым. Именно тот участок, куда нацеливались стрелы немецкого генштаба.

В Берлине о недостатках французской армии знали, более опасным противником считали англичан. Но британцы, наращивая флот, начали экономить на сухопутных войсках. Ассигнования на них за 10 лет сократились втрое. Тех мощных армий, которые Англия выставляла в начале века против буров, уже не существовало. В самой Англии располагались лишь 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. Это были прекрасные профессиональные соединения, они состояли почти из одних сержантов. Но развернуть их за счет призыва пополнений было невозможно. У англичан не было воинской повинности, армия формировалась по принципу добровольного найма – соответственно, не было обученных резервистов. Правда, имелись многочисленные колониальные войска, но они были разбросаны по всему миру и привыкли нести, в основном, полицейскую службу.

У англичан тоже хватало анахронизмов. Например, наставлениями предусматривалось, что на третий день мобилизации должна производиться заточка офицерских сабель. Некоторые высшие офицеры пренебрегали даже пулеметами, считая их «пустой игрушкой». А войны в колониях, легкие победы над «дикарями» выработали у британцев весьма легкомысленное отношение к войне. Когда Англия вступила в мировую схватку, военным министром был назначен покоритель Судана и буров фельдмаршал Китченер. Главнокомандующим экспедиционными силами стал Джон Френч. Четких планов у англичан не было. Одни политики и военачальники полагали, что армия должна быть придатком флота и использоваться для десантов. Другие думали воевать на континенте вместе с французами.

Вторжение немцев толкнуло в лагерь Антанты и Бельгию. Ее армия состояла из 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий и насчитывала 175 тыс. человек (вместе с жандар-

мами). Главнокомандующим был король Альберт. Но Бельгия долго прожила мирной и нейтральной. Бельгийцы считали собственную армию лишней, сборищем дармоедов. Служили те, кто не нашел другую работу. Только в 1913 г. ввели воинскую повинность, народу это очень не нравилось. Части были расхлябанными, солдаты даже не умели ходить в ногу. Стрельбы проводилась изредка, по выстрелу на человека. Границы прикрывали две сильные крепости, Льеж и Намюр, но у полевой армии было мало артиллерии, пулеметов.

А в Сербии была милиционная система комплектования армии. Она являлась общенародным ополчением и насчитывала 12 пехотных, 1 кавалерийскую дивизии и отдельные отряды (250–300 тыс. чел.) Армия была плохо организована, слабо вооружена. Но она приобрела немалый боевой опыт в Балканских войнах. Очень высоким был воинский дух, войска горячо поддерживало все население. Главнокомандующим или «воеводой» в Сербии являлся генерал Радомир Путник.

Русская армия достигала 1,5 млн. человек. По уровню подготовки она значительно превосходила другие державы, а по технической оснащенности уступала лишь германской и австрийской – но ведь они целенаправленно готовились к войне. В России солдаты 3 года служили на действительной, 7 лет числились в запасе I разряда, 8 – в запасе II разряда. Те, кто не служил, но был пригоден к строевой, входили в состав ополчения двух разрядов и назывались ратниками. Пехотный корпус по численности примерно соответствовал германскому, но дивизия была больше – 21 тыс. Она состояла из 2 бригад, бригады из 2 полков, полк из 4 батальонов (по 1 тыс.), а батальон – из 4 рот. Кавалерийская дивизия состояла из 4 полков по 6 эскадронов (один полк драгунский, один уланский, один гусарский и один казачий). Она насчитывала 4 тыс. шашек, но, в отличие от германской и французской, русская кавдивизия включала еще пулеметную команду и дивизион из 12 орудий.

Оружие было лучше или, по крайней мере, не хуже зарубежных аналогов: трехлинейная винтовка Мосина, револьвер Нагана, пулемет Максима, усовершенствованный тульскими оружейниками. Пулеметов было по 8 в полку – так же, как у немцев и французов. Одними из лучших в мире были скорострельные трехдюймовые (76 мм) орудия Барановского. В дивизии имелось 48 пушек (у немцев – 72, у французов – 36). А всего в русской армии было 7030 орудий (из них 240 тяжелых). Для сравнения: в Германии – 9398 орудий (1300 тяжелых и 996 осадных), в Австро-Венгрии 4083 (960 тяжелых и 338 осадных), во Франции – 4800 (легких).

Первые полевые радиостанции, созданные А. С. Поповым и капитаном Троицким, были введены еще в 1900 г., и к началу мировой войны во всех корпусах существовали «искровые роты». Широко использовалась телефонная и телеграфная связь. В войсках насчитывалось более 3000 автомобилей (у немцев лишь 83 штуки, они недооценивали автотранспорт, предназначали его только для передовых отрядов). Воздушные силы составляли 263 самолета и 14 дирижаблей. Опять же, для сравнения – в Германии 232 самолета и 15 дирижаблей (их еще называли цеппелинами), во Франции – 156 самолетов и 5 дирижаблей (когда Жоффру доказывали пользу авиации, он отмахнулся: «Ну, это для спорта!»).

Впрочем, авиация была совершенно новым видом техники, самолеты сильно различались по своим качествам. В русском флоте были великолепные гидропланы М-5 и М-9, сконструированные Д. П. Григоровичем, они считались лучшими в мире. В 1913 г. на Русско-Балтийском заводе был создан многомоторный самолет Сикорского «Русский витязь», а на его базе – бомбардировщик «Илья Муромец», на нем уже имелись специальные подвески для бомб, сбрасыватели и прицелы. Для летчиков на этом самолете применялся парашют Котельникова. Но большинство аэропланов в сухопутных войсках были иностранного производства и устаревших моделей, ненадежные и невооруженные.

Русские конструкторы Федоров, Токарев, Рощепей уже создали первые образцы автоматических винтовок. В 1904 г. мичман Власов и капитан Гобято изобрели миномет. Появи-

лись образцы ручных пулеметов, «противосамолетных» орудий. Они оставались еще на уровне разработок, но к началу войны их не было и в других странах. Кстати, в европейских армиях не было и ручных гранат, их считали сложным и опасным оружием. У немцев гранаты изготавливались не на заводах, а саперами, и ими же применялись. У русских гранаты уже производились, начали поступать в войска. Новое Наставление для пехоты предусматривало забрасывать противника гранатами перед штыковым ударом. Но на практике войска этому еще не обучали.

Русская стратегия и тактика были передовыми для того времени, учитывали опыт японской войны. Главным видом боевых действий признавалось наступление, но должное внимание уделялось и обороне. Атаковали в более редких порядках, чем на Западе (интервалы до 5 шагов). Применялось переползание, движение перебежками, выдвижение отделениями или одиночными солдатами под прикрытием огня тех, кто остается на месте. Не только в обороне, но и в наступлении от солдат требовалось окапываться. Армию обучали встречному бою, действиям в ночных условиях, вместо штыковой вводилась огневая тактика. Пехота показывала очень высокие результаты в стрельбе, а артиллеристы не знали себе равных – в их среде считалось делом чести не просто метко стрелять, но и досконально, вплоть до винтиков, знать свое орудие. Русская артиллерия в японской войне впервые применила стрельбу с закрытых позиций с помощью угломера и панорамы, а для корректировки огня использовала аэростаты. Прекрасно была подготовлена и кавалерия, ее учили действовать как конных, так и в пеших порядках.

Важная роль отводилась индивидуальному обучению солдат и командиров. Русские офицеры и унтер-офицеры были настоящими мастерами военного дела. Классик военной педагогики М. И. Драгомиров в своих работах требовал: «Близко общаться с подчиненными»; «ставить службу выше личных дел»; «не бояться самостоятельности». Кадровая русская армия превосходила германскую и по качеству бойцов. Солдаты в ней служили в прямом смысле слова отборные. Россия содержала гораздо меньшие вооруженные силы, чем позволяли ее человеческие ресурсы. Из призывников медицинские комиссии отбирали лишь 52 %! Самые здоровых и сильных. (В Германии отсеивали всего 3 %, явных инвалидов).

Слабые стороны, к сожалению, имелись и у русских. Со времен Петра I сохранялась практика назначать офицеров и генералов на гражданские административные посты. Чины и выслуга при этом шли, и потом их, забывших о строевой службе, могли вернуть в армию. Плохо была поставлена подготовка резерва. Сборы и учения запасников проводились только у казаков. А 48 % призывников, которые не попадали на действительную службу и числились в ополчении, оставались вообще необученными. С офицерским резервом дело обстояло еще хуже. Это были выпускники вузов, получавшие с дипломом чин прапорщика запаса, но о службе не имевшие понятия, или офицеры, уволенные по возрасту, состоянию здоровья, за проступки.

В военной области негативно сказывалось и западничество. Французы, несмотря на грубейшие недостатки в собственной армии, были уверены, что она подготовлена лучше всех. Самоуверенно поучали коллег из Петербурга, и русские генштабисты развешивали уши, перенимали глупые теории «борьбы волей», «порыва». Под влиянием французов недооценивали тяжелую артиллерию. Позже, правда, спохватились, по новой военной программе артиллерию предполагалось значительно усилить. На корпус должно было приходиться 156 орудий, из них 24 тяжелых. Но реализация этих планов только начиналась, и в августе 1914 г. на корпус приходилось 108 пушек, из них 12 тяжелых (122 или 152 мм).

Военное министерство возглавлял генерал от кавалерии Сухомлинов. Он был толковым администратором, много сделал для подготовки к войне. Но чрезмерным рвением не отличался. На январь 1914 г. из ассигнований, выделенных военному ведомству, накопилась огромная сумма в 250 млн. руб., их просто не удосужились использовать. Министер-

ство почти не следило за сроками выполнения заказов, графики поставок срывались. Вместо того, чтобы развивать отечественную промышленную базу, Сухомлинов размещал заказы в Англии, Франции, даже в Германии. За рубежом изготавливались тяжелые орудия, самолеты, часть боеприпасов. Иностранцы совершенно окрутили министра. Сделать это было не трудно. Сухомлинов, вдобавок ко всему, был человеком легкомысленным, в 60 лет женился на 28-летней красавице. Она была ветреной и расточительной особой, муж всячески ублажал ее и постоянно нуждался в деньгах. Представители зарубежных фирм подмазывали его взятками, получая заказы. А среди тех, кто наставлял ему рога с супругой, был резидент австрийской разведки Альтшиллер.

Русский План-19 предусматривал два варианта действий. Вариант «А» – если первый удар немцев обрушится на Францию, и вариант «Г» – на Россию. По первому варианту, который и начал осуществляться, 4 армии Юго-Западного фронта (52 % всех сил) сосредотачивались против Австро-Венгрии. Встречными ударами из Польши и с Украины они должны были уничтожить неприятельские силы в Галиции и развивать наступление на Вену и Будапешт. Против Германии действовали 2 армии Северо-Западного фронта (33 % сил). Сходящимися ударами с востока, из Литвы, и с юга, из Польши, предусматривалось разгромить немцев в Восточной Пруссии и тем самым оттянуть на себя войска из Франции. Кроме того, развертывались две отдельные армии (15 % сил) – 6-я, для прикрытия Петрограда и побережья Балтики, и 7-я – для защиты румынской границы и берегов Черного моря.

Сперва считалось, что Верховным Главнокомандующим будет царь, но его уговорили не принимать на себя руководство войсками. Этот пост занял 58-летний генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич. Он был опытным и мужественным военачальником, отличился в русско-турецкой войне, одним из первых под огнем форсировал на понтоне Дунай. Достоин сражался на Шипке и был награжден орденом Св. Георгия IV степени. С 1905 г. он командовал Петербургским военным округом, возглавлял военный совет по реорганизации армии после японской войны. Знал и помнил всех офицеров, с которыми когда-либо встречался, и многих солдат.

Брусилов вспоминал: «По моему мнению, в это время лучшего Верховного Главнокомандующего найти было нельзя... Это – человек, несомненно всецело преданный военному делу, и теоретически, и практически знавший и любивший военное ремесло... Назначение его Верховным Главнокомандующим вызвало глубокое удовлетворение в армии. Войска верили в него...». Немцы тоже высоко оценивали великого князя, считали «жестким и умелым противником, обладающим железными нервами». А некоторые его стратегические идеи Людендорф называл «в высшей степени смелыми и блестящими».

Начальником штаба Ставки автоматически становился начальник генштаба. На эту должность в 1914 г. прочили талантливого стратега М. В. Алексеева. Но Сухомлинов придрался, что он, будучи выходцем из низов, не знает языков – как же он будет общаться с союзниками? В результате был назначен Янушкевич, прежде возглавлявший Академию генштаба, а должность генерал-квартирмейстера, отвечавшего за оперативную работу, занял генерал Данилов. Они звезд с неба не хватали, но были вполне грамотными специалистами, по уровню подготовки не уступали зарубежным коллегам.

Ставка Верховного Главнокомандующего разместилась в Барановичах. Здесь все было устроено без какой-либо роскоши, даже без «лишних» бытовых удобств, только для дела. Сперва Николаю Николаевичу выдели лучший дом в городе, но он находился далеко от станции, где имелись линии связи и обосновались оперативный и разведывательный отделы. Великий князь предпочел жить в вагоне. Большинство служб также располагались в вагонах на запасных путях. Хотя не обошлось без казусов – Николай Николаевич был очень высокого роста и, задумавшись, несколько раз набивал себе шишки в низких вагонных дверях. Тогда

его сотрудники догадались наклеивать бумажки на верхние притолоки, чтобы обратить внимание великого князя и заставить вовремя нагибаться.

Всего к началу войны в странах Антанты имелось 6,2 млн. солдат и офицеров и 13 тыс. орудий, у Центральных держав, Германии и Австро-Венгрии – 4,4 млн. штыков и 15 тыс. орудий. Но английские и французские войска были рассредоточены по колониям, русские – по просторам своей страны. Если же брать те силы, которые готовы были вступить в сражение, то на Западе французским, английским и бельгийским частям численностью 1,6 млн. при 4640 орудиях противостояли германские армии тоже в 1,6 млн. бойцов при 5 тыс. орудий. На восточном театре действовало более 1 млн. германских и австро-венгерских солдат при 2,7 тыс. стволов артиллерии, русских – 850 тыс. при 3,2 тыс. орудий. Наши армии уступали неприятелю в живой силе, но превосходили его по технике.

11. Первые бои

Русский народ встретил войну с единодушным патриотическим подъемом. Санкт-Петербург был переименован в Петроград – символически открещиваясь от всего «немецкого», даже в названиях. В стране на время войны объявлялся сухой закон, и люди восприняли его с полным пониманием. А сама война не называлась тогда Мировой (и уж конечно – не Первой мировой). Этот термин утвердился значительно позже. В народе ее называли германской, а официально – Великой войной. А поскольку опасность нависла над самим Отечеством, и война началась при общей народной поддержке, то привилось и другое наименование – Вторая Отечественная. Или Великая Отечественная.

Политические партии прекратили свою обычную грызню, либералы «заключили мир» с правительством. В Думе левый Милюков и правый Пуришкевич публично обменялись рукопожатием. А национальные фракции – поляки, латыши, литовцы, татары, евреи и т. п., приняли общую декларацию, выражали «неколебимое убеждение в том, что в тяжелый час испытания... все народы России объединены единым чувством к родине, твердо веря в правоту своего дела, по призыву своего государя готовы стать на защиту Родины, ее чести и достоинства». Но далеко не все были искренними. Либералы и демократы уже в те дни рассуждали, что союз с Англией и Францией – это замечательно. Строились прогнозы, что в подобном альянсе наша страна должна будет реформироваться, ориентируясь на союзников. В кулуарах выдвигался лозунг, что победа в войне, должна стать «победой не царизма, а демократии».

А пока в Петрограде и других городах произносились речи и устраивались манифестации, моряки Балтфлота уже начали боевые операции. Командовал им вице-адмирал Николай Оттович Эссен. Это был замечательный флотоводец, отличившийся в японской войне, сподвижник и друг адмирала Макарова. На Балтике у русских было 4 старых линкора, 10 крейсеров и 49 эсминцев. Германский флот имел колоссальное численное превосходство, мог нанести удар и по Кронштадту, и по столице. Чтобы предотвратить угрозу, самая узкая часть Финского залива от Ревеля (Таллина) до Поркала-Удд перекрывалась 8 линиями минных заграждений. А корабли Балтфлота и береговые батареи прикрывали их и должны были дать бой, если враг попытается протралить проходы.

Авторами плана были сам Эссен и капитан I ранга Александр Васильевич Колчак – известный ученый-полярник, совершивший несколько смелых экспедиций, герой Порт-Артура. Еще в Японскую он зарекомендовал себя непревзойденным мастером минного дела. Когда стало ясно, что назревает война, Эссен несколько раз просил разрешения ставить мины, но царь запрещал это делать, пока остается надежда на мир. 31 июля поступили агентурные данные, что германский флот двинулся на Балтику. Нападение могло грянуть внезапно, как в Порт-Артуре. Эссен доложил: «Считаю необходимым тотчас же поставить заграждения, боюсь опоздать. Если не получу ответа сегодня ночью, утром поставлю заграждения».

Он решился действовать на свой страх и риск, готов был пожертвовать карьерой. Вывел в море корабли, но как раз в эту ночь Россия получила германский ультиматум. В 4.15 Эссен получил радиogramму: «Разрешаю поставить главные заграждения. Николай». Позже стало известно, что Вильгельм действительно намеревался начать войну массированным ударом с моря. Но в это время британский флот по команде Черчилля перемещался в Скапа-Флоу. Кайзера обеспокоили эти маневры. Он счел, что англичане могут атаковать побережье Германии, и приказа о рейде на Петроград не отдал.

На период развертывания главных сил обе стороны выставляли по границе завесу из кавалерийских частей. 4–5 августа у городка Кибарт в Восточной Пруссии произошли пер-

вые стычки между русской и германской конницей. А 12 августа возле литовского местечка Торжок пост из 5 казаков 3-го Донского им. Ермака Тимофеевича полка заметил разъезд вражеских драгун, захвативший на русскую территорию. Немцев было 27, но казаки их атаковали с гиком и посвистом, хотели загнать под огонь другого поста. Однако соседи уже отошли, а противник разобрался, что казаков мало, завязалась схватка. Особенно отличился приказной (ефрейтор) Кузьма Крючков. Отстреливался, рубился, а когда враги надели и выбили пашку, желая взять в плен, выхватил у немца пику и отмахивался, как оглоблей. Сразил 11 неприятелей, получив 16 ран. Уцелевшие драгуны удрали.

Крючков первым в этой войне был награжден Георгиевским крестом. Во избежание путаницы стоит пояснить, что в России существовал орден Св. Георгия для офицеров – очень престижный, им награждали только на фронте за исключительные заслуги. Для нижних чинов предназначались Знак отличия ордена Св. Георгия и Георгиевская медаль. Полный бант состоял из 8 наград, 4 крестов и 4 медалей. Тех, кого награждали Георгиевским крестом, одновременно повышали в чине. За IV степень – до ефрейтора, за III – до унтер-офицера, за II – до подпрапорщика, а за I – производили в офицерский чин прапорщика, но при условии, если награжденный имеет среднее образование.

Тем временем по стране началась мобилизация. Современники отмечали, что на Японскую призывники шли неохотно, не понимая, зачем нужно ехать в какую-то Маньчжурию. Но войну с Германией сразу восприняли как справедливую. Крестьяне осеняли себя крестным знаменем и шагали на призывные пункты, не дожидаясь повесток. Было много добровольцев. Записывались в армию рабочие, даже те, кто имел броню. Вставали в строй студенты, интеллигенция. В числе добровольцев были писатель Александр Куприн, поэт Николай Гумилев, стал медбратом Сергей Есенин. Перешел из студентов на курсы гардемаринов Иван Исаков – будущий адмирал. Группа учеников Костромской духовной семинарии попросила сдать экзамены экстерном, чтобы идти воевать – среди них был будущий маршал Василевский. Под Одессой, тайком забравшись в воинский эшелон, сбежал на фронт 16-летний мальчишка Родион Малиновский – тоже будущий маршал. Уговорил, чтобы его приняли, как сироту.

По русским планам, западную часть Польши оборонять не предполагалось. Она глубоко вклинилась между Австрией и Германией, и войска тут было легко окружить. Развертывание главных сил велось по линии р. Неман – Брест – Ровно – Проскуров (Хмельницкий). А «Завислянский край» с началом войны эвакуировался, сюда сразу вошли германские части ландверного корпуса ген. Войрша. Заняли Калиш, Ченстохов. С ходу отметились жестокостью. Брали и казнили заложников, накладывали контрибуции, а мужчин, не успевших или не захотевших уехать, объявляли пленными и отправляли в лагерь.

Навстречу немцам выдвигалась наша конница. Большинство поляков симпатизировало русским, и добровольцев здесь тоже хватало. Когда 5-й Каргопольский драгунский полк сделал привал в селе Гроец, к командиру явились два парня с просьбой принять на службу – Вацлав Странкевич и Константин Рокоссовский, еще один будущий маршал. Ему было лишь 17, и он добавил себе 2 года, чтобы взяли. Полковник Шмидт зачислил их в часть, а через несколько дней обнаружили немцев в селе Ново-Място. Рокоссовский вызвался в разведку. Переоделся в штатское, сходил в село и узнал, что там расположились кавалерийский полк и рота велосипедистов. На переправе через р. Пилицу их встретили огнем и разгромили. Рокоссовского наградили Георгиевским крестом IV степени.

А на австрийской границе сперва было тихо. Дипломатическая ситуация сложилась вообще парадоксальная. Германия объявила русским войну, якобы защищая Австро-Венгрию, но сама Австро-Венгрия войны России не объявляла! В Берлине, кстати, серьезно нервничали – а что если вообще не объявит? Николай II тоже на австрийцев не нападал, выжидал, как они себя поведут. Но Вена лишь тянула время, пока не подтянет достаточно

войск, и только 6 августа объявила русским войну. А Франция и Англия объявили о войне с Австро-Венгрией лишь 12 августа, крайне неохотно, после категорических требований России.

Русско-австрийскую границу первым нарушил все же противник. В полосе 8-й армии генерала Брусилова, возле местечка Городок (ныне в Хмельницкой обл.) разместились 2-я сводная казачья дивизия. Переправившись через пограничную р. Збруч, на нее внезапно налетела австрийская кавалерийская дивизия. Казаки от неожиданности побежали, начальник их дивизии растерялся. Но командир бригады Павлов приказал четырем приданным ротам пехоты занять оборону, выдвинул пулеметы и артдивизион, а свою бригаду укрыл в сторонке. Австрийская конница сомкнутым строем, без разведки, неслась на Городок. Первые ряды скошили шквалом огня, разогнавшиеся задние налезали на них и сами падали под пулями и снарядами. А во фланг ударили казаки, и враг, спасаясь, покатился обратно. Брусилов отстранил от должности прежнего начдива, назначил на его место Павлова.

А на юге пришлось принимать меры предосторожности пока еще «мирному» Черноморскому флоту. 2 августа его командующий Эбергард доложил в столицу о перехваченных радиogramмах – между Портой и Германией заключен союз, стало известно о мобилизации в Турции. Вскоре добавилась еще одна угроза. В Средиземном море находились два новейших германских корабля, линейный крейсер «Гебен» (машина в 23 тыс. т водоизмещения, с экипажем из 1013 человек и мощным вооружением – 10 орудий по 280 мм, 12 – по 152 мм и 12 – по 88 мм) и легкий крейсер «Бреслау» (4,5 тыс. т водоизмещения, 373 чел. команды, 12 орудий по 105 мм). При угрозе войны от них требовалось идти на Сицилию, соединиться с флотами Австро-Венгрии и Италии. Но Италия объявила нейтралитет, немецкие крейсера оказались одни против французской и английской эскадр.

Тирпиц радировал командиру отряда контр-адмиралу Сушону: «2 августа заключен союз с Турцией. «Гебену» и «Бреслау» идти немедленно в Константинополь». В Средиземном море действовал флот Франции – 11 линкоров, 14 крейсеров и 24 эсминца. Но адмирал де Лаперер не рискнул сразиться с немцами. «Гебен» и «Бреслау» безнаказанно обстреляли французские африканские порты и двинулись на восток. Английский адмирал Милн тоже имел подавляющее превосходство, но от решительного боя уклонился. После стычки с британскими кораблями немцы благополучно оторвались от них и 10 августа вошли в Дарданеллы.

А в Стамбуле в эти же дни происходили весьма странные дипломатические маневры. 5 августа Энвер-паша вдруг пожелал увидеться с русским военным агентом Леонтьевым и предложил... заключить союз. Уверял, будто Порта еще ни с кем не связана никакими соглашениями, обещал отвести войска от границ, в удобное время спровадить немецких офицеров, разворачивал перспективы – создать блок против Австро-Венгрии и прогерманских балканских стран. А за это просил, чтобы Турции пообещали вернуть Эгейские острова, Западную Фракию и отменили «капитуляции» (торговые привилегии иностранцам).

Разумеется, это было провокацией. «Режим капитуляций» касался интересов Англии и Франции, а территории, которые просили турки, принадлежали Греции и Болгарии. Выманив нужные обещания, Энвер пытался вбить клин между союзниками по Антанте, поссорить Россию с греками и болгарам и обеспечить себе тыл для удара на Кавказ. Российский МИД на столь дешевую наживку не клюнул. Но переговоры были нужны Энверу еще и для того, чтобы поторговаться с немцами – одновременно он обсуждал с германским послом Вангенгеймом, что получит Турция за участие в войне.

Он добился своего, Германия пообещала ему «исправление восточной границы, которое даст Турции возможность соприкосновения с мусульманскими элементами в России». При этом посол поощрял Энвера: «Отдавая вам Кавказ, мы хотим открыть дорогу на Туран». Кроме того, Германия предоставила туркам заем в 100 млн. франков золотом. А тут и корабли

Сушона пожаловали. Энвер на заседании правительства с улыбкой объявил: «У нас родился сын» – имея в виду приход «Гебена». По международным законам, нейтральное государство обязано интернировать корабли воюющей страны, оказавшиеся в его порту. Но с немцами договорились о фиктивной сделке, Турция как бы «купила» крейсера.

Россия все еще пыталась удержать Порту от войны. Министр иностранных дел Сазонов обратился к Англии и Франции с предложениями. Сделать совместное заявление, что нападение Турции на одну из трех держав будет означать войну против всех, потребовать от нее отмены мобилизации, а нейтралитет оплатить, отдать ей после заключения мира все германские концессии и предприятия на ее территории. Но заявления уже не играли роли. 15 августа «Гебен» и «Бреслау» подняли турецкие флаги, немецких матросов нарядили в фески, а Сушон стал командующим османским флотом. Британской морской и французской полицейской миссиям пришлось уезжать восвояси, на их место прибыли офицеры из Германии.

Особо стоит остановиться на судьбах иностранцев, которых война застала на чужбине. Русских среди них было очень много. Жили они не бедно, провести за границей отпуск было обычным делом. Те, кто побогаче, любили оттянуться во Франции. В Германию приезжали отдохнуть на недорогих курортах, в горных пансионатах, подлечиться на водах и в знаменитых немецких клиниках. Ехали на экскурсии по «стране Гете», поступать на учебу в германские университеты. В Пруссию летом, как обычно, хлынули десятки тысяч сезонников из Русской Польши, Литвы, Белоруссии. А политический кризис развивался стремительно – еще 23 июля все было мирно и спокойно, а уже через неделю Европа была перечеркнута фронтами...

В Англии и Франции подданных враждебных держав сразу интернировали. А сотни русских в патриотическом порыве ринулись в посольство в Париже – раз уж не получалось быстро вернуться на родину, они желали сражаться в рядах французской армии. Такая договоренность была достигнута. Но французы зачислили русских в Иностранный легион. Это была особая часть, проявлявшая чудеса храбрости. Однако она формировалась из всякого сброда, а высокие боевые качества достигались крутым мордобоем. Когда с русскими интеллигентами стали обращаться таким же образом, они возмутились и отлупили своих сержантов. А французы церемониться не стали, арестовали «бунтовщиков» и по законам военного времени расстреляли. Да так быстро, что дипломаты даже не успели вмешаться.

В Австро-Венгрии русских отправляли в лагеря. Исключение делали только для большевиков и прочих экстремистов, Ленина и Троцкого взяли под опеку политики, высокие полицейские чины. Со всеми удобствами отправили за границу – а то как бы возбужденные граждане не наделали беды столь полезным людям.

В Германии в одном лишь Берлине оказалось 50 тыс. русских. Еще до объявления войны у них вдруг перестали принимать рубли, и многим стало не на что уехать. Больных, даже послеоперационных, начали выкидывать из клиник на улицу. А потом по гостиницам прокатились аресты. На улицах пошла истерия, озверевшие толпы ловили «русских шпионов», избивали и убивали. Кого-то успевала спасти полиция, собирала помятых мужчин и истерзанных дам. Для русских не хватало тюрем, их свозили в воинские части. Мужчин призывного возраста объявляли не интернированными, а вообще военнопленными. Били, глумились. Свидетель рассказывал, что в казармах драгунского полка под Берлином офицеры «обыскивали только женщин, и притом наиболее молодых». Женщин – потому что их ошупывали, заставляли раздеваться донага. Один из русских пытался защитить свою дочь, дал пощечину лейтенанту, «обыскивавшему» ее. «Несчастливого отца командир полка приказал схватить, и тут же, на глазах русских пассажиров его расстреляли».

Восточноевропейский театр войны

При посредничестве нейтральных стран женщинам, детям и людям в возрасте все же позволили выехать. В их числе был знаменитый режиссер Станиславский, он вспоминал, как это происходило. Массу людей, измученных и голодных, гоняли с поезда на поезд, высаживали на станциях. Лупили, подгоняли пинками. Конвоиры, сопровождающие их до границы Швейцарии, не уставали издеваться. Солдаты сопровождали дам в туалет, запрещая закрывать за собой дверь. Офицеры и здесь развлекались «обысками» женщин и девочек, бесцеремонно разглядывали их голых, сгорающих от стыда. Когда велели обнажиться жене Станиславского актрисе Лилиной, она медлила исполнять приказ, и ей разбили лицо рукояткой револьвера. С ними ехала старушка-баронесса, и офицерам очень понравилось хлестать ее по щекам. Она кричала: «Что вы делаете? Я же приехала к вам лечиться, а вы меня избиваете...»

Так обращались с «культурной публикой», ее выпускали за границу, и соблюдалась видимость «порядка» (обыскать подозреваемых – разве не законное требование?) С массами батраков в Пруссии условности были отброшены. Их подчистую ограбили, мужчин зачислили в пленные. Симпатичных батрачек без каких-либо «обысков» просто перенасиловали. Женщин отправили на работу в те же прусские поместья, но уже без оплаты, на рабских условиях. Если кто-то пробовал протестовать и требовать отправки в Россию, расстреливали на месте.

В России некоторые антигерманские эксцессы тоже имели место – возбужденная толпа погромила особняк немецкого посольства, откуда уже выехал весь персонал. Но подобные взрывы эмоций были стихийными, пресекались полицией. В нашей стране находилось 170 тыс. германских и 120 тыс. австрийских подданных – ни убийств, ни арестов не было. Россия стала единственной воюющей державой, где гражданам враждебных государств позволили свободно уехать. Руководство и сотрудники многих фирм покинули страну заранее, знали, что скоро будет война. А кое-кто позаботился сменить гражданство и преспокойно остался в России.

12. Льеж

В Германии царило праздничное настроение – победить предстояло быстро и легко. Пресса взхлеб писала о «войне до осеннего листопада», повторяла выражение кронпринца Вильгельма «frischfrolich Krieg» – освежающая веселая война. Против Франции разворачивались 7 армий. 1-я, 2-я и 3-я (700 тыс. человек) готовились к вторжению через Бельгию, центральная группировка, 4-я и 5-я армии (400 тыс.), должна была поддержать их ударом через Арденны, а на левом фланге 6-й и 7-й армиям (320 тыс.) предписывалось лишь удерживать перед собой французов, чтобы не перебрасывали сил против основной группировки.

А французские 1-я и 2-я армии (620 тыс.) как раз на этом участке, в Лотарингии, собирались нанести главный удар. Левее 3-я и 5-я (450 тыс. чел.) должны были наступать через Арденны. 4-я (125 тыс.) располагалась несколько сзади, во второй линии. Левый фланг фронта опирался на крепость Мобеж, а еще левее, от Мобежа до моря, граница оставалась не прикрытой.

Правда, там предполагалось разместить британские войска. Но в Англии опять спорили. Часть руководства не желала, чтобы их небольшие силы стали придатком французской армии, предлагала высадить их в Бельгии или даже десантом в Восточной Пруссии. Все же постановили воевать во Франции, но послать туда лишь 4 пехотные и 1 кавалерийскую дивизии, чтобы не оголять саму Англию до прибытия войск из колоний. Мало того, англичане не должны были подчиняться французскому командованию, принимать решения самостоятельно. Военный министр Китченер настоял, что главное – сохранить армию. При серьезной опасности главнокомандующему Френчу предписывалось консультироваться с правительством.

А бельгийцы уже воевали. Ключевым пунктом их обороны была крепость Льеж, построенная по последнему слову техники. По опыту Порт-Артура, державшегося 9 месяцев, специалисты считали, что Льеж побьет этот рекорд или будет вообще неприступным. Длина его обвода достигала 50 км, а укрепления состояли из 12 главных фортов и 12 промежуточных. Каждый форт сам по себе представлял сильную крепость с гарнизоном в 400 человек, железобетонными укреплениями и подземными казематами. В Льеже было 400 орудий, пулеметы. Промежутки между фортами прикрывала дивизия генерала Лемана, его назначили начальником обороны.

Но вырыть траншеи и установить заграждения не успели, а остальные бельгийские соединения опаздывали выйти на рубеж Мааса, им приказали строить позиции под Брюсселем, по р. Жет. Колонны, потянувшиеся сюда, выглядели совсем не воинственно. В маленькой Бельгии все было «по-домашнему». Войска провожали на позиции родственники, поили и угощали солдат. Пулеметы везли на тележках молочников, запряженных собаками. Ни у кого не оказалось лопат, да окапываться и не умели.

А в планах немцев Льеж занимал особое место. Здесь находились основные мосты через Маас, важный железнодорожный узел. Не захватив крепость, нельзя было начинать развертывание всей ударной группировки. 4 августа, сразу с объявлением войны, сюда были брошены 33 тыс. солдат генерала Эммиха и кавалерийский корпус Марвица. Сбив жандармские посты, они ринулись занимать переправы. К вечеру кавалерия форсировала Маас, а отряд Эммиха вышел к Льежу. 5 августа он пошел на штурм, но батареи и пулеметы буквально смели передовые части. Бельгийский офицер вспоминал: «Они даже не старались рассредоточиться. Они шли плотными рядами, почти плечом к плечу, пока мы не валили их на землю. Они падали друг на друга, образуя страшную баррикаду из убитых и раненых».

Вся Бельгия ликовала – штурм отбит! Предлагали даже перейти в наступление. Но ситуацию изменил германский генерал Людендорф. Он считался одним из самых талант-

ливых стратегов, рвался на пост начальника оперативного управления генштаба. Но был «слишком молод» (49 лет) и «низкого» происхождения, не «фоном», у немцев такие не котиrowались. Его отослали на фронт. Под Льежем он заменил убитого командира бригады, среди ночи провел ее между двумя фортами и послал парламентариев к Леману, потребовал сдать город. Тот ошалел – враг был внутри кольца укреплений. Вместо того, чтобы контратаковать и выбить его, приказал своей дивизии отступить...

Мосты через Маас взорвать забыли, немцы сразу заняли их. Людендорф поехал к центральной цитадели, думал, что бельгийцы ушли и оттуда. Но там находился гарнизон. Генерал не растерялся, лихо стал барабанить кулаком в ворота и потребовал сдачи. Цитадель капитулировала перед одним лишь Людендорфом и несколькими сопровождающими. В славе победителя он принялся уже распоряжаться вместо Эммиха. Штурмовать оставшиеся форты он не собирался, затребовал осадную артиллерию.

Бельгийский король Альберт взывал о помощи к союзникам. Но англичане еще только перевозили войска во французские порты, а Жоффри упрямо не желал считаться с действительностью и в наступление через Бельгию не верил. Комендант Мобежа Фурнье доложил, что на этом направлении выдвигается 5–6 германских корпусов (преуменьшил втрое) – главнокомандующий обвинил его в панике и отстранил от должности. Жоффри увлеченно готовил собственный удар. Сосредоточение его армий еще не завершилось, но, по французским доктринам, главным было захватить инициативу. Начали частное наступление в Эльзасе – полагали, что это вызовет восстание французской части населения.

5 августа корпус генерала Бонне смял немецких пограничников, штыковыми атаками взял Альткирк и Мюлуз. Устроили праздник «освобождения». Валили пограничные столбы, многие жители и впрямь радостно встречали французов, закидывала цветами. Но германцы подтянули свои части и вышибли войска Бонне. А другая часть населения, немецкая, позавботилась переписать тех, кто приветствовал неприятеля, их расстреливали и вешали на площадях целыми семьями: мужей, жен, стариков, подростков.

А в Бельгию Жоффри послал кавалерийский корпус Сорде – больше для моральной поддержки. Бравый командир совершил «наполеоновский» бросок, преодолел за 3 дня 180 км. Ради скорости сокращали привалы, не поили лошадей. На жаре половина их пала в пути. Корпус вышел к Льежу в плачевном состоянии и столкнулся с отрядом немцев на велосипедах и машинах. Пробовал атаковать, но пулеметы и винтовки легко побили французов, их остатки покатались к своим границам. Впрочем, германский кавкорпус Марвица наткнулся на бельгийские позиции по р. Жет, тоже ринулся всей массой в конную атаку, и его покосили огнем. В Бельгии снова ликовали, газеты писали, что произошла «решающая битва войны», и «отступление германской кавалерии следует считать окончательным».

Но 12 августа к Льежу прибыла осадная артиллерия – монстры, один вид которых приводил в ужас. Гигантские орудия марки «Шкода» калибром 350 мм и Круппа калибром 420 мм. Перевозили их несколькими секциями, имеющими собственные двигатели или упряжками по 36 лошадей, а на месте собирали. Снаряд весил 520 кг, орудие обслуживали 200 артиллеристов. Выстрел производился с помощью электрозапала – прислуга отходила от пушки на 300 м, ложилась на землю и закрывала глаза, уши и рты специальными повязками. Эти махины называли «Толстыми Бертами» – их под Льеж доставили 4 штуки. Кроме того, привезли 16 мортир калибром 210 мм, 16 дальнобойных пушек и тяжелые минометы. Форты брали поочередно, сосредотачивали обстрел на одних, потом на других. Снаряды рушили любые перекрытия. Через пару дней крепость замолчала. И вот тогда-то через Льеж хлынули основные потоки германских войск. 1-я армия фон Клюка двинулась на Брюссель. Слева от нее пошла к французской границе 2-я армия фон Бюлова, еще левее – 3-я фон Хаузена.

А французы начинали «генеральное» наступление в Лотарингии, готовили вспомогательный удар в Арденнах. Но сыпались все новые сигналы о крупных германских силах в

Бельгии, и Жоффр все же отреагировал. Снял с арденнского направления 5-ю армию Ларензака и приказал переместить ее на 80 км западнее. Туда же, на левый фланг, перевел три территориальные (ополченские) дивизии д'Амада.

Но менять прежние планы Жоффр даже не думал, самоуверенно заявлял: «У нас сложилось впечатление, что у немцев там ничего не готово». Действительно, как только 1-я и 2-я французские армии перешли в атаку, противник начал отступать. Потому что он имел такой приказ. Германские 6-я армия Руппехта и 7-я фон Хеерингена должны были завлекать французов в мешок, который захлопнут армии другого фланга. Они отходили очень неохотно, обижались, что им не дают себя проявить. Отыгрывались налетами тяжелой артиллерии: французы двигались колоннами, и крупнокалиберные снаряды производили в их рядах страшные опустошения. Но наступление развивалось вроде успешно, были взяты Шато-Селен, Саребур. Во Франции это вызвало взрыв восторгов, уже говорили о победе! А бельгийцев, моливших о помощи, успокаивали, что против них действуют только «заслоны».

17 августа передовые отряды немцев вышли к бельгийским позициям на р. Жет и с ходу атаковали. Их отразили, но король Альберт видел, какая масса войск валит на него, распорядился отступать к Антверпену. Это спасло его дивизии. Фон Клюк и Марвиц бросили подвижные части в обход, чтобы окружить и уничтожить бельгийскую армию, но она уже ускользнула. 20 августа немцы вступили в Брюссель. Через бельгийскую столицу они двигались сплошным потоком три дня и три ночи. Причем жителей особенно поразили полевые кухни, готовившие пищу на ходу – казалось, будто эти полчища могут дойти куда угодно, вообще не нуждаясь в остановках (кухни кайзер перенял у русских – увидел на маневрах в Царском Селе, и ему понравилось).

На Брюссель немцы наложили контрибуцию в 500 млн. франков. Бельгийская армия в Антверпене была теперь отрезана от французов. На ее преследование Клюк отрядил один корпус, а остальные войска повернул на юг. У бельгийцев еще оставалась сильная крепость Намюр, такая же, как Льеж. Полагали, что она продержится до подхода французов. Но Жоффр не посылал сюда своих соединений, германские армии обтекали Намюр с двух сторон...

В этот период произошло сражение и в Сербии. 12 августа 5-я и 6-я австрийские армии ринулись в наступление. Поначалу имели успех, но уперлись в подготовленную оборону на р. Ядар. Австрийские солдаты впервые попали в бой, легкомысленно настроились всего лишь на карательную экспедицию. А сербы были уже обстрелянными бойцами, сражались на высочайшем патриотическом подъеме. Они нанесли контрудар и прорвали фронт. Враг побежал, к 24 августа его выбросили с сербской земли. Разгром был впечатляющий, захватили 50 орудий и 50 тыс. пленных. А австрийский начальник генштаба Конрад допустил серьезную ошибку. Он рассчитывал, что мобилизация в России займет 30 дней. Но русские перед войной интенсивно строили железные дороги, сосредоточили войска гораздо раньше и уже 17–18 августа перешли в наступление. Поэтому австрийский эшелон «С», 2-ю армию, сперва направили на сербский фронт. Но она там ничего не успела сделать, пришлось срочно перебрасывать ее в Галицию.

13. Гумбиннен

Военные планы России предусматривали не одну, а сразу две наступательных операции, против Австро-Венгрии и Германии. Но это было самое оптимальное решение. Если направить все силы против австрийцев, немцам только это и требовалось – без помех раздавить Францию, а потом перенацелиться на восток. А если бы наши армии были брошены на Германию, они получили бы мощный удар во фланг и тыл со стороны Австро-Венгрии. Кроме того, подобный вариант обрекал на гибель Сербию. Не только союзники были заинтересованы в русской помощи, но и сама Россия была заинтересована, чтобы выручить их и не остаться в одиночестве против нескольких врагов.

Серьезной проблемой нашей страны были сроки сосредоточения войск – попробуй-ка перевези все полки, разбросанные по бескрайним просторам. Но генштаб нашел весьма мудрый выход: поэтапное развертывание частей. На 15-й день мобилизации на фронте сосредотачивалась 1/3 всех войск. Через 8 дней добавлялась еще 1/3. К 30–40-му дню мобилизации вводилось еще 15–17 %. А потом прибывали войска из Сибири. Германия и Франция все еще использовали примитивную стратегию прошлых веков, а русские впервые применили эшелонирование боевых порядков. Ведь на самом деле вовсе не обязательно давить массой. Для начала операция достаточно лишь части сил, а остальные можно вводить по мере их подхода. Это позволяло маневрировать войсками, наращивать удары в глубину. Поэтому Северо-Западный фронт должен был перейти в наступление на 18-й день мобилизации – 17 августа, а Юго-Западный на 20-й день – 19 августа.

К сожалению, не все военачальники соответствовали возложенным на них задачам. Главнокомандующим Северо-Западного стал 61-летний генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский. В строю он прослужил лишь 3 года, единственный командный опыт – год командовал драгунским полком. Карьеру он сделал в Генштабе, дипломатических миссиях. Перед самой войной стал командовать Варшавским округом, не успел освоиться с этой должностью, и во главе фронта чувствовал себя очень неуверенно.

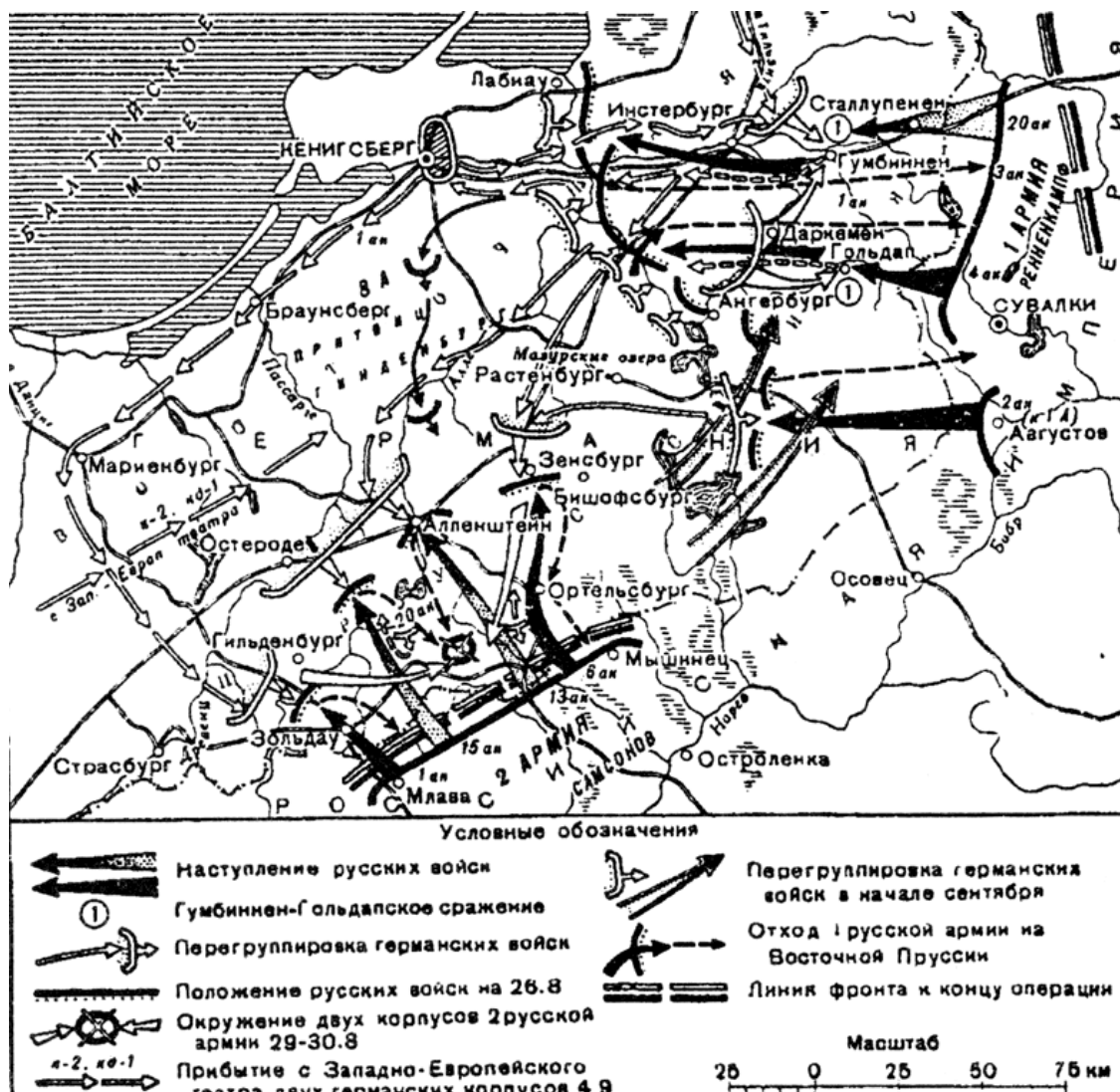
Силы он получил немалые, на фронте предполагалось развернуть 30 пехотных и 9,5 кавалерийских дивизий, из них к началу наступления – 17,5 пехотных и 8,5 кавалерийских. План действий диктовался самой картой Восточной Пруссии. У побережья располагался мощный Кенигсбергский укрепрайон. Южнее – система Мазурских озер и крепость Летцен. 1-я армия должна была с востока, с рубежа р. Неман наступать в промежуток между этими препятствиями. 2-я армия шла с юга, с рубежа р. Нарев, обходила Мазурские озера и Летцен с другой стороны. Они должны были соединиться у г. Алленштайн, расчленив таким образом вражескую группировку и разгромить ее.

Но в полосе 1-й армии, в Прибалтике, была развитая сеть железных дорог, сюда можно было быстро направить войска из столичного округа. В Польше, в полосе 2-й, с транспортом было хуже, полки подвозились издалека. Срок готовности получался разным, и командование допустило ошибку, приказало армиям открыть боевые действия не синхронно, а по очереди. Кроме того, поступили разведданные, что главные силы немцев собраны в Пруссии, а границу в Польше прикрывает лишь один ландверный корпус. Возник импровизированный план – собрать новую, непредусмотренную группировку, а когда Северо-Западный и Юго-Западный фронты свяжут противника на флангах, ударить прямо на Берлин. Жилинскому идея понравилась. Вместо того, чтобы направлять прибывающие части на усиление 1-й и 2-й армий, из них под Варшавой стали формировать новую, 9-ю армию.

В Восточной Пруссии нашим войскам противостояла 8-я армия фон Притвица, в ней было 4,5 пехотных корпуса и кавалерийская дивизия – 200 тыс. штыков и сабель. Кроме того, в распоряжении Притвица были местные территориальные части – 3 дивизии и 7 бри-

гад ландвера. Русское командование, как и французское, их не учитывало. А ополченцев из ландштурма немцы посадили в крепостях Кенигсберга и Летцена, кадровые гарнизоны вывели и присоединили к полевым войскам.

В итоге получалось, что численным превосходством русские почти не обладали. В двух армиях насчитывалось 254 батальона пехоты, 196 эскадронов конницы, 1140 орудий (из них всего 24 тяжелых), 20–30 аэропланов и 1 дирижабль. У немцев было 199 батальонов, 89 эскадронов, 1044 орудия (из них 188 тяжелых), 36 самолетов и 18 дирижаблей. Впрочем, применявшийся в Первую мировую войну подсчет сил по батальонам к тому времени уже устарел. Основой боя стал не штыковой удар этими самыми батальонами, а огневая мощь. Поэтому правильнее будет оценка по дивизиям, введенная во всех армиях позже. С этой точки зрения русская дивизия, включавшая 16 батальонов, примерно соответствовала по силам германской – из 12 батальонов, но лучше оснащенной артиллерией. У Притвица было 15 пехотных дивизий, а в обеих противостоящих ему армиях – 17,5. Но после того, как часть сил раздергали в 9-ю армию, осталось 13 дивизий. Правда, у русских, был заметный перевес в кавалерии, но в лесах и болотах Восточной Пруссии действовать ей было очень неудобно.

Восточно-Прусская операция

А изначальные планы у немцев тоже нарушились. Директива Мольтке разрешала оставить Пруссию, не принимать бой с превосходящими силами противника и отходить за Вислу.

Но... Кенигсберг являлся как бы сердцем империи, местом коронации прусских королей! Здесь была родина большинства генералов, их поместья. Личный состав 8-й армии был, в основном, местным. А с начала войны в Германии развернулась бешеная пропагандистская кампания, русских изображали кровожадными дикарями, всюду расклеивались плакаты с ужасными рожами казаков, призывами «спасти Пруссию от славянских орд». Их читали солдаты, население уповало на них. Как же тут отступать без боя? Да и из Берлина пошли новые указания, что бросать Пруссию все же не стоит. Решение подсказали сотрудники штаба 8-й армии Грюнерт и Гоффман. Они верно определили, что русские армии будут действовать не одновременно, и предложили разбить их по очереди.

Первой должна была выступить 1-я или Неманская армия. Командовал ею генерал от инфантерии Павел Карлович Ренненкампф. Это был умелый и боевой военачальник. Отличился в китайской войне. Будучи начальником штаба Забайкальского округа, сформировал отряд казаков и совершил дерзкий рейд по Маньчжурии. Прошел с боями 500 км, с несколькими казачьими сотнями внезапными налетами брал города, разоружал огромные гарнизоны. Спас тысячи русских рабочих и членов их семей, китайцы приговорили их к смерти, но успели казнить лишь первые партии. Ренненкампф был произведен в генералы, удостоен орденов Св. Георгия IV и III степени. На японской войне он командовал Забайкальской казачьей дивизией и сводным корпусом. Участвовал во многих сражениях, совершал блестящие рейды в тыл врага. Потом, возглавив отряд из 2 дивизий, решительно подавил революционные беспорядки вдоль железной дороги Харбин – Чита (за что его возненавидели либералы).

С 1913 г. Ренненкампф командовал войсками Виленского округа, хорошо знал свои войска и театр предстоящих действий. Армия у него была небольшая, 3 пехотных корпуса, но много конницы – 5,5 дивизии. 14 августа кавдивизия генерала Гурко, совершила разведывательный рейд в Пруссию. Хотя разведать ничего не удалось. Оказалось, что у немцев отработана система оповещения, в ней участвовало все население. То там, то здесь поднимались дымы – жители зажигали кучи соломы, показывая продвижение русских. А мальчишкам 12–14 лет были выданы велосипеды, они служили посыльными. Дивизия неприятелей не встретила – предупрежденные, они уходили. Поймали лишь нескольких солдат-разведчиков, переодетых в крестьянские и женские костюмы. Гурко докладывал, что многих наверняка не поймали: «Нельзя же было задирать юбки каждой женщине в Восточной Пруссии».

17 августа пересекла границу вся 1-я армия. Она двигалась на 60-километровом фронте, на северном крыле – 20-й корпус, южнее – 3-й, еще южнее 4-й. Кавалерия располагалась по флангам. На правом цвет гвардии, корпус Хана Нахичеванского из 4 дивизий. Там же двигалась конная бригада Орнановского. Левый фланг прикрывала группа Гурко из кавдивизии и стрелковой бригады. Но если немцы позаботились о системе оповещения, то разведка у них была поставлена плохо. О реальных русских силах они не знали. Притвиц и впрямь мог ударить первым и сорвать наступление, а то и разбить наши войска, пока они собирались на исходных рубежах. Однако немцы пассивно выжидали, и только после того, как 1-я армия устремилась вперед, начали выдвигаться навстречу.

Против 2-й русской армии был оставлен заслон, 20-й корпус генерала Шольца и ландверные бригады. По расчетам Грюнерта и Гоффмана, этой армии требовалось 6 дней, чтобы изготовиться и дойти до расположения немцев. Значит, за 6 дней нужно было разбить 1-ю армию, а потом перенацелиться на 2-ю. Бой было решено дать в районе г. Гумбиннена в 40 км от границы. На северный фланг направлялся 1-й корпус Франсуа с кавалерийской дивизией, правее его – 17-й Макензена, еще правее – 1-й резервный фон Белова. Но самонадеянный и взбалмошный командир 1-го корпуса Франсуа вздумал проявить себя поярче, возле Гумбиннена не остановился и рванул вперед основных сил, собирався сам атаковать русских. Притвиц слал ему приказы вернуться, он не слушался. Заявлял: «Чем ближе к России, тем меньше опасность для германской территории».

Наши части он обнаружил у городка Шталлупенен в 8 км от границы. 3-й русский корпус опередил остальные. Неприятель не показывался, немецкие деревни были брошены. Командиры успокоились, полки шли колоннами, без разведки и охранения. Для Франсуа это было настоящим подарком, он нацелился во фланг 27-й пехотной дивизии. Причем был убежден, что наносит удар по северному флангу всего русского фронта (хотя правее 27-й шла 25-я дивизия того же корпуса, а еще правее – 20-й корпус). Авангардный Оренбургский полк попал вдруг под шквальный огонь пулеметов, броневигов и 5 артиллерийских батарей, на него обрушилась бригада германской пехоты. Погиб командир полка, подразделения стали откатываться назад.

В штабе 8-й армии узнали, что Франсуа самовольно ввязался в драку, и были в бешенстве, приказывали немедленно отойти. Он заносчиво ответил: «Сообщите генералу фон Притвицу, что генерал Франсуа прекратит бой, когда разобьет русских». Донес о победе, 3 тыс. пленных. Это он в несколько раз преувеличил количество наших раненых, оставшихся на поле боя. Но отступившие русские опомнились от неожиданности и перешли в контратаку. А соседняя 25-я дивизия, о которой Франсуа не подозревал, поспешила на шум сражения и вышла ему во фланг. Взяли Шталлупенен, отбили раненых. Противник поспешно бежал, бросив собственных раненых. Нашим воинам достались 7 немецких орудий, большие обозы.

Обнаружив, что дальнейшая дорога открыта, Ренненкампф 19 августа отправил в рейд по тылам врага конный корпус Хана Нахичеванского, поставил ему задачу погромить коммуникации. Но замысел сразу скомкался. Немцы узнали о рейде, по железной дороге перебросили наперерез ландверную бригаду. А Хан Нахичеванский вместо того, чтобы обойти ее и как следует прошерстить неприятеля, полез в бой. Ведь это была лейб-гвардия! В ней служили представители самых знатных семей, они с молоком матерей и родословными отцов впитали традиции воинской славы. Разве могли они пройти мимо немцев? На пространстве 10 км четыре дивизии спешили и атаковали в лоб. В полный рост, не пригибаясь, каждый демонстрировал презрение к опасности. Кавалергарды маршировали, как на параде, без выстрелов, командир полка князь Долгоруков возглавил атаку с сигарой в зубах.

Немцы положили их во множестве. А 1-я бригада лейб-гвардии кавалерийской дивизии вообще попала в беду. Она взяла деревню Краупишкен, но противник с 2 орудиями закрепился в соседнем селе Каушен и поливал картечью. Атака на Каушен захлебнулась, а немцы пристрелялись – хоть на месте оставайся, хоть отступай под огнем, будут расстреливать. Чтобы подавить пушки, начальник дивизии Казнаков поднял резерв, 3-й эскадрон Конногвардейского полка. Командир, ротмистр Врангель, был опытным офицером, на японской войне добровольцем командовал казаками. Он понял, что наступать по открытому полю в пешем строю безнадежно. Единственный шанс – попытаться проскочить на скорости. Врангель повел эскадрон в конную атаку. Шквал пуль и картечи выбил всех офицеров, многих солдат, под Врангелем убило коня, но доскакали, артиллеристов порубили и пушки взяли.

Петр Николаевич Врангель первым на этой войне был награжден офицерским орденом Св. Георгия. Зато потрепанный корпус пришлось вместо рейда отводить во второй эшелон, приводить в порядок. Хана Нахичеванского за неумелые действия Ренненкампф отстранил от должности. Но тот был любимцем всей гвардии, офицеры обратились с ходатайством к Верховному Главнокомандующему, и великий князь упротил Ренненкампфа отменить приказ.

Главные силы Притвица ожидали русских на удобной позиции по р. Ангерапп. Но корпус Франсуа оставался несколько впереди, он снова предлагал атаковать. Уверял, что можно обойти северный фланг русского фронта. В это время к Притвицу поступили донесения – 2-я русская армия уже вышла к границе. И к тому же, немцы перехватили шифрованную радиogramму Жилинского. Он нервничал, подумал, что противник бежит перед 1-й армией, остав-

ляет Пруссию без боя, и срывается план окружения. Жилинский приказывал Ренненкампу остановиться. Подождать, пока 2-я выйдет во вражеские тылы. В штабе Притвица специально имелся профессор математики, он разобрал шифровку. И тут-то занервничали германцы. Оставаясь на позициях, они как раз и попадали в клещи между двух армий! Хочешь не хочешь, а Притвицу пришлось согласиться с идеей Франсуа. Самим нанести удар.

Битва грянула 20 августа на фронте 50 км, от г. Гумбиннен до г. Гольдап. Соотношение сил было не в пользу русских. У них было 6,5 пехотных и 1,5 кавалерийских дивизий (63,8 тыс. бойцов, 380 орудий, 252 пулемета) против 8,5 пехотных и 1 кавалерийской дивизий немцев (74,5 тыс. чел., 408 легких и 44 тяжелых орудия, 224 пулемета). Вначале схватка завязалась на северном крыле. На рассвете атаковал Франсуа. Он полагал, что наносит удар во фланг 20-го корпуса, хотя ошибался и развернул наступление в лоб. Но был настолько уверен в своем превосходстве, что сразу, без разведки, бросил в бой все силы. Как вспоминал очевидец, немцы шли «густыми цепями, почти колоннами, со знаменами и пением, без достаточного применения к местности, там и сям виднелись гарцующие верхом командиры».

Целый корпус навалился на 28-ю русскую дивизию. А кавалерийскую дивизию с тремя батареями Франсуа послал в обход. Кавкорпус Хана Нахичеванского был отведен в тыл после вчерашнего неудачного рейда, и на фланге осталась только кавбригада Орнановского. В жестоком встречном бою германцы ее отбросили, погромили обозы 28-й дивизии. Но углубиться в наши тылы им не позволили, заставили повернуть назад. А 28-я дивизия отчаянно отбивалась от вражеской пехоты. Немецкий полковник Франц писал: «Русские показали себя как очень серьезный противник. Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированы, имели хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умело применяются к местности, и мастера в закрытом размещении артиллерии и пулеметов. Особенно же искусны они оказались в полевой фортификации: как по мановению волшебного жезла вырастает ряд расположенных друг за другом окопов».

Участник боя лейтенант Гессле вспоминал: «Перед нами как бы разверзся ад... врага не видно, только огонь тысяч винтовок, пулеметов и артиллерии. Части быстро редуют. Целыми рядами уже лежат убитые. Стоны и крики раздаются по всему полю. Своя артиллерия запаздывает с открытием огня, из пехотных частей посылают настойчивые просьбы о выезде артиллерии на позиции. Несколько батарей выезжают на открытую позицию на высотах, но почти немедленно мы видим, как между орудий рвутся снаряды, зарядные ящики уносятся во все стороны, по полю скачут лошади без всадников. На батареях взлетают в воздух зарядные ящики. Пехота прижата к земле русским огнем... никто не смеет даже приподнять голову».

А вот описание того же боя из уст русского артиллериста: «Утром на 28-ю дивизию обрушился удар германского корпуса... Долго и упорно держалась наша пехота. Отдельных выстрелов слышно не было, казалось, что все кипело в каком-то гигантском котле. Все ближе и ближе, и вот на батарее стали свистеть немецкие пули. Под страшным огнем, наполовину растаявшая и потерявшая почти всех офицеров, медленно отходила 28-я дивизия на линию артиллерии 4-й, 5-й и 6-й батарей. Меньше, чем в версте от батареи тянулось шоссе, и через минуту, насколько хватало глаз, по шоссе хлынула серая волна густых немецких колонн. Батареи открыли огонь, и белая полоса дороги стала серой от массы трупов. Вторая волна людей в остроконечных касках – снова беглый огонь, и снова все легло на шоссе. Тогда до дерзости смело выехала на открытую позицию германская батарея, и в то же время над нашими батареями пролетел немецкий аэроплан с черными крестами. На батареях стоял ад. Немецкая пехота надвигалась на батареи и обходила 4-ю, которая была на картечь, а в ее тылу уже трещал неприятельский пулемет, она погибла. С фронта немецкая пехота подошла к

нашей батарее на 500–600 шагов и, стреляя, лежала. Батареи били по противнику лишь редким огнем, ибо уже не было патронов. Понесшие большие потери немцы дальше не пошли».

28-я дивизия потеряла до 60 % личного состава. Впрочем, тут следует сделать пояснение – эти цифры включают не только погибших. В Первую мировую при определении потерь учитывали всех выбывших из строя. В том числе легко раненных, которые вскоре возвращались на службу. Но все равно, урон был очень серьезный. Однако и немцы, сумев всего лишь потеснить русских, заплатили за это слишком дорого. Их соединения поределели, были неспособны больше атаковать. А к полудню на помощь 28-й подтянулась 29-я дивизия, и они перешли в контрнаступление. Германские части перемешались и бросились наутек, Франсуа вообще утратил управление войсками...

Его соседям досталось еще круче. 17-й корпус Макензена, наступавший в центре германских боевых порядков, выдвинулся на исходные рубежи к 8 часам утра. Но русские обнаружили его и открыли огонь первыми. Пехоту прижали к земле и не давали подняться. Рвались зарядные ящики. Войска нашего 3-го корпуса переходили в атаки, теснили неприятелей. Потери Макензена достигли 8 тыс. солдат и 200 офицеров. Во второй половине дня побежала сперва одна рота, бросая оружие, потом другая. Потом целый полк, потом вся 35-я германская дивизия... А офицеры штаба опережали их на машинах – позже оправдывались, что хотели остановить подчиненных. Русские захватили 12 орудий.

Ну а на южном фланге 1-й резервный корпус фон Белова промешкал с выступлением, сбился с маршрута, и вышел на рубеж атаки лишь к полудню. Он встретил плотную и хорошо подготовленную оборону, а вскоре узнал о разгроме Макензена и стал отступать. Ренненкампф поначалу дал команду преследовать врага, но потом отменил. Артиллерия расстреляла боекомплект, тылы отстали. По данным воздушной разведки Ренненкампф знал о рубеже обороны на р. Ангерапп – лезть туда очертя голову, без снарядов, было рискованно. Да и Жилинский приказывал остановиться.

А наутро противник... исчез. Потому что немцы удирали очень резво, некоторые части остановились лишь через 20 км. В штабе 8-й армии царил паника. Выяснилось, что корпуса Франсуа и Макензена потеряли до трети личного состава. А по Пруссии уже двигалась и 2-я русская армия. Притвиц решил отступать за Вислу. Мало того, доносил в ставку, что в Висле из-за жары мало воды, он сомневается, получится ли удержаться на этой реке. В германской ставке его донесения вызвали настоящий шок. В первом же сражении немцы были разбиты! Стало ясно и другое. Отход за Вислу, который раньше, вроде бы, допускался, легко может превратиться в дальнейшее бегство. Замаячил призрак русских армий, идущих на Берлин...

Притвица решили снять, передать 8-ю армию более способному начальнику. Лучшей кандидатурой был Людендорф, герой Льежа. Но... оставалась проблема с его возрастом, происхождением. Вышли из положения, назначив его начальником штаба, а командующего подобрали такого, чтобы не мешал Людендорфу. Им стал 67-летний генерал-полковник Пауль фон Гинденбург, с 1911 г. пребывавший в отставке. Мольбе лихорадочно выискивал, каким образом срочно усилить Восточный фронт? Стратегических резервов у немцев не предусматривалось, а значит, усилить можно было только за счет Западного. И именно за счет ударной группировки, нацеленной на Париж. 23 августа было принято решение направить в Пруссию корпуса, которые освободятся после взятия Намюра, и ряд других соединений...

В 1930 г. Черчилль писал: «Очень немногие слышали о Гумбиннене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа». А солдаты и офицеры, одержавшие ее, не знали, что своим героизмом они уже сорвали блестящий план Шлиффена... Кстати, Гумбиннен вы сейчас на картах не найдете. Теперь он называется Гусев – по имени командира батальона капитана С. И. Гусева. А Шталлупенен называется Нестеров – в честь заместителя командира корпуса С. К. Нестерова. Они погибли здесь в другую войну, не в

1914, а в 1945 г. Но какая, собственно, разница? Они тоже были русскими офицерами и сражались, по сути, с тем же врагом.

14. Гельголанд, Арденны, Намюр

Что же представляли собой морские силы воюющих держав? В то время самыми мощными кораблями были дредноуты – бронированные громадины в десятки тысяч тонн водоизмещения, с паротурбинными двигателями, позволявшими развивать приличную скорость, с большим количеством крупнокалиберной артиллерии. Британский «Дредноут», по имени которого был назван этот класс кораблей, имел 10 орудий калибром 305 мм и скорость 21 узел (узел – морская миля в час). Следующими по значению были линейные крейсера, с одним из них читатели уже знакомы на примере германского «Гебена» – фактически облегченные дредноуты. Броня и артиллерия послабее, но радиус действия и скорость больше.

Дальше по нисходящей шли додредноутные линкоры или броненосцы. Они ходили на угле, были тихоходными, имели меньше орудий главного калибра (на русских броненосцах – по четыре 305-мм пушки). За ними шли броненосные (или тяжелые) крейсера, легкие крейсера. Эсминцы и миноносцы предназначались, в основном, для торпедных ударов. Для постановки большого числа мин служили минные заградители. А для того, чтобы проделывать проходы в минных заграждениях, применялись мелкие корабли-тральщики. В войну использовались и вспомогательные крейсера – ставили орудия на обычные грузопассажирские пароходы. Подводные лодки были последним словом техники, и очень отличались по своим возможностям. Ранние модели, с керосиновыми двигателями, были ненадежными, погружаться могли ненадолго – экипаж в них угорал от выхлопных газов. Новейшие, дизельные, являлись уже достаточно совершенными.

Сильнейшей морской державой была Англия. Ее флот насчитывал 20 дредноутов, 9 линейных крейсеров, 40 старых линкоров, 25 броненосных и 83 легких крейсера, 289 эсминцев и миноносцев, 55 подлодок (хотя в открытом море могли действовать лишь 7). Но британское морское ведомство было крайне консервативным. На любые новинки смотрело враждебно, к авиации и подводным лодкам относилось пренебрежительно, а мин к началу войны у англичан не было вообще. Общее руководство флотом осуществлял первый лорд адмиралтейства У. Черчилль, эскадры базировались в гаванях Хумбергга, Скарборо, Фертоф-Форта и Скапа-Флоу. Корабли стоили недешево, ими старались не рисковать. Вступишь в генеральное сражение с немцами, даже победишь их, но сколько своих потопят? Глядишь, первенство на морях перехватят США, Япония. Стоит ли? На сухопутных фронтах русские и французы быстро раздавят Германию, при капитуляции она все равно лишится флота. Британские морские силы ограничились прикрытием воинских перевозок, своих берегов и частными операциями.

Германский флот располагал 15 дредноутами, 4 линейными крейсерами, 22 старыми линкорами, 7 броненосными и 43 легкими крейсерами, 219 эсминцами и миноносцами и 20 подлодками (из них 9 новых). На технические достижения здесь обращали куда большее внимание. Немецкие корабли превосходили британские по степени непотопляемости, скорости хода. Главные силы называли Флотом Открытого моря и предназначали специально против англичан. Русских или французов не считали достойными противниками, и в каюткомпаниях офицеры поднимали тосты за «Дер Таг» – за «День», когда они сойдутся в битве с британцами.

Корабли базировались в Вильгельмсхафене, Киле, Данциге. Но в германском флоте было слишком много начальников. За постройку кораблей отвечал гроссадмирал Тирпиц. Флотом Открытого моря командовал фон Ингеноль, общие директивы издавал начальник генерального морского штаба фон Поль, а важные решения принимал только сам кайзер. Флот был его любимым детищем, подставлять его под удары Вильгельм не желал. Предпри-

сывалось вести против Англии «малую войну» миноносцами, субмаринами, минами, а главным силам разрешалось вступить в бой лишь при угрозе побережью Германии.

Франция (3 дредноута, 20 броненосцев, 18 броненосных и 6 легких крейсеров, 98 миноносцев) и Австро-Венгрия (3 дредноута, 9 броненосцев, 2 броненосных и 10 легких крейсеров, 69 миноносцев, 7 подлодок) вообще не хотели подвергать риску свои корабли. Первая убрала флот на средиземноморские базы, а вторая «защищала Адриатику» – ее линкоры и крейсера всю войну бесцельно дымили трубами в гаванях Триеста и Катарро.

Россия, потеряв в японской две эскадры, была из числа ведущих морских держав. Судостроительная программа 1912 г. предусматривала создание 7 дредноутов и 4 линейных крейсеров, но они еще стояли на стапелях заводов. Русские располагали 9 старыми линкорами, 8 броненосными и 14 легкими крейсерами, 115 эсминцами и миноносцами и 28 подлодками (все старые). Наши корабли базировались в Гельсингфорсе (Хельсинки), Ревеле, Кронштадте, Севастополе. А планы были чисто оборонительные. Устье Финского залива перекрыли минные заграждения, за годы войны тут было выставлено 39 тыс. мин. Из-под их прикрытия крейсера, эсминцы и субмарины совершали вылазки на морские просторы.

Но нехватку линейного флота старались компенсировать другими видами вооружения. По разработке и внедрению новейшей техники русский флот был самым передовым из всех держав того времени. Появились превосходные эсминцы типа «Новик», соединяющие в себе качества как миноносца, так и крейсера – высокую скорость, маневренность и довольно сильное артиллерийское вооружение (4 орудия по 100 мм). Немцы впоследствии учли этот опыт для своих эсминцев. В России появились первые в мире авианосцы (тогда их называли гидрокрейсерами), первый в мире подводный минный заградитель «Краб». В минном деле наши моряки не имели себе равных. Британский флот, запустивший это направление, в 1914 г. был вынужден купить в России тысячу мин для защиты своих баз. Еще больше технических достижений перенимали американцы. Они закупили все образцы русских мин и тралов, гидросамолеты М-5 и М-9, приглашали инструкторов из России.

Первое сражение на море разыгралось 23 августа. Англичане разведали подступы к германским базам, легкий крейсер и несколько эсминцев напали вдруг на охранение, потопили миноносец и повернули прочь. Адмирал Ингеноль выслал в погоню легкие крейсера «Майнц», «Кельн» и «Ариадна». Но возле о. Гельголанд их поджидала эскадра адмирала Битти, в том числе 4 мощных линейных крейсера. Удирающий отряд вывел немцев на нее, и в неравном бою 3 германских крейсера отправились на дно. Кайзер очень расстроился, и последовали очередные указания беречь флот.

А на Балтике в ночь на 26 августа немецкие легкие крейсера «Магдебург» и «Аугсбург» с миноносцами погнались за русскими сторожевиками. Но у тех была малая осадка, они заманили преследующих на мелководье у о. Оденсхольм, и «Магдебург» наскочил на камни. Эссен, узнав об этом, тотчас выслал крейсера «Богатырь» и «Паллада» с несколькими эсминцами. Немцы перевозили команду с поврежденного корабля на миноносец, но не успели. Появились наши крейсера, открыли огонь. Миноносец скрылся в тумане, а «Магдебург» подорвали, он стал тонуть. Были взяты в плен капитан, 56 человек экипажа. Но самым ценным оказался другой трофей – водолазы сумели достать сигнальные книги и шифры. Наш флот смог читать вражеские радиোগраммы. Немцы обратили внимание на странную осведомленность русских, но сочли, что у них под носом действует шпион. Искали его в штабах, требовали от агентуры в России во что бы то ни стало узнать о нем. А сменить коды так и не догадались...

На сухопутном фронте продолжалось наступление 1-й и 2-й французских армий в Лотарингии, 4-я и 3-я готовились поддержать их ударом через Арденны. Отмахнуться от сообщений о немцах в Бельгии уже не получалось, но Жоффр все еще недооценивал их силы. Даже строил радужные планы, как прорыв через Арденны эту группировку отрезет. Коман-

дующий 3-й армии де Лангль докладывал – перед фронтом его войск германские колонны движутся на запад, в Бельгию. Может, врезать им во фланг? Жоффр запретил – пусть идут! Пусть их поменьше останется на направлении удара, и побольше будет отрезано!

А левый фланг прикрывали 3 слабенькие территориальные дивизии и остатки кавалерии Сорде. Правда, сюда уже маршировала по страшной жаре 5-я армия Ларензака. И англичане перевезли на континент свои дивизии. Договорились, что они пристроятся к 5-й армии слева. Британцы шли на фронт, как на прогулку. Французские крестьяне щедро поили союзников вином, солдаты Френча менялись с ними сувенирами, раздаривали ремни, фуражки и шагали в крестьянских колпаках. Позиции предполагалось занять по р. Самбре, рядом с крепостью Намюр. Ее обороняла дивизия бельгийцев. Французский генштаб прикидывал, что на этом направлении у немцев наступает 17–18 дивизий. А против них собирались 15 французских, 5 английских и бельгийская. Вполне достаточно... На самом деле, здесь действовали 3 германские армии, 38 дивизий. А по соседству, в Арденнах, 4-я армия герцога Вюртембергского и 5-я кронпринца ждали только того, когда они выйдут к французо-бельгийской границе, чтобы вместе с ними ринуться вперед.

Да и в Лотарингии положение вдруг изменилось. 6-я и 7-я немецкие армии по приказам вынуждены были отступать, но командующий, принц Рупп्रेхт, жаловался в ставку, что солдаты от таких приказов падают духом. Доказывал, что отдавать французам всю Лотарингию не стоит, а если нужно связать их силы, гораздо эффективнее это сделать контратаками. В ставке подумали и сообщили, что «контратаковать не запрещено». Французы уже разошлись беспрепятственно занимать села и города, но 20 августа под Моранжем наткнулись на подготовленную оборону. Лихо атаковали, как их учили – в штыки, сомкнувшись плечом к плечу. То, что случилось, назвали «бойней у Моранжа». Ливни снарядов и пулеметных очередей перемолотили их, а потом на них навалилась германская пехота.

«Контратаковать не запрещено» Рупп्रेхт использовал в полной мере! Вышиб неприятелей со своей территории, а когда они пробовали закрепиться на границе, обрушил на их позиции огонь всех батарей. Бомбардировка продолжалась 75 часов, и немцы ворвались во Францию. Остановить их смогли только тогда, когда французские части откатились к линии своих крепостей, и их стала поддерживать крупнокалиберная артиллерия Бельфора, Эпиналя и Туля. Жоффр встревожился, начал выдергивать дивизии с других направлений, формировать из них новую, Лотарингскую армию.

Но наступление на центральном участке, в Арденнах, он не отменил. Оно было назначено на 21 августа. Хотя германская ударная группировка уже изготовилась к броску. Начало ее прорыва и вспомогательного, в Арденнах, намечались тоже на 21-е. Разве что немцы знали о французском наступлении, а французы были уверены, что против них крупных сил нет – они ушли в Бельгию. Жоффр даже запретил вести разведку! А вдруг ее заметят и будет потеряна внезапность? Колонны 4-й и 3-й армий зашагали наобум по горным лесным дорогам. Внезапность получилась, но совсем с другой стороны. В густом утреннем тумане войска нарвались на вражеские позиции. Первые ряды смели пулеметами – по красным штанам и синим мундирам даже в тумане было удобно целиться. Но у французского командования и мысли не возникло перейти к обороне, разведать силы неприятеля. Да и как занять оборону, если окапываться не умели, лопат не было? По мере подхода свежих частей их бросали в штыковые.

Это продолжалось два дня. В бессмысленных атаках почти полностью погибла 3-я колониальная дивизия из алжирцев. Худо пришлось и остальным соединениям. А офицеры храбро кидались с первых рядов, и их выбивали, как в тире – они четко выделялись белыми перчатками и плюмажами на красных кепи. Немцы тоже несли значительные потери. Ведь и они действовали в плотных строях. Когда их накрывала французская корпусная артиллерия, картины были ужасающие. Очевидцы описывали овраг под Виртоном, где сотни, а то

и тысячи мертвецов стояли и не падали, поддерживая друг друга. Но французам досталось не в пример сильнее. Ошалевшие и дезорганизованные, они надломились и потекли назад. 4-я и 5-я германские армии устремились следом. Жоффр не верил случившемуся, требовал остановиться, опрокинуть врага. Лишь вечером 23 августа он нехотя заявил: «Наступление временно приостановлено, но я предприму все усилия, чтобы возобновить его».

А на левом фланге англичане и 5-я французская армия к началу сражения только добрались до рубежа, который им предназначался. Ждали, что противник появится дня через три. В селе Суаньи британский конный разъезд столкнулся с германским, и капитан Хорнби был представлен к награде как «первый английский офицер, убивший немца кавалерийской саблей нового образца», его поздравляли и чествовали. Но на дивизии Френча уже надвигалась 1-я армия фон Клюка, а 2-я фон Бюлова и 3-я фон Хаузена вышли к Намюру. Задерживаться у крепости не стали. Оставили для ее блокады по корпусу, Гвардейский резервный и 11-й, и нацелились на французов, беря армию Ларензака в клещи.

По берегу Самбры был развернут 10-й французский корпус. Никаких позиций он не оборудовал, намеревался отбиваться контратаками. Немцы с ходу отшвырнули его и форсировали реку. 22 августа разыгрались беспорядочные бои. Когда атаковали германцы, их косил огонь французских пушек. А французов засыпали немецкими снарядами, бомбами с аэропланов. Алжирский батальон, доведенный обстрелом до бешенства, бросился в штыки на вражескую батарею, переколол расчет – но в этой атаке из 1030 человек осталось двое. Части начали пятиться. Удерживался только корпус генерала д'Эспере – он единственный догадался собрать у местных жителей лопаты, кирки, и окопаться. Но Ларензак получил известие, что его соседи в Арденнах отброшены далеко назад, и скомандовал общее отступление – этим он заслужил гнев Жоффра и спас армию от окружения.

У англичан дело обстояло лучше, чем у французов. Их еще бурская война научила строить полевые укрепления. Они подготовили на канале Монс две линии обороны, успешно отражали немецкие атаки. Когда слишком прижали, взорвали мосты и отошли на вторую линию (французы о возможности взрывать за собой мосты вообще забыли). Настроены были бодро. Френч полагал, что против него действует всего 1 германский корпус, распорядился на следующий день контратаковать, скинуть переправившихся немцев в канал. Но неожиданно узнал, что Ларензак отступает, и пришла телеграмма от Жоффра, что перед англичанами 4 корпуса. Френч тоже приказал отходить.

Жоффр наконец-то прозрел. Он не побоялся признать грубые ошибки в подготовке войск, 24 августа издал «Записку для всех армий», требуя срочно переучиваться. Запрещалось атаковать в плотных строях, предписывалось окапываться, организовывать артподготовку, вести воздушную разведку. Но катастрофа уже грянула. В пограничном сражении французы потеряли 140 тыс. человек, англичане 1600 человек. Германские армии широким фронтом вторглись во Францию. Ее правительство отчаянно взывало к русским, посол в Петрограде Палеолог то и дело мчался к царю: «Умоляю Ваше Величество отдать приказ своим войскам немедленно начать наступление. В противном случае французская армия рискует быть раздавленной».

Мощнейшая крепость Намюр осталась уже в тылу противника. Из Льежа к ней подвезли осадные чудовища. 23 августа взрвали их жерла. Блокада была неплотной, и бельгийские части стали уходить из крепости. 25 августа Намюр пал. Но освободившиеся Гвардейский резервный и 11-й германские корпуса в свои армии не вернулись. Поражение под Гумбинненом заставило немцев менять планы. Оба корпуса получили приказ грузиться в эшелоны и следовать в Пруссию. Туда же перебрасывалась 8-я кавдивизия. Еще один корпус, 5-й из 5-й армии, был задержан в районе Меца – вдруг на Востоке этих сил не хватит? Против русских перенацеливались и два новых корпуса, формирующихся в Германии и предназначенных для подкрепления во Францию.

15. Прусское поражение

Основные силы 2-й русской армии пересекли границу 21 августа. В этот день произошло солнечное затмение. В частях специально разъясняли небесное явление, но солдаты сочли его дурным знаком. Да и офицеры вспомнили «Слово о полку Игореве». 2-я армия вообще получилась «невезучей». Штаб Варшавского округа стал штабом Северо-Западного фронта, штаб Виленского округа – штабом 1-й армии. А штаб 2-й собирали с миру по нитке. Командующий тоже был случайный, 55-летний Александр Васильевич Самсонов. В молодости он командовал эскадрой на турецкой войне, отлично проявил себя на японской, возглавлял Уссурийскую бригаду и Сибирскую казачью дивизию. Был начальником штаба Варшавского округа. Но дальше пошел по административной части: служил наказным атаманом Войска Донского, Туркестанским генерал-губернатором. Он был болен астмой, летом 1914 г. лечился в Пятигорске. В начале войны шли должностные перетасовки, вспомнили, что он служил в Варшавском округе, вызвали с курорта к царю и дали армию. А он не посмел отказаться, раз ему доверили.

Раньше командовал лишь дивизией в 4 тыс. шашек, и получил вдруг огромные силы, 7 корпусов. Но и тут начались перетасовки. Штаб фронта рассудил, что войск у Самсонова в избытке, забрал в формирующуюся 9-ю армию 2 корпуса, часть артиллерии и конницы. А фланговые корпуса должны были прикрывать стыки с соседями, их запретили передвигать. Потом спохватились, что для наступления остается слишком мало. Вернули один корпус из 9-й армии, разрешили использовать фланговые соединения, но они уже отстали от главных сил, а 2-й корпус на правом фланге оторвался слишком далеко, его переподчинили Ренненкампу.

Участок наступления был трудным. К границе подходила лишь одна железная дорога. Части выгружались далеко от исходных позиций, несколько дней топали пешком по плохим дорогам, по жаре. Колеса вязли в песке, обозы и артиллерия отставали. Жилинский подгонял, указывал, что противник бежит перед Ренненкампом, надо перехватить его. Самсонов в непривычных делах сразу запутался, не знал за что ухватиться, и только передавал приказы Жилинского, подгонял корпуса, они шли без привалов, все дальше отрываясь от тылов. А Ренненкампу штаб фронта подтвердил приказ остановиться, чтобы немцы совсем не сбежали.

Железная дорога была на левом фланге, и здесь в городке Зольдау скопилось много войск – 1-й корпус генерала Артамонова, дивизия 23-го корпуса, две кавдивизии, отставшая артиллерия. Разбирать эту массу Самсонов не стал, просто переподчинил ее Артамонову. Правее далеко углубились в прусскую территорию 15-й корпус Мартоса, занявший без боя г. Найденбург, 13-й Ключева, их догоняла 2-я дивизия 23-го корпуса, а правый фланг прикрывал 6-й корпус Благовещенского. Эти начальники очень отличались по своим качествам. Николай Николаевич Мартос был храбрым и умным генералом, его корпус считался одним из лучших. Артамонов еще в японскую проявил себя трусом и паникером, выкрутился благодаря знакомствам и подвизался, в основном, в дипломатических миссиях. Ключев прежде служил «генералом для поручений», а Благовещенский – по линии военных сообщений, необходимых навыков не имели.

А штаб армии отстал от войск на 120 км, находился в Остроленке – там имелась телефонная линия с Белостоком, с командованием фронта. Разведки Самсонов не организовал, сведения о противнике получал от Жилинского, который и сам ничего не знал. Телефонной связи с корпусами не было, немцы резали провода. Передавали распоряжения по радио, а чаще слали конных нарочных. Пока доскачут, ох сколько времени пройдет... Германия к вторжению была готова. Припасы вывезли или уничтожили. В Найденбурге подожгли боль-

шие склады и магазины, русским пришлось их тушить. Часть жителей, поляки, встретила наших солдат как лучших друзей. Большинство немцев эвакуировалось. Оставшиеся держались любезно, но... сообщали своему командованию о передвижениях русских. Попросту звонили в соседний город по телефону, линии работали.

Разведка Мартоса обнаружила противника севернее Найденбурга. Здесь стоял 20-й корпус Шольца, который Притвиц оставил заслоном против армии Самсонова. У деревень Орлау и Франкенау немцы построили укрепленные позиции, выставили 16 батарей. Корпус был усилен ландверными соединениями и по численности соответствовал двум русским. Мартос этого не знал, 23 августа развернул части к атаке. После артподготовки Симбирский, Полтавский, Черниговский полки ринулись на штурм и ворвались в Орлау. Но Шольц ввел в бой резерв, отбросил русских. Черниговский полк побежал, его командир Алексеев остановил солдат, с поднятым знаменем повел в штыки. Он был убит. Вокруг знамени (Георгиевского – за 1812 г.) завязалась рукопашная. Три раны получил знаменосец, погиб заменивший его поручик. Немцам удалось окружить полк и лишь ночью он прорвался к своим.

Но Мартос организовал новый удар. Пехота еще в темноте подползла к вражеским позициям, на рассвете артиллерия накрыла германцев, и солдаты кинулись на них. Немцы не выдержали натиска, побежали, бросив пушки. Русские потеряли 2,5 тыс. убитых и раненых, но 37-я германская дивизия была полностью разгромлена, остальные потрепаны, 15-й корпус двинулся преследовать их. Это усугубило панику в Германии. После Гумбиннена еще одно поражение! Оберпрезидент Пруссии помчался к кайзеру, умоляя о спасении. Мольтке намеревался снять с Запада аж 6 корпусов. Поразмыслив, все же ограничился теми, которые уже снял.

Да и в 8-й германской армии потрясение Гумбиннена успело пройти. Полки приводили себя в порядок. Собирались разбежавшиеся и отставшие солдаты. Новые начальники, Гиндербург и Людендорф, еще с дороги рассылали приказания. Было решено оторваться от 1-й армии и разбить 2-ю. Изобретать новых планов не требовалось. По географическим особенностям Пруссии немцы представляли, как будут наступать русские. На учениях отрабатывались разные варианты. В том числе, если русские прорвутся с юга. Через Пруссию проходили три рокадные железные дороги (вдоль линии фронта), их связывали поперечные ветки, это позволяло свободно маневрировать войсками. Нужно было собрать две группировки и ударить по флангам, под основание прорыва. Против Ренненкампа оставляли 3 дивизии. Корпуса Макензена и Белова должны были повернуться к 1-й армии спиной и навалиться на 2-ю с востока. А корпус Франсуа отводили в Кенигсберг, грузили в вагоны и кружным путем перебрасывали на другой фланг, чтобы атаковать с запада.

Русская разведка засекала эти перемещения, но Жилинский не понял их и наломал дров. Он подумал, что разгромленные немцы хотят укрыться в Кенигсберге. Приказал Ренненкампу продолжить движение, но не на соединение со 2-й армией, а повернуть севернее, на Кенигсберг. А к Самсонову поступали данные, что враг накапливается у него на левом фланге. 24 августа он запросил разрешения остановиться, уточнить расположение врага. Жилинский обругал его: «Видеть противника там, где его нет – трусость, а трусить я не позволю генералу Самсонову».

После такого оскорбления Самсонов отбросил всякую осторожность. Подтвердил войскам приказ «вперед» и велел перенести свой штаб в Найденбург. А его соединения действовали сами по себе, на фронте в 200 км расходились веером в разные стороны. На левом фланге кавдивизия генерала Любомирова, подчиненная 1-му корпусу, порубила немецкие ландверные части и взяла г. Уздау. 15-й корпус Мартоса, гонясь за разбитым противником, поворачивал на запад. 13-й, не встречая врага, продвинулся далеко на север. А 6-й занял Бишофсбург и шел на северо-восток, навстречу Ренненкампу (который к нему уже не шел).

В штабе 8-й германской армии в Остероде атмосфера тоже была нервной. Гинденбург и Людендорф получали неточные сведения о движении Ренненкампа, слали противоречивые приказы корпусам – то идти на Самсонова, то подождать, то развернуться обратно против 1-й армии. Гоффман доказывал, что между русскими армиями 125 км, если быстро ударить на Самсонова, Ренненкампа все равно не успеет помешать. Наконец, перехватили две радиogramмы. Командующий 1-й армией извещал 2-ю, где он находится. А Самсонов передавал приказ корпусам, указав их расположение. Шифровальное дело в то время было еще слабо отработано, нередко возникала путаница. Как в русских, так и в германских войсках порой отбрасывали шифры, передавали открытым текстом. Сейчас для немцев это оказалось очень кстати, вся картина прояснилась.

Тем не менее, окружать всю 2-ю армию сочли слишком рискованным. Наметили задачу поскромнее. Оттеснить фланговые русские корпуса от Уздау и Бишофсбурга, а окружать лишь центральную группировку. Хотя и это было непросто – требовалось восстановить оборону в центре. Что толку предпринимать фланговые маневры, если корпус Мартоса разрывает германский фронт надвое? Отступающему корпусу Шольца приказали занять позиции у села Мюлен, на усиление ему направили 2,5 дивизии. Но на эти позиции наскочили не части Мартоса, а догоняющая их 2-я дивизия 23-го корпуса. Ее начальник генерал Мингин не подозревал, что противник вшестеро превосходит его, атаковал с ходу. Одна из бригад даже добилась успеха, вклинилась в германскую оборону, но вторая, Эстляндский и Ревельский полки, была разбита и бежала.

Мартос узнал, что левее идет бой, повернул на Мюлен свой 15-й корпус. Присоединил остатки дивизии Мингина, послал записку к правому соседу, в 13-й корпус Ключева, просил помочь. Тот откликнулся, выделил два полка. Мартос доложил Самсонову, что обозначилась крупная германская группировка, просил направить к нему весь 13-й корпус. Однако командование фронта опять внесло путаницу. Оно обратило внимание на разброс корпусов 2-й армии, приказало собрать их вместе. Дальше всех вырвался 13-й – а значит, требовалось ориентироваться на него. Жилинский издал директиву, пусть 15-й корпус слева и 6-й справа подтягиваются к 13-му. Поэтому Самсонов в просьбе Мартоса отказал. Слепо и дисциплинированно повторил директиву Жилинского – не Ключев должен идти к Мартосу, а наоборот, Мартос и Благовещенский должны идти к Ключеву.

Непонятная ситуация в Пруссии обеспокоила и Ставку. Великий князь Николай Николаевич сам приехал в штаб Северо-Западного фронта и приказал нацелить 1-ю армию, чтобы она установила связь со 2-й. Но Жилинский его распоряжений не выполнил. Он остался при своем мнении – немцы укрылись в Кенигсберге. Ренненкампа к этому моменту занял Инстербург (ныне Черняховск) и вышел к Балтийскому морю в 50 км от Кенигсберга, и штаб фронта подтвердил ему задачу, начать осаду столицы Пруссии.

А 6-й корпус Благовещенского получил приказ идти на соединение с 13-м. 26 августа он выступил из Бишофсбурга на запад двумя колоннами. Впереди дивизия Рихтера, за ней – Комарова. Но Комарову вдруг сообщили: сзади, с северо-востока, надвигается скопление противника. Он счел – это те самые немцы, которые бегут от 1-й армии и которых надо перехватить. Развернул дивизию и повел навстречу. Но это выходил для флангового удара корпус Макензена. У села Гросс-Бессау завязался жестокий бой. На дивизию Комарова навалились две германских. Он послал просьбу о помощи к дивизии Рихтера. Она уже ушла на 14 км. Получив известие о сражении, немедленно повернулась, форсированным маршем зашагала на выручку и... столкнулась с еще одним германским корпусом, фон Белова. Он двигался на русских параллельно с Макензеном.

Обе наших дивизии понесли большие потери, стали отступать. Неприятеля все-таки притормозили. У станции Ротфлис занял оборону резервный отряд генерала Нечволодова из 2 полков, 7 сотен казаков и дивизиона 152-мм мортир, встретивших врага губительным

огнем. По калибру артиллерии немцы сочли, что против них стоит весь корпус и не решились лезть напролом. Но командир корпуса Благовещенский повел себя совершенно беспомощно, остановить войска не сумел, они протекли через Бишофсбург и отступали дальше. А ночью поползли слухи о германской погоне, от случайных выстрелов поднялась паника. Солдаты беспорядочными толпами хлынули к границе. Утром 27 августа немецкие самолеты обнаружили, что 6-го корпуса на месте нет, в русском правом фланге образовалась дыра. В нее стали вливаться соединения Макензена и фон Белова.

А на левом фланге этим же утром генерал Франсуа атаковал Уздау. В городке находились командир 1-й стрелковой бригады Савицкий и полковник генштаба Крымов. Они организовали оказавшиеся под рукой части и встретили противника достойно. Гумбиннен немцев еще ничему не научил. Маршировали сплошными шеренгами, в ногу, останавливались для ружейных залпов – первая шеренга с колена, вторая стоя. Русские пулеметы, винтовки, шрапнель, косили их, как траву. Потом Петровский и Нейшлотский полки ударили в штыки, и враг обратился в бегство. Удирали в таком ужасе, что один из своих батальонов Франсуа нашел лишь на следующий день, за 45 км от поля боя... Но командир 1-го корпуса Артамонов трусил, переполошился и приказал отступать к Зольдау. А в докладе Самсонову солгал: «Все атаки отбиты, держусь, как скала. Выполню задачу до конца». Франсуа после полученной взбучки не верил, что ему отдали город за здорово живешь. Ждал какого-то подвоха, запретил двигаться вперед, велел окапываться.

Тем временем Мартос вел сражение под Мюленом. У Шольца было в 1,5 раза больше сил, но русские выигрывали. Прорвали укрепления, опрокинули противостоящие части и взяли Мюлен. Германское командование срочно перебросило дивизию с другого участка – бегом, бросив для скорости ранцы, и контратакой кое-как выправило положение. Попробовало обойти с фланга. Его прикрывали два полка 23-й дивизии, Либавский и Кексгольмский, но они сражались так героически, что Гинденбург пришел к выводу – на этом направлении у русских больше корпуса.

А штаб Самсонова находился в Найденбурге и реальной обстановки не представлял. Со всех сторон сыпались тревожные донесения, но на них не реагировали, рассылали прежние приказы – наступать. Наконец, в Найденбург пришли солдаты разбитых Эстляндского и Ревельского полков, рассказали, что творится под Мюленом. От случайных кавалеристов узнали, что Артамонов сдал Уздау. Только тогда Самсонов отдал приказ 13-му корпусу идти на помощь к Мартосу. А на Артамонова разгневался за вранье, отстранил от командования и назначил вместо него генерала Душкевича. Но Душкевич был на передовой, руководство принял инспектор артиллерии Масальский. Так что в левофланговой группировке, вдобавок ко всему, стало трое начальников.

В общем-то ситуацию еще можно было исправить, даже переломить в свою пользу. Для этого Самсонову стоило поехать на левый фланг, где скопилась без толку третья часть армии, наладить там управление и нанести контрудар по группировке Франсуа. Можно было поступить проще, отвести центральные корпуса назад. Самсонов не сделал ни того ни другого. Он принял единственное решение, которого не должен был принимать ни в коем случае. Лично ехать на передовую, в 15-й корпус. Приказал штабу разделиться, канцелярским службам эвакуироваться в тыл, а сам с группой офицеров и конвоем казаков отправился в эпицентр боев. И все. С этого момента армия лишилась единого руководства. Курьеры с донесениями безуспешно искали командующего, он потерял связь и с тылом, и с корпусами.

В штабе фронта тоже вдруг поняли, что немцы вовсе не удирают за Вислу, а атакуют. Только теперь полетел приказ Ренненкампу – помочь Самсонову. Части 1-й армии выступили без промедления, 28 августа, но заведомо опаздывали к развязке – между армиями было 95 км... Ну а для 13-го корпуса генерала Ключева, глубже всех забравшегося на германскую территорию, настоящая война еще не начиналась. Он вошел в Алленштайн. Вто-

рой по величине город Пруссии выглядел вполне мирно. Работали магазины, кафе. Жители вежливо кланялись даже рядовым. На больницах висели плакаты с просьбой не беспокоить пациентов... О соседе справа, 6-м корпусе Благовещенского, Ключев ничего не знал. Оттуда получили радиogramму, но на этот раз она была шифрованной. Расшифровать не сумели. А с самолета заметили, что с востока приближаются войска, около корпуса. Решили, что это и есть 6-й.

Согласно приказу, Ключев двинул свои дивизии на подкрепление Мартоса, а в Алленштайне оставил «до подхода Благовещенского» по батальону от Дорогобужского и Можайского полков. Но шел корпус не Благовещенского, а фон Белова. Два батальона он смял мгновенно. Ему активно помогли горожане, стреляли из окон, а с чердака больницы, которую «не беспокоили», ударили пулеметы. Немцы устремились вдогон за ушедшими русскими. Преследование обнаружили, но Ключев считал, что за ним увязались небольшие отряды. Велел арьергарду, неполному Дорогобужскому полку, отогнать их. Полку не оставили артиллерии, запасы патронов ушли с обозами, а на него обрушилась лавина германцев. Отбивались из пулеметов, пока были боеприпасы. Потом остались только штыки. Но дорогобужцы заняли дефиле между двумя озерами, враг не мог развернуться широким фронтом, и его раз за разом осаживали контратаками. Погиб командир полка Кабанов, редели батальоны, но удержали неприятеля до вечера. Лишь с наступлением темноты остатки полка снялись и пошли искать своих, унося тело командира.

Под Мюленом 28 августа заседали уже не русские, а немцы. Войска Мартоса обтекали со всех сторон. Германская дивизия генерала Зонтага попыталась ночью обойти с юга, захватить господствующие высоты. Но ее заметили, изготовились. На рассвете штурм высот был встречен дружным огнем. Враги покатались назад, по ним ударила своя же артиллерия, приняв за русских, а штыковая контратака завершила разгром, было взято 2200 пленных, 13 орудий. Гинденбург и Людендорф нервничали, выдернули еще одну дивизию из группировки Франсуа. Она уперлась в оборону Кексгольмского полка, и обход с юга так и не удался.

На северном фланге немцы рвались обойти через городок Хохштайн. Здесь отбивались Нарвский и Копорский полки. Они попали в полуокружение, оборона простреливалась с трех сторон, они отвечали огнем трех батарей и отразили все атаки, усеяв окрестности германскими трупами. На высоты недалеко от Хохштайна вышел и 13-й корпус Ключева. Но он не мог разобраться, что происходит вокруг, приказал войскам остановиться и ждал приказов свыше. А в 15-м корпусе кончались боеприпасы, не было продовольствия. Оставалось только отступить.

Вечером сюда прибыл Самсонов со своими штабными. Оценив положение, он разрешил отход к Найденбургу. Но начал распоряжаться и окончательно все погубил. Штаб Самсонова предложил чересчур сложный план «скользящего щита» – пусть соединения по очереди перемещаются с северной оконечности фронта на южную. Сперва обозы, потом 13-й корпус, потом 15-й, потом 23-й. Потом все повторяется, и весь фронт будет постепенно «скользить» на юг. А Мартосу со штабом корпуса приказали ехать в Найденбург, заранее выбрать позиции для обороны. Лучший корпус был обезглавлен. Но и Самсонов с войсками не остался. Сказывалась болезнь, перенапряжение, рывок на передовую выплеснул остатки его сил. Штабные офицеры уговорили его уехать, организовывать управления на новом месте, а командование всеми отходящими корпусами поручили Ключеву.

«Скользкий щит» сразу рухнул. Как можно было регулировать движение в лесах, без связи? Соединения хлынули как придется. Немцы сунулись было в погоню, но корпус Мартоса даже без начальства был еще боеспособен. У села Кунхенгут Кременчугский и Алексопольский полки устроили засаду. Промерили расстояния, навели заранее пулеметы и в темноте расстреляли колонну, двинувшуюся за ними. А Гинденбург после бесплодных атак и огромных потерь уже вообще отказался от окружения русских! Выгнать их, и то хорошо!

Слал приказы Шольцу и Франсуа отменить прежние планы, просто преследовать и вытеснять отступающих. А Белову и Макензену – разворачиваться против Ренненкампа.

Но его приказы запоздали. Пока суд да дело, Франсуа продолжал атаки и уже взял Зольдау. Открылась дорога в глубь расположения русских. У Франсуа был заблаговременно подготовлен летучий отряд – кавалерия, пехотная бригада на машинах и повозках, велосипедисты. Теперь его бросили на Найденбург, перерезая нашим частям пути отхода. Самсонов, уезжая из этого города, не позаботился организовать оборону. В Найденбурге скопились обозные, лазареты с ранеными. Здесь находился командир раздерганного 23-го корпуса Кондратович с одной бригадой, этого было достаточно против бригады немцев. Но Кондратович предпочел спасти бригаду (и себя), бросив обозы и раненых. Летучий отряд захватил город почти без боя, навстречу ему двигались части Макензена, замыкая кольцо.

А часть штаба Самсонова, которая эвакуировалась на свою территорию, утром 29 августа доложила Жилинскому – армия отступает. Он рассудил, что напрасно послал туда 1-ю армию, телеграфировал Ренненкампу: «2-я армия отошла к границе. Приостановить дальнейшее выдвижение корпусов на поддержку». Но Ренненкамф понимал ситуацию глубже, отдал своим частям приказ «ввиду тяжелых боев 2-й армии» идти ей на помощь. Действительно, бои еще продолжались. Ключев оставил в Хохштайне арьергард, Каширский полк, к нему примкнули подразделения Нарвского. Их окружили, против 16 орудий гремели 86 германских, но солдаты дрались до вечера, в последней рукопашной пал командир полка Каховский со знаменем в руках.

Еще один арьергард, Софийский полк, встретил преследующих немцев между двумя озерами у с. Шведрах. Сражался отчаянно, поредел, но и неприятели отстали. Сплошного окружения не было. Сквозь жиденькую цепочку германских застав вполне можно было прорваться. Но ночью на лесных дорогах части перемешались, тащились из последних сил, голодные – 15-й корпус четверо суток не выходил из боев, 13-й за двое суток прошагал больше 80 км. А прусский лес не был надежным укрытием. Через каждые 2 км тянулись просеки, было много речушек и болот с дамбами. Немцы следили с самолетов, где находятся русские, устраивали на пути засеки, ставили заслоны с пулеметами и пушками.

У каждой дамбы или перекрестка встречал огонь. Вся масса солдат останавливалась, передовые подразделения разворачивались, атаками прогоняли врага. А через пару километров ждал новый заслон, и все повторялось... Около села Саддек, попав под очередной обстрел, Ключев решил «во избежание ненужного кровопролития» сдаться. Правда, предоставил желающим спасаться самостоятельно. Одни отделились, пошли на прорыв (и в большинстве выбрались). У других больше не было сил, они подчинились решению начальника. Некоторые предпочли погибнуть в бою, группа смельчаков из 13-го корпуса захватила 4 немецких орудия, заняла круговую оборону и дралась до последнего.

Мартос, посланный вперед своих войск, нарвался на немцев. Офицеры его штаба погибли или рассеялись. Мартос с тремя спутниками сутки блуждал в лесу. Ночью услышали рядом солдат и подумали, что свои. Но вспыхнул немецкий прожектор, ударил пулемет, под Мартосом убило коня, и его схватили. Так же блуждал Самсонов. Попал в хаос отступления. Пробовал командовать на дорогах ротами и батальонами, но понял, что восстановить управление уже невозможно, и впал в полную прострацию. Ехали с офицерами штаба, несколько раз натыкались на немцев. Направились через лес. Лошади выбились из сил, и зашагали пешком. Самсонова измучила астматическая одышка, сделали привал. Командующий тяжело переживал случившееся, говорил: «Царь доверился мне. Как я встречу с ним после такого разгрома?» Отошел в сторону, и его спутники услышали выстрел. Все поняли, что это значит. Тело Самсонова не смогли найти в темноте, а утром появились немцы. Офицеры штаба бежали, а через час встретили казачий патруль – вышли к своим.

Командование фронта уяснило картину только вечером 29 августа. Забило тревогу. Ренненкампу приказали организовать поиск конницей. Но направление дали неверное – на Алленштайн, где русских давно не было. А 1-му и 6-му корпусам велели нанести удары по флангам, чтобы облегчить выход окруженной группировке. Куда там! Благовещенский боялся, что немцы пойдут на него. Выделил для операции лишь отряд Нечволодова, Ладожский полк с 2 батареями. В 1-м корпусе царило безвластие, Артамонов, Душкевич и Мосальский разбирались, кто же из них начальник. После понуканий определили для наступления генерала Сирелиуса с Варшавской гвардейской дивизией.

Тем не менее даже небольшие силы прорвали вражеское кольцо. 30 августа Нечволодов вышиб немцев из г. Вилленберга. Как раз на этом участке пробивалась из окружения русская конница, атака помогла ей пересечь линию фронта. Сирелиус разметал неплотные германские заслоны и взял Найденбург. У немцев поднялся переполох. Только утром Гинденбург доложил в ставку о блестящей победе, и на тебе! Но удары были слишком слабыми и разрозненными. Против Сирелиуса стягивалось 5 дивизий, ему пришлось отступить. Нечволодов тоже получил приказ отходить.

Только войска Ренненкампа, громя выставленные против них части кавалерии и ландштурма, неудержимо продвигались вперед. К 31 августа они вышли на ближние подступы к Кенигсбергу, заняли Фридланд (Правдинск) и городишко Растенбург (пока еще неприметный – он станет знаменитым лишь во Вторую мировую как ставка Гитлера). А конный корпус хана Нахичеванского и кавалерийская дивизия Гурко докатились до Алленштайна. Снова увидели чистенький, вполне мирный город. Жители вежливо раскланивались, а на вопросы о русских недоуменно пожимали плечами – вроде, тут их никогда и не было. Жилинский уже направил Ренненкампу новый приказ. Писал, что Самсонова постигла неудача, требовал вернуть кавалерию из рейда. Но командующий армией рассудил иначе – раз уж его конница очутилась в тылах противника, велел ей погулять как следует, взрывать железнодорожные пути, дамбы, порушить станции и линии связи.

Эти прорывы вызвали у немцев изрядный переполох. Поднимались ложные тревоги – «Русские идут!» Открывали огонь по своим, были жертвы. При ночном шуме в Найденбурге генерал Моргентау удрал босиком, надев ремень с кобурой поверх белья. Зато на окруженцев началась настоящая охота. К солдатам подключились полиция, егеря, штатские добровольцы с ружьями и собаками. Очевидцы описывали, как тяжелораненых пристреливали, забивали прикладами, «стрельба по нашим санитарным отрядам и полевым лазаретам стала обычным явлением». Над пленными измывались, избивали их, впрягали в трофейные пушки вместо лошадей и заставляли тащить. В плен попало 9 генералов. В штабе 8-й армии Людендорф грубо насмехался над Мартосом. Гинденбург повел себя благородно, пожал руку, сказал: «Я желаю вам более счастливых дней». Приказал вернуть наградную золотую саблю, но так и не вернули. С Ключевым, сдавшим подчиненных, обращались куда лучше.

Германская пропаганда непомерно раздула масштабы победы, трубила сперва о 70, потом о 90 тыс. пленных, о 20 тыс. убитых русских, а число трофейных орудий постепенно росло от 300 до 600. Реальные потери наших войск были скромнее. Погибло 6 тыс. воинов, попало в плен 50 тыс. (из них 20 тыс. раненых), немцам досталось 200 орудий (часть подбитых или выведенных из строя артиллеристами). 20 тыс. окруженных сумели вырваться. Как сообщалось в докладе, «большинство офицеров, пробивавшихся в одиночку или с нижними чинами, выдержали ряд самых тяжелых испытаний и опасностей и выказали незаурядное личное мужество и храбрость, преодолевая на своем пути превосходного по силе противника, борясь с бронированными автомобилями... и даже артиллерией противника, уничтожая то и другое».

Немцы громогласно объявляли о «гибели 2-й армии», но и это было далеко от истины. Им удалось разгромить 5 русских дивизий, и победа обошлась недешево – они потеряли

30 тыс. убитыми и ранеными. Мало того, за успех на Востоке пришлось заплатить стратегическим проигрышем на Западе, откуда снимались подкрепления. А 2-я русская армия была жива, большая часть ее сил просто отступила. Новым командующим стал энергичный генерал Шейдеман. Он очень быстро привел армию в порядок, и всего лишь через неделю она снова вела активные боевые действия.

Для расследования причин поражения была назначена правительственная комиссия. Жилинский попытался свалить вину на Ренненкампфа. Дескать, трусил и вовремя не помог Самсонову. Но великий князь Николай Николаевич представлял истинное положение, хорошо знал командующего 1-й армией и возмутился клевете. Заявил: «Жилинский сам потерял голову и не способен управлять боевыми действиями». Для проверки в 1-ю армию направили генерала Янушкевича, и доклад его был очень лаконичным: «Ренненкампф остался тем, кем был». По результатам расследования сняли командиров корпусов Артамонова, Кондратовича, Благовещенского и самого Жилинского. Его вернули «по специальности» на дипломатическое поприще, послали российским представителем в Париж. Там он оказался на своем месте, неплохо отстаивал интересы страны.

16. Львов

Главкомандующим Юго-Западного фронта стал 63-летний генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов. В молодости, будучи поручиком, он отличился в турецкой войне. Но с той поры утратил пыл, военными талантами не выделялся, его считали в большей степени хозяйственником, чем полководцем. Был близок к придворным кругам, стал крестным наследника престола Алексея. Отвратительно командовал корпусом в Маньчжурии, но в 1905 г. сумел утихомирить мятеж в Кронштадте – не оружием, а увещеваниями. Перед войной он командовал Киевским округом.

Зато Иванову достался отличный начальник штаба – генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. Отец его был крепостным крестьянином, попал в солдаты и дослужился до штабс-капитана. Сам Михаил Васильевич поступил в Московское юнкерское училище, но не закончил его. Началась война с турками, и он ушел на фронт прапорщиком. Под Плевной был ординарцем у Скобелева (а у Скобелева сменилось несколько ординарцев, генерал посылал их с приказами в самое пекло). Алексеев был ранен, награжден орденом св. Георгия IV степени, но, не имея полного образования, 9 лет не мог дослужиться до ротного. Его трудолюбию мог позавидовать любой, он учился самостоятельно и поступил в Академию генштаба. Великолепно проявил себя, стал профессором военной истории. На японскую пошел генерал-квартирмейстером 3-й армии, был награжден несколькими орденами и Золотым оружием. Потом служил в генштабе и в Киевском округе, на маневрах понравился царю детальным разбором операции. Командовал 13-м корпусом – тем самым, который погубил Клюев.

Брусилов отмечал, что это был «человек очень умный, быстро схватывающий обстановку, отличный стратег». А профессор Академии генштаба Головин вспоминал: «Алексеев являлся выдающимся представителем нашего генерального штаба. Благодаря присущему ему глубокому уму, громадной трудоспособности и военным знаниям, приобретенным им самим в индивидуальном порядке, он был на голову выше других представителей русского генерального штаба». Алексеев был глубоко и искренне верующим. В трудной обстановке становился перед иконой на колени, молился долго и истово. Считал, что именно тогда к нему приходят правильные решения. Вот только характер у него был слишком мягким. Он не умел стукнуть кулаком по столу, «нажать». Не любил спорить, убеждать других в своей правоте. Поэтому старался избегать совещаний, всю работу предпочитал делать один. Но Иванов ему, собственно, и не мешал. Разработку Галицийской операции осуществлял Алексеев, он же руководил войсками, а Иванов лишь подписывал представленные документы.

Австрийская территория дугой вдавалась в русскую, и предусматривалось несколько концентрических ударов. С востока, на Украине, 3-я и 8-я армии наступали на Львов, с юга их прикрывал небольшой Днестровский отряд. Второй удар наносился с севера, из Польши. 5-я армия от Ковеля тоже нацеливалась на Львов, а 4-я располагалась западнее и наступала от Люблина и Холма – на Перемышль. В составе фронта должно было собраться 47 пехотных и 18,5 кавалерийских дивизий. Хотя к началу сражения имелось лишь 34,5 пехотных и 12,5 кавалерийских – около 650 тыс. бойцов. Остальные войска ожидалось позже.

Но и австрийцы готовились наступать, опередить русских, разбить до того, как сосредоточатся все соединения. Силы врага превосходили, у него было 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий (около 750 тыс. штыков и сабель). По мере развития операции должны были подойти еще 250 тыс. Главный удар наносился на север, в Польшу. Тут австрийцы создали двойной перевес, против наших 4-й и 5-й армий развертывались 1-я и 4-я австрийские, с левого фланга их прикрывали армейская группа Куммера и германский корпус Войрша. На восточном участке, в Галиции, превосходство было у русских. Против 3-й и 8-

й наших армий выдвигались 3-я австрийская и армейская группа Кавеса. Предполагалось, что они измочают русских в активной обороне и тоже перейдут в наступление.

Дух нашей армии перед сражением был высочайшим. Прекрасно было налажено снабжение. Пайку русского солдата мог позавидовать боец любой другой армии. На день полагалось 3 фунта хлеба, фунт мяса, полфунта сала (фунт – 400 г), 18 золотников сахара (77 г). Плюс масло, крупа, овощи. Однажды командиру Каргопольского драгунского полка даже пришлось отдавать приказ – каждый нижний чин «обязан» съесть выданное продовольствие, «дабы иметь силы в предстоящей ему боевой работе».

Впрочем, стоит упомянуть и о других особенностях русской императорской армии. Пехотные и кавалерийские полки, кроме номеров, имели названия по городам. Это не означало места их дислокации. Название указывало на место рождения полка или было символическим. Но города «шефствовали» над «своими» полками, поддерживали связи, присылали подарки. Казачьи полки назывались по месту формирования, а номер означал очередность призыва. Скажем, 1-й Лабинский полк формировался в кубанском Лабинском округе и был кадровым, а 2-й Лабинский состоял из резервистов.

В войсках были очень сильны боевые традиции. Любой офицер и солдат знал историю своей части так детально, будто речь шла о собственных предках. Очень престижными были коллективные отличия, заслуженные полками за подвиги прошлых войн – это могли быть наградные знамена, добавка к названию, серебряные трубы, особые значки или отклонения формы одежды (скажем, Апшеронскому полку полагались красные отвороты на сапогах в память о том, что в битве при Кунерсдорфе полк выстоял «по колено в крови»). Такими отличиями гордились все солдаты части.

Галицийская операция

Очень высоко ставилось понятие офицерской чести. Но и понятию солдатской чести придавалось огромное значение. Устав гласил: «Солдат есть имя общее, знаменитое, имя солдата носит всякий военный служащий от генерала до последнего рядового». Важнейшую роль в армии играли унтер-офицеры. Это были профессионалы высочайшего уровня, костяк любого полка, «отцы родные» солдат – их непосредственные учителя и наставники. Армия воспитывалась в строгой духовности, священник в полку был далеко не последним лицом. Хотя при этом допускалась широкая веротерпимость – мусульманам, католикам, лютеранам, даже язычникам из народов Поволжья и Сибири разрешалось отправлять свои обряды, при- сягу каждый принимал по обычаям своей веры.

В подготовке пехоты важное значение все еще имел штыковой бой, учили ему основательно, существовало настоящее искусство фехтования на штыках. А конницу, соответственно, учили мастерски владеть шашками. Пулеметчики были «элитой» и даже в пехотных полках обидались, если их путали с пехотой – сами они причисляли себя к коннице. Пулеметы появились недавно, и расчет «максима» состоял не из 2 бойцов, как впоследствии, а из 9. Командир, наводчик, его помощник, дальномерщик-наблюдатель, подносчик патронов, пулеметная и патронная двуколки с ездовыми, двое верховых – разведчики и связные.

Полковая пулеметная команда из 8 пулеметов, 80 человек и 16 легких повозок была сама по себе сильным и мобильным подразделением. А военным музыкантам приходилось не только играть марши – в боях на них возлагались обязанности санитаров и похоронной команды.

На Юго-Западном фронте сроки развертывания тоже получались разные, поэтому 8-я армия выступала 18 августа, 3-я – 19-го, а 4-я и 5-я – 23 августа. 8-й армией командовал Алексей Алексеевич Брусилов. В юности он был изрядным повесой, из Пажеского корпуса его отчислили за неуспеваемость, и экзамены пришлось сдавать экстерном. Драгунским поручиком отважно сражался в турецкой войне, заслужил 3 ордена. Со временем изжил недостатки молодости, закончил Офицерскую кавалерийскую школу. Командовал различными соединениями, дослужившись до чина генерала от кавалерии. У него было 3 неполных корпуса (139 тыс. штыков и шашек при 472 орудиях). Должен был догнать еще один, 24-й корпус, подойти и 3 казачьи дивизии с Кавказа.

Австрийцы попытались сорвать наступление упреждающим ударом. 17 августа их части вторглись на русскую территорию, захватили Каменец-Подольск, под угрозой артиллерийской бомбардировки потребовали от города уплатить большую контрибуцию. Обеспокоенный Иванов потребовал от Брусилова направить войска и выбить врага. Но Брусилов и Алексеев указали, что не надо разбрасывать силы – начнется операция, и австрийцы сами уйдут, чтобы их не отрезали от своих. На следующий день 8-я армия двинулась через р. Збруч, отбросила прикрывающую берег кавалерийскую дивизию противника. Приказ Брусилова гласил: «Поздравляю славные войска армии с переходом границы. Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составную часть Австро-Венгрии, но это исконная русская земля, населенная, главным образом, русским же народом, для освобождения которого война ведется...»

Его предположения вполне оправдались. Едва узнав о форсировании Збруча, австрийцы сразу убрались из Каменец-Подольска, а контрибуцию вернули до копейки – ведь русские на их земле могли ответить тем же. Генерал фон Конрад рассчитывал, что Юго-Западный фронт сможет завершить мобилизацию только недели через две, и наступление стало для врага полной неожиданностью. С Балканского фронта спешно повернули в Галицию 2-ю армию. А навстречу Брусилону, чтобы задержать его на рубеже р. Серет, выслали 3 кавалерийских дивизии и несколько пехотных бригад. Но конница, продвигающаяся в авангарде 8-й армии, обнаружила врага и опрокинула одной атакой. Кого порубили, кого обратили в бегство и взяли г. Тарнополь.

Справа от Брусилова вступила в бой 3-я армия. Командовал ею генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский. Он успел повоевать на турецкой и японской, но славился в основном как теоретик, был одним из авторов новых уставов и наставлений. Войск у него было побольше, чем у Брусилова – 4 корпуса (215 тыс. человек и 685 орудий). Кавалерия Рузского с налета взяла приграничные города Лешнюв, Станиславчик, Броды. С ней схлестнулась венгерская конница, потеснила во встречных боях. Русских было приказано остановить на р. Стырь. Подтянулась австрийская пехота, бросилась в контратаки. Но казачьи батареи встретили их шрапнелью, наши командиры умело разместили пулеметы, поливавшие неприятеля фланговым огнем. Атаки захлебнулись. А русская 11-я кавдивизия форсировала Стырь в сторонке, южнее, вышла в тыл противнику и заставила его бежать. 3-я армия устремилась на Злочев и Каменку-Струмилово.

На северном участке дело пошло далеко не так гладко. Вот здесь-то австрийцы сумели использовать задержку в сосредоточении русских, как следует изготовились. Они первыми перешли границу, навстречу 4-й армии Зальца (3 корпуса – 109 тыс. бойцов при 426 орудиях) выдвинулась 1-я австрийская армия (228 тыс. человек и 468 орудий). Поблизости расположились группа Куммера (2 корпуса), германский корпус Войрша. 23 августа войска Зальца двинулись в южном направлении. Казалось, побеждали. Но перед ними находились лишь

мелкие отряды и преднамеренно отступали. Австрийцы обманули Зальца, их группировка поджидала западнее. Когда русские подставили ей правый фланг, она нанесла мощный удар. Смяла боковое охранение и обрушилась на 14-й корпус. В жестоком сражении под Красником его разбили, он покатился прочь. В боевых порядках 4-й армии образовалась брешь в 25 км.

Австрийцы кинули в нее пехотный корпус и 3 кавдивизии. Нацеливались выйти в тылы Зальца, захватить г. Люблин с проходящей там железной дорогой, отрезать наши корпуса от коммуникаций. Неприятельское командование наметило и второй обход, более глубокий, от Кракова на Люблин заходила группа Куммера. 4-я армия смогла спастись только быстрым отступлением. Зальца за грубые ошибки сместили, на его место назначили 57-летнего Алексея Ермолаевича Эверта. В Маньчжурии он был начальником штаба у Куропаткина, командовал Иркутским округом, был наказным атаманом Забайкальского Казачьего Войска. Он был знаменит крайним педантизмом – например, перед началом операции высчитывал необходимое количество снарядов даже не до сотен а до единиц. В ситуации с 4-й армией его аккуратность и деловитость пришлись очень кстати. Эверт сумел восстановить управление войсками, наладить их боепитание. К армии прибывали новые соединения, не успевшие к началу наступления. 27 августа она заняла позиции южнее Люблина и все попытки австрийцев прорвать оборону успеха не имели. Атаковали, силились обойти, но ничего не получилось, напор сдержали.

Из-за 4-й армии попала в тяжелое положение и соседняя, 5-я. Ее возглавлял 64-летний генерал от кавалерии Павел Адамович Плеве. Это был удивительно скромный человек, но волевой, энергичный – и талантливый военачальник. Молодым офицером участвовал в турецкой войне, служил в строевых частях и штабах, а перед войной командовал Московским округом. У него было 4 корпуса (147 тыс. человек и 456 орудий), а ловушку ему готовила 4-я австрийская армия (250 тыс. человек и 462 орудия). На его участке местность была очень удобной для засад – леса, поймы рек. Противник расположился скрытно, разведка крупных сил не обнаружила.

5-я армия наступала слева от 4-й. Когда на войска Зальца напали австрийцы, Плеве получил приказ помочь ему. Повернул свои соединения, пошел на запад, и тут же, на марше, получил фланговый удар. Одна австрийская группировка вклинилась в стык между 4-й и 5-й армиями, чтобы не дать им соединиться, другая навалилась на арьергард Плеве, 35-ю пехотную и 7-ю кавалерийскую дивизии, отшвырнула их и прорвалась в русские тылы. Противник стал обтекать армию с двух сторон. Замышлялся такой же сценарий, как у Самсонова – оттеснить фланговые корпуса и окружить два центральных. Но здесь врагу противостояли другие начальники, и события развивались иначе.

26 августа австрийцы добились успеха на правом крыле 5-й армии, заставили отступить фланговый 25-й корпус, а 19-й попал в кольцо. Но Плеве произвел быстрый маневр – в тыл к неприятелям, окружавшим 19-й корпус, он вывел свой 5-й корпус. На врага понеслись в атаку сразу две донских казачьих дивизии, 1-я и 5-я. На пути лавины из 8 тыс. казаков оказалась 15-я австрийская дивизия. Ее почти полностью уничтожили, кольцо разомкнули. Но силы русских оказались стянуты к правому крылу, а 28 августа противник прорвался на левом, снова обходил. Плеве приказал отступить. Огрызаясь огнем и контратаками, 5-я армия отошла к г. Холму и сомкнулась в обороне с 4-й.

А между тем, австрийцам уже припекало на другом участке, в Галиции. Армии Рузского и Брусилова продвигались все глубже, приближались к Львову. Тылы северной неприятельской группировки, наступавшей на Люблин и Холм, тоже оказались под угрозой. Австрийское командование занервничало, принялось перетасовывать свои соединения. Против Плеве оставили лишь 2 корпуса и кавалерию, натиск на его части сразу ослабел.

Другие 2 корпуса враг спешно выводил из боя и перебрасывал под Львов. Сюда начали прибывать и эшелоны 2-й австрийской армии из Сербии.

Львов, по сути, был крепостью, его окружали сильные форты. Брать его планировалось совместными силами двух армий, Брусилов с юга, Рузский с севера и востока. Но наше командование не знало, что крепость перед войной была упразднена, орудия с фортов сняты. Австрийцы рассчитывали отстоять Львов в полевом сражении на подступах к нему. Главный рубеж обороны готовили по притоку Днестра Гнилая Липа и по Бугу – от близко примыкает к верховьям Гнилой Липы, образуя с ней как бы одну линию. Чтобы получше оборудовать позиции неприятель решил задержать 8-ю армию чуть раньше, на р. Коропец. Бросил в атаку 2 дивизии. Задержать не получилось. 8-й корпус Радко-Дмитриева и 12-й Леша опрокинули врага во встречном бою и обратили в бегство. Захватили всю артиллерию, много пленных.

Но в это время армия Рузского натолкнулась на основную линию неприятельских позиций. А австрийцы хорошо умели их строить. Добросовестно окапывались, каждый солдат еще и носил в ранце 5–6 м колючей проволоки, чтобы быстро поставить заграждения. Русских остановили сильным огнем. Мало того, посыпались контратаки. Левофланговый 10-й корпус отбросили назад. Центральные, 9-й и 11-й удержались, но вынуждены были перейти к обороне. А на правом фланге 21-й корпус и 11-я кавдивизия завязали ожесточенные бои за г. Каменка-Струмилово. Противник наседали отчаянно, атака следовала за атакой. Несколько раз венгерская кавалерия прорывала боевые порядки, добиралась до русских батарей и начинала рубить прислугу. Но в бой бросались резервы, и прорвавшиеся сами гибли под русской пашками.

Иванов приказал Брусилову помочь соседям. Но Брусилов узнал от своих летчиков и о том, что значительные силы противника сосредоточены прямо перед ним, на Гнилой Липе. Он послал распоряжение 24-му корпусу Цурикова, догонявшему армию – ускорить движение и прикрыть южный фланг со стороны Галича. А остальным войскам поставил задачу совершить сложный фланговый маневр на север – сдвинуться вправо и примкнуть к 3-й армии. Сделать это требовалось быстро и ночью, а уже утром атаковать врага, 8-му и 12-му корпусам нажать в лоб, но Гнилую Липу не переходить. А 7-му, на правом фланге, форсировать ее, прорвать австрийские позиции и стараться обойти противостоящую группировку, чтобы не отступила в Львов и не укрылась в его фортах.

29 августа по берегам Гнилой Липы и Буга закипело общее сражение. Местность тут была крайне неудобной для наступления – кругом болота, речушки, а все мосты и гати простреливались. Особенно тяжело пришлось 8-му корпусу Радко-Дмитриева. 24-й, который должен был прикрыть его слева, все еще отставал. Этим воспользовались вражеские части, засевшие в г. Галиче. Совершили вылазку и стали прорываться в русский тыл. Радко-Дмитриев приказал своим дивизиям загнуть левый фланг, отбивал жестокие атаки с двух сторон. Но командир 24-го Цуриков догадался выслать вперед одну бригаду, она спешила ускоренными маршами, без привалов, и все-таки подоспела, с ходу вступила в бой и оттянула на себя части галичского гарнизона.

Тяжко было и 7-му корпусу на стыке с 3-й армией. Ему предстояло расчленить боевые порядки австрийцев, он нес в атаках большие потери, но продвигался еле-еле. По сотням, по десяткам метров буквально вгрызался в оборону врага. Лишь через 2 дня он пробился к Гнилой Липе и стал переправляться через нее. Но когда его соединения перешли через реку, возник разрыв между ними и 12-м корпусом. Противник это сразу заметил и бросил в брешь значительные силы – отрезать 7-й корпус от своих. Спасла положение 12-я кавалерийская дивизия Алексея Максимовича Каледина. Этот генерал, донской казак из Усть-Хоперской станицы, проявил себя решительным и умелым начальником. Сам, без приказа свыше, выдвинул полки наперерез прорвавшимся австрийцам. Спешенная конница залегла, развернулись дивизионные батареи. Раз за разом накатывались цепи неприятеля, их встре-

чали огнем. Доходило до рукопашных. На некоторых участках отряды противника пробивались в русские тылы. На них Каледин бросал резервные эскадроны, врага давили и отбрасывали конными контратаками и продержались, пока подошла подмога, бригада пехоты.

Но уже сказывался прорыв 7-го корпуса. Он все глубже проникал в расположение австрийцев, и 1 сентября неприятель дрогнул, начал пятиться назад. Брусилов, угадав этот момент, приказал всем остальным войскам «наподдать». Его корпуса с новой силой навалились на противников, и они не выдержали. Отступление принимало все более беспорядочный характер, наши части по всему фронту форсировали Гнилую Липу и устремились в преследование, захватывали пленных, пушки, обозы. А левофланговый 24-й корпус подступил к Галичу. Город был сильно укреплен, ошетинился тяжелыми орудиями. Но гарнизон, причинивший столько неприятностей своей вылазкой, растрепали в полевых боях. Когда рухнула оборона по Гнилой Липе, защитники Галича запаниковали, и его взяли одной атакой.

Левее Брусилова наступал Днестровский отряд Певлова из 2-й сводной казачьей дивизии и пехотной бригады. 2 сентября он с ходу захватил г. Станислав (Ивано-Франковск), и казаки ринулись в рейд по тылам противника на Калуш и Стрый. Австрийцы стали отступать и перед правым соседом Брусилова, 3-й армией, она двинулась к Львову. Авиаразведка доложила, что к Львовскому вокзалу стягивается масса войск, и набитые поезда отходят один за другим. Позже выяснилось, что прорыв 8-й армии оказался очень опасным для врага. Австрийское командование испугалось, что русские захватят железнодорожный узел и отрежут их войскам пути отхода, поэтому решило оставить Львов.

Для нашего командования это было неожиданным. 3 сентября Брусилов со штабными офицерами ехал к Рузскому на совещание. Одна из машин, в которой находились полковники Гейден и Яхонтов, отстала и сбилась с дороги. Офицеры увидели, что от Львова идут крестьяне, местные русины (так называли западных украинцев). Поинтересовались: «А что, много там войска?» Им ответили: «Нема никого, все утекли». Гейден и Яхонтов сперва не поверили, но заинтересовались. Уж очень соблазнительной показалась возможность блеснуть с истинным офицерским шиком. Поехали в Львов. У предместий обогнали свои передовые части и направились к центру города. Солдат противника и впрямь не было. Полковники не отказали себе в удовольствии позавтракать в лучшей гостинице Жоржа, купили знаменитых львовских конфет и поехали обратно – докладывать.

С юга в город вступила дивизия Каледина, с севера части 3-й армии – 9-й корпус Щербачева. Его полки стали занимать пустые форты, и Рузский, узнав об этом, был очень озадачен. Приказал Щербачеву соблюдать сугубую осторожность: не приготовил ли враг какой-нибудь ловушки? Но ловушек не обнаружилось. Сражение было выиграно. Рузский за эту победу был произведен в генерал-адъютанты, его и Иванова наградили орденом Св. Георгия III степени, Брусилова – IV степени.

Из тюрем и лагерей в Галиции были освобождены десятки тысяч интернированных русских и местных жителей, арестованных за «русофильтство» (часто всего лишь за неосторожное слово). Встречали наших воинов по-разному. Русины – с искренней радостью. Они в большинстве православными и даже говорили тогда на другом языке. Офицеры с удивлением отмечали, что язык русин гораздо ближе к великорусскому, чем украинский (что не удивительно – в Поднепровье славяне смешивались с тюркскими народами, а в Прикарпатье сохранялось наречие Киевской Руси). Простые галичане воспринимали приход русских как «своих». Дружески были настроены и поляки. А враждебную позицию заняли униатская церковь, немцы, евреи. Но стрельбы в спину и перерезания телефонных проводов, как в Пруссии, здесь не было – не осмеливались.

Русские власти отнеслись лояльно ко всем категориям населения. Была создана гражданская администрация во главе с генерал-губернатором Галиции графом Бобринским, взялась за налаживание нормальной жизни края. Никаких контрибуций на взятые города не

накладывалось, репрессий не было. Свободно позволялось униатское и иудейское богослужение. Запрещались лишь антироссийские акции и призывы к ним. А для поляков великий князь Николай Николаевич издал воззвание, обещал после войны объединить русскую, австрийскую и германскую части Польши и предоставить ей автономию, поляки это восприняли с восторгом.

Первые сражения преподнесли и неприятные сюрпризы. По сравнению с прошлыми войнами, оружие значительно усовершенствовалось, и потери оказались гораздо больше, чем можно было ожидать. Медицинские структуры не справлялись с наплывом раненых. Военное ведомство и Красный Крест действовали не согласованно между собой. Тысячи раненых копились в лазаретах и на станциях – наспех перевязанные, без подстилок, на голой земле. Тревожные доклады об этом безобразии посыпались из всех армий, корпусов. Верховный Главнокомандующий тотчас предпринял решительные меры. Начальник санитарно-эвакуационной части Евдокимов, не отреагировавший вовремя на сигналы, был снят. На его место назначили принца Александра Петровича Ольденбургского, предоставив ему диктаторские права по отношению к любым, военным и гражданским службам. Он энергично взялся наводить порядок.

К помощи раненым подключились императрица Александра Федоровна, члены царствующей фамилии, на свои средства снаряжали санитарные поезда, создавали госпитали. А в Москве был создан Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым – на эти цели земцы собрали 600 тыс. руб. Набирали медперсонал, оборудовали дополнительные медицинские учреждения, транспорт. Для тех же задач возник Всероссийский Союз Городов, обе организации объединились в Союз Земств и Городов (Земгор) под председательством князя Г. Е. Львова. Царь с благодарностью принял инициативу общественности. Министерство внутренних дел предписало губернаторам оказывать содействие работе Земгору, он начал создавать фронтовые и губернские комитеты. Ситуация с пострадавшими воинами быстро выправилась.

Бои выявили и серьезное преимущество врага в тяжелой артиллерии. Но в России крупнокалиберные орудия не производились, их закупали за границей. Чтобы срочно подкрепить войска, стали снимать и отправлять на фронт орудия береговой обороны калибра 152 и 254 мм. Кроме того, нехватку крупных калибров придумали компенсировать, применять массированно обычные полевые орудия. В русской армии впервые начали формировать артиллерийские бригады, мощные соединения из 8 батарей по 8 орудий.

17. Марна

Во Франции германские войска, гоня противника, развернулись для решающего удара. Подступили к Вердену, заняли брошенный без боя Лилль, вышли к лучшей французской крепости Мобеж. Возле нее оставили один корпус, он стал ждать осадную артиллерию. 1-я армия Клюка должна была совершить глубокий обход – двигаясь от бельгийской границы, пройти мимо Парижа с запада и лишь после этого развернуться, окружая французскую столицу и выходя в тылы всему фронту. 2-я и 3-я нацеливались прямо на Париж. 4-я, 5-я и 6-я наступали восточнее, 7-я прикрывала их фланг. 24 августа 6-я и 7-я армии под общим командованием Руппехта нанесли новый удар, обрушили на французов огонь 400 орудий. Но здесь французские части держались стойко, их поддерживала артиллерия пограничных крепостей, а солдаты наконец-то начали окапываться, это сразу упрочило оборону. Положение в Лотарингии несколько стабилизировалось, и Жоффр получил возможность снимать отсюда войска.

Лотарингскую армию которую он начал было собирать на этом крыле, срочно перевозили под Амьен, на ее основе создавалась новая 6-я армия Монури. С других участков выдернули 6 дивизий, они составили армию Фоша, в неразберихе она получила 9-й номер, хотя 7-й и 8-й у французов не было. Но на перевозки и перегруппировки требовалось время. Чтобы выиграть его, Жоффр задумал задержать врага контрударом на р. Сомма, у Сен-Кантена. Пусть 5-я армия Ларензака и англичане с двух сторон зажмут углубившуюся на юг 2-ю немецкую армию Бюлова, а потом изготовится 6-я армия, врежется во фланг группировки фон Клюка.

Но уже и организовать контрудар было трудно. Ларензак протестовал, хотел отступить дальше. Жоффр сам приехал к нему и устроил скандал, угрожая судом. А англичане наотрез отказались атаковать. Их главнокомандующий Френч впал в панику, писал в Лондон, настаивал на эвакуации. Из Англии прислали подкрепление, 1,5 дивизии, но он счел их лишней обузой, придется больше войск грузить на корабли. Его штаб бежал далеко впереди своих частей. Два британских корпуса, Хейга и Смит-Дорриена, потеряли друг друга, отступали как придется.

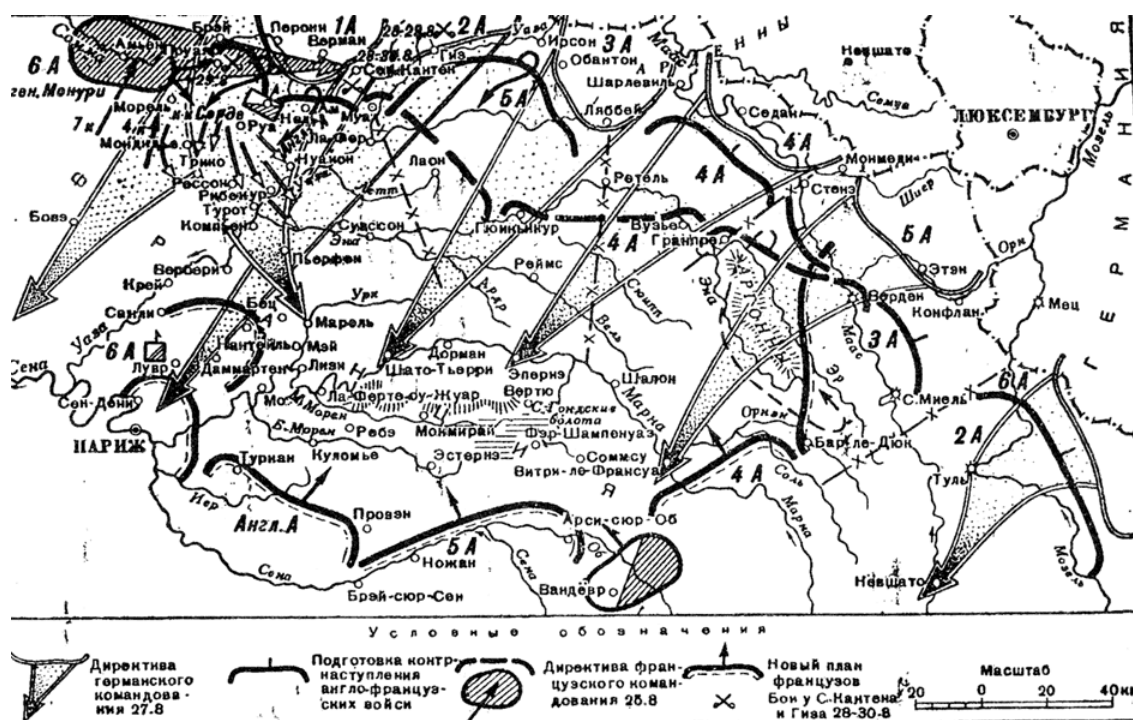
Корпус Хейга наткнулся на 2 заблудившихся германских полка и просил помощи, уверял, что «положение очень критическое». Получив это донесение, начальник британского штаба Мерэй упал в обморок, а Френч решил, будто это обход, приказал спасаться. А Смит-Дорриен случайно встретил у Ле-Като всю 1-ю германскую армию Клюка – и вступил в бой. Но и Клюка его дерзость сбита с толку. Он счел, что перед ним вся британская армия. Вместо того, чтобы прихлопнуть корпус одним махом, начал маневрировать, послал свои силы в глубокий обход. Тем временем Смит-Дорриен получил от Френча разъяснение положения, а которое он попал. Еле-еле выбрались из ловушки, бросили 38 орудий. Приказ об отходе не смогли довести до всех частей, они погибали, потери англичан достигли 15 тыс. человек. После этого отступление британцев стало вообще беспорядочным. Многие подразделения отстали от своих полков, перемешались на дорогах с французами. В Сен-Кантене 2 батальона побросали оружие и настроились ждать немцев – сдаваться. Командиры чрезвычайными усилиями уломали их не сражаться, а хотя бы идти дальше.

Во французском правительстве паника усугубилась раздорами и склоками. Министры обвиняли во всех бедах Жоффра, требовали сместить его. Для спасения страны всплыла вдруг кандидатура престарелого генерала Галлиени – когда-то Жоффр был его подчиненным. Ссоры в верхах и перемены в командовании грозили полной катастрофой, и президент Пуанкаре отправил кабинет в отставку. А Галлиени был назначен военным губернатором Парижа. Но укреплять город было поздно и бессмысленно, германская осадная артилле-

рия уже показала свои способности. Защищать Париж надо было на дальних подступах, а Жоффр не давал Галлиени войск. Заявлял: «Да какое значение имеет Париж! Потеря Парижа еще не означает конца борьбы». После долгих споров сошлись на том, что в подчинение Галлиени перейдут какие-то войска, если им придется отступить в Парижский укрепрайон.

Помочь союзникам пытались бельгийцы. Их армия предпринимала вылазки из Антверпена, но германский 3-й резервный корпус загонял ее обратно. А Англия 27 августа высадила 3 батальона морской пехоты в Остенде. Предполагалось, что сюда отойдет 30-тысячный гарнизон крепости Намюр, можно будет создать фланговую группировку, которая отвлечет на себя часть немцев. Но те, кто вырвался из Намюра, разбредались в разные стороны. В Остенде собралось всего 6 тыс. бельгийцев, совершенно деморализованных и мечтающих только об эвакуации. Через 3 дня десант отправили назад в Англию.

В эти критические дни уже сказывалось влияние русского фронта. Вместо того, чтобы наращивать ударную группировку, сотни эшелонов с германскими соединениями тянулись на восток. Но французы этого еще не почувствовали. Их 5-я армия под личным руководством Жоффра нанесла контрудар у Сен-Кантена. Не тут-то было! 2-я германская армия знала о приготовлениях и ждала ее. Опрокинула шквальным огнем и сама ринулась вперед. Французы побежали, на мостах через Уазу отступающие полки давились в пробках. Генералы металась в хаосе, стараясь остановить их, и все же повернули подчиненных на немцев. Генерал д'Эспере повел корпус в атаку с оркестром, под музыку. Французов исхлестало пулями и снарядами, но врага они отбросили и погнались.

Вторжение германских войск во Францию

Рядом находился британский корпус Хейга, он готов был помочь, противник неосторожно повернулся к нему открытым флангом. Но Френч запретил ему ввязываться в бой, велел отступать дальше. А в это же время 4-я и 3-я немецкие армии проломили французскую оборону на Маасе. Получилось, что под Сен-Кантенем контратакующие войска побеждали, продвигались на север, а справа и слева от них неприятель маршировал на юг. Чтобы не попасть в мешок, 5-й армии Ларензака тоже было приказано отступать.

А 6-я армия Монури так и не успела подготовиться к контрнаступлению. Она представляла собой «сборную солянку» из надерганных отовсюду дивизий и бригад, на нее вышли 2 корпуса из войск фон Клюка и смели ее первым же натиском. Она даже не смогла оказать серьезного сопротивления, разбитые части покатались к Парижу. Французский фронт стал распадаться. Немцы казались неудержимыми. За неделю в их руки попало 70 городов и территория, где проживало 1/6 населения Франции. Армия фон Клюка, вступив в Шантильи, оказалась в 40 км от Парижа, а ее кавалерийские разъезды в 30 км.

Напуганные известиями о германских зверствах, дороги запрудили массы беженцев. Вперемешку с гражданскими толпами, бесконечными обозами, шагали воинские части. Многие уже и сами не знали, куда они идут. Солдаты по 5 дней не видели горячей пищи, множились панические слухи. Банды дезертиров грабили деревни. Англичане бросили фронт. Френч жаждал лишь одного, поскорее убраться домой. Распорядился держаться «на значительном расстоянии от противника» и выбросить из обозов «все боеприпасы и другие предметы, не являющиеся абсолютно необходимыми». Его приказы усилили переполох. Из фургонов летели на дорогу ящики со снарядами и патронами, солдаты грузились сами, чтобы удирать быстрее.

Встревоженный военный министр Франции Мильеран упросил британского коллегу Китченера о совместном совещании и с большим трудом добился решения, чтобы англичане хотя бы отступали не на запад, к ближайшим портам, а к Парижу, вместе с французскими войсками. Штаб Жоффра тоже несколько раз перебазировался южнее. Но верховный главнокомандующий восстанавливал порядок жесточайшими мерами. Выставлялись патрули. Дезертиров, мародеров, паникеров расстреливали на месте без всякого суда. Под горячую руку гибли и невинные, просто поддавшиеся страху. Современники вспоминали, что вдоль дорог тут и там валялись трупы солдат с запиской на груди – «предатель». Один командир роты собственноручно застрелил двух командиров взводов за «пораженчество». А Жоффр за «утрату боевого духа» поснимал с должностей 2 командармов, командиров 10 корпусов и 39 дивизий. Заменял их теми, кого считал более решительными. И его железная воля, суровейшие расправы, в самом деле смогли уберечь войска от разложения.

А немцы считали, что противник уже окончательно разгромлен. Безудержно гнали вперед, чтобы выдержать график «блицкрига». Но сам план Шлиффена начинал давать сбои. Ударная группировка была ослаблена. 2,5 корпуса направили в Россию, 2 осталось в Бельгии против Антверпена и для поддержания порядка, 1 осаждал Мобеж, несколько соединений – крепость Живе. Да и в боях германцы несли серьезные потери. Изначальная плотность боевых порядков снизилась вдвое. Между армиями стали возникать разрывы. А резервов не было, приходилось маневрировать одними и теми же частями, гоняя их туда-сюда. Войска проходили по 30–40 км в день, были страшно измучены. То, что хорошо получалось на карте и на маневрах, в реальных условиях оказывалось на пределе человеческих возможностей.

Французы при отступлении портили железные дороги, телефонные и телеграфные линии. Быстро протянуть телефонную связь на дальние расстояния было невозможно, радиостанции были еще ненадежными. Армии теряли контакты между собой. Ставка в течение 1–2 суток не имела сведений о той или иной армии. Повозки застревали в пробках у взорванных мостов, а несколько десятков автомашин, с которыми немцы начали войну, сломались еще в Бельгии. Отстала тяжелая артиллерия, начались перебои с боеприпасами, некоторые части для облегчения бросали лопаты и кирки – зачем их тащить, если французы уже не боеспособны?

Отстали обозы, кухни, солдаты шли голодными. Дать им время найти и приготовить еду было нельзя: сорвется жесткий график. Единственной пищей становились сырая капуста или свекла, добытые у дороги. Набивали живот сорванными фруктами, страдали поносом. Лошадей выпускали пастись на ближайшие поля. А усталость и голод снижали скорость.

Время отнимали и обходы, задержки. Его наверстывали за счет отдыха. На ночлег колонны укладывали прямо вдоль дорог – по команде «подъем» сразу шагать дальше. На привалах люди падали и вырубались на голой земле. Бывало, что и на марше шли с закрытыми глазами, а чтобы не заснуть, пели песни. 2-я и 3-я армии двигались через Шампань, солдаты разбивали винные погреба и напивались, а офицеры им не мешали, только этим поддерживались силы. Взбадривали себя и кличем «Nach Paris!» Еще чуть-чуть, и французская столица будет наша...

1-я армия фон Клюка, раздавив слабую 6-ю французскую армию, вырвались далеко вперед. А 2-я фон Бюлова отстала, отражая контрудар у Сен-Кантена, просила соседа помочь. 30 августа в Компьене войска Клюка нашли груды имущества, шинелей, боеприпасов, брошенных англичанами. Это еще раз доказывало: противник совершенно ошалел и бежит сломя голову. Поэтому Клюку пришла идея изменить план. Не совершать дальнейший марш на юг, не обходить Париж, зачем топтать лишние 100 км? Повернуть на восток перед Парижем, выйти во фланг и тыл французским армиям, которые противостоят Бюлову и Хаузену. Окружить их и уничтожить. Правда, при этом оставались за линией окружения 6-я армия и англичане, но их уже не брали в расчет. Мольтке одобрил идею Клюка. Она позволяла сузить фронт, ликвидировать опасные разрывы между армиями. 1-я германская армия начала разворот влево.

Эпицентр боевых действий смещался в бассейн р. Сены и ее притоков. Ниже Парижа в эту реку впадает с правой стороны Уаза. Ее притоком является Эна, она образует естественный рубеж на дальних подступах к французской столице. А чуть выше Парижа в Сену впадает Марна. Она течет между Эной и Парижем, получается как бы промежуточный рубеж. Войска Клюка, перейдя Уазу, двинулись к Марне – вдогонку за англичанами, отступавшими на восток.

А Жоффр уже готов был пожертвовать Парижем. Он полагал, что с военной точки зрения это всего лишь «географическое понятие», и ни к чему разбрасывать войска на оборону. 1 сентября издал приказ армиям об отходе за Сену. Немцы рано или поздно должны выдохнуться, растянут силы, а французы передохнут за широкой рекой, придут в себя и через недельку перейдут в новое наступление. Ну а правительство Франции дошло до того, что слало в Россию вообще фантастические просьбы – срочно прислать через Архангельск прислать аж 4 корпуса.

Информация об этом просочилась в народ, по Франции и Англии поползли слухи, будто уже приехали 500 тыс. казаков. Находилось множество людей, которые «сами их видели». Дескать, они стояли на перроне на такой-то станции и сбивали снег с сапог (в августе). Но верили! А подробности насчет снега казались еще более убедительными. Один британский офицер, «лично видевший» казаков, описывал, что они одеты в «длинные ярко расшитые шинели и большие меховые шапки, с луками и стрелами вместо винтовок». Но на самом-то деле «казаков» не было, а германские самолеты начали бомбежки Парижа – всего по 2–3 бомбы в день, чтобы вызвать панику. Горожане хлынули на юг. Тайно, среди ночи, уехало и правительство. В русском и британском посольствах жгли документы. Многие политики и общественники взывали, что надо объявить Париж «открытым городом», спасти культурные и архитектурные ценности. То бишь, попросту говоря, сдать без боя.

Но генерал Галлиени готовился драться. Возводились баррикады, рылись траншеи, «волчьи ямы» с кольями против кавалерии, сносились здания, закрывающие сектора обстрела. Был реквизирован транспорт, на случай осады завозили скот – его пасли в Булонском лесу. На строительство укреплений Галлиени мобилизовал всех жителей пригородов, «даже самых старых и немощных». Нет, когда речь шла о защите государства, «свободная» Франция не церемонилась со своими гражданами. Было объявлено осадное положение, и парижская полиция произвела капитальную «чистку» тюрем и города. Бандитов, воров и

прочих преступников выгребали из камер, вывозили в Венсеннский лес и расстреливали. Ставили под дула винтовок и мужчин, и женщин, осужденных на разные сроки, только что пойманных.

У Галлиени наконец-то появились войска – к нему отступила растрепанная 6-я армия, прибыли морская бригада, дивизия зуавов (африканских стрелков). Но генерал понимал, что этого слишком мало. В возможность остановить немцев на Сене он не верил. Предсказывал, что армии, набрав инерцию отступления, не сумеют закрепиться на водном рубеже, будут легко сбиты и покатаются дальше. Он готовился не выстоять, а с честью погибнуть, и был убежден, что погибнет. Мосты и прочие важные объекты в Париже готовились к взрыву – указывалось, если враг ворвется в столицу, он должен «найти лишь пустоту».

Но стали вдруг поступать донесения, что германские авангарды повернули на восток. У убитого неприятельского офицера даже нашли карту с точными маршрутами корпусов армии Клюка. И в это... не поверили. Казалось просто невероятным, что немцы, находясь рядом с Парижем, поворачивают, чтобы пройти мимо. Однако 3 сентября авиаразведка подтвердила, армия Клюка движется на восток, подставив Парижу фланг... Галлиени загорелся. Во французской армии не допускалось ни малейшей инициативы без разрешения верховного главнокомандующего, да и сил у генерала не хватало. Он отдал предварительные распоряжения 6-й армии Монури готовиться к атаке, а сам ринулся уговаривать начальство.

Даже связаться с Жоффриом, и то было непросто. Он был настолько консервативен, что не терпел телефонов, принципиально не брал трубку и поручал разговоры мелким сошкам. Галлиени кое-как переупрямил бывшего подчиненного, со скрипом добился разговора с ним, растолковал выгоднейшую ситуацию. Жоффри тоже воспрянул, операцию назначили на 6 сентября. Тем не менее, она висела на волоске. Наличных войск в районе Парижа хватало лишь в том случае, если получится привлечь англичан, иначе нечем было закрыть брешь в боевых порядках. Но никто не знал, где находится Френч. А когда отыскиали, он отказался, приказал своим корпусам продолжать отступление. Уже 5 сентября вместо организации контрудара Жоффриу пришлось бросить все дела и на ехать машине за 180 км в Мелен, в английский штаб.

Тащился с черепашьей скоростью, стоял в пробках в потоке беженцев. Френча он застал чудом – тот уже упаковал чемоданы, чтобы перебираться еще дальше. Произошла безобразная сцена. Жоффри стучал кулаком по столу, кричал: «Господин маршал, вы рискуете честью Англии!» Лишь после этого Френч расплакался и сказал «да». Но его соединения ушли слишком далеко, могли возвратиться на фронт только через несколько дней. Вечером Жоффри подписал приказ о наступлении. Главный удар наносили 5-я, 6-я и британская армии, вспомогательные – 9-я и 3-я. Приказ был жестким: «Если случится, что какое-нибудь подразделение не сможет продвигаться вперед, оно должно любой ценой удержать свои позиции и скорее погибнуть, чем отступить». В этот же день, 5 сентября, Англия, Франция и Россия подписали договор не заключать сепаратного мира, как бы трудно не приходилось кому-то из них.

Между тем, разгорелось ожесточенное сражение на восточном фланге, в Лотарингии. Французы сняли отсюда 2 корпуса для подкрепления других направлений, и Рупп्रेхт с 6-й и 7-й германской армиями снова полез вперед, французский командующий Кастельно просил разрешения отступить. Немцы побеждали и на центральном участке фронта, взяли Реймс. К Парижу приблизилась уже не только 1-я армия Клюка, с севера навстречу ей надвигались 2-я Бюлова и 3-я Хаузена. Но в германской ставке успели разобраться – доклады о полном разложении и паническом бегстве французов преувеличены, они еще могут сражаться. Мольтке изменил задачу Клюку. Приказал защитить фланг со стороны Парижа и Марну не переходить, остановиться и ждать армию Бюлова, пристроиться к ней.

Для прикрытия со стороны Парижа Клюк выдвинул 4-й резервный корпус и кавдивизию. Но спасающиеся англичане выбросили взрывчатку, не уничтожили за собой мосты через Марну. Как было не воспользоваться? Остановиться на 2 дня – противник опомнится, займет оборону. Клюк двинул свои силы на левый берег Марны. Доложил, что сейчас важно гнать неприятеля, не давая передышки. Тем временем, немецкая авиаразведка засекла перевозку французских войск. Мольтке сделал правильный вывод, готовится контрудар. Вечером 4 сентября из ставки полетела новая директива. Указывалось на угрозу контрнаступления, 1-й и 2-й армиям предписывалось развернуться фронтом на Париж и отбить его, 3-й двигаться им на поддержку.

Эта директива чуть-чуть запоздала. Клюк получил ее по радио утром 5 сентября. 4 его корпуса уже были за Марной, шагали на восток, растянувшись на 50 км. Разворачивать их сразу же, чтобы уставшие солдаты шли тот же путь назад, командующий не стал. А вечером передовые части 6-й французской армии, выдвигаясь на исходные рубежи, нарвались на немцев. Завязались беспорядочные потасовки. Ночью Клюк принялся возвращать ушедшие корпуса. Но его приказам еще нужно было догнать соединения, им еще нужно было дошагать обратно...

6 сентября загрохотало по всему фронту. Вступили в бой все французские армии. Сам по себе фланговый удар 6-й армии Монури не принес успеха. Один лишь германский 4-й резервный корпус, оставленный на правом берегу Марны для прикрытия, отбросил ее. А дальше стали прибывать части 2-го германского корпуса, он ушел ближе всех и вернулся раньше. Уже наоборот, на Монури сыпались атаки, он с трудом сдерживал их. Теперь немцы нацелились охватить французскую группировку с флангов и раздавить ее. Клюк сосредоточил усилия на западном крыле, против Монури. А с другой стороны готовились проломить фронт 2-й и 3-й германские армии. На Сен-Гондских болотах они столкнулись с 9-й армией Фоша.

Эта армия, как и 6-я, представляла собой смесь разрозненных и уже битых дивизий. Но Фош был настроен весьма решительно, никакой обороны не строил и об окопах даже не вспоминал, отбивался яростными контратаками и артогнем. Местность тут была открытая, равнинная, и возникали жуткие поля, заваленные мертвецами в несколько слоев. Немцы наступали плотными строями, французская артиллерия накрыла их мелинитовыми снарядами, и они погибли, как шли, взводами и ротами. Но телефонов на французских батареях не было, орудия били по заранее выставленному прицелу. Когда тех же рубежей достигла своя контратакующая пехота, ее накрыл следующий шквал снарядов. И тоже погибли, как бежали, взводами и ротами. Единственным укрытием от огня были придорожные канавы, солдаты набивались туда впритирку, и при попадании снаряда канавы превращались в братские могилы.

Сражения кипели и на других участках. У Витри-ле-Франсе схлестнулись во встречных атаках 4-я французская и 4-я германская армии. Ни та, ни другая одолеть не смогли. Под Верденом 5-я германская армия навалилась на 3-ю французскую. Но ее командующий Саррайль умело маневрировал силами, гарнизон Вердена совершал вылазки, и противника остановили. А армии Руппрехта продолжали атаки в Лотарингии, они постепенно выдыхались, опрокинуть французов немцы не смогли.

7 сентября настал критический момент. К двум корпусам Клюка, дравшимся против 6-й армии, подошел еще один. Войска Монури были разбиты, он молил о подкреплениях. В Париж в этот день прибыла Марокканская дивизия. Чтобы она успела спасти положение, Галлиени мобилизовал парижские такси. 600 машин совершили по 2 рейса и перебросили бригаду, она с ходу кинулась в штыковые и отразили немцев. Повыбитую армию Фоша противник тоже смял и обходил. Возле Фер-Шампенуаза германские части Хаузена вклинились

между ней и 4-й. Фош лично поднял остатки дивизий в общую атаку и последними силами сдержал прорыв.

8 этот же день пала крепость Мобеж. Гарнизон был деморализован бомбардировкой и капитулировал. Немцам досталось 450 орудий и 33 тыс. пленных. Но главным выигрышем они считали другое – освободился 7-й резервный корпус. Германское командование писало, что это «весьма кстати. Сейчас и один корпус имеет уже значение». Мольтке понимал, что в сложившейся ситуации даже ничтожный перевес может сыграть решающую роль, начал снимать войска из Лотарингии, хотя добираться до Марны и Фер-Шампенуаза им было слишком далеко.

Французам и без того приходилось худо. Поредевшая армия Монури едва отбилась от трех корпусов Клюка, а к ним подходили еще два. От армии Фоша мало что осталось. Но сказалась именно нехватка сил у немцев. Когда Клюк послал свои корпуса на восток, они «сдвинули» в том же направлении 2-ю германскую армию. Теперь эти корпуса возвращались, и между двумя армиями возник разрыв в 35–40 км. Фон Бюлову было нечем закрыть его, он направил сюда только конницу. А 8 сентября на фронт наконец-то вернулись англичане. Вместе с частями французской 5-й армии они вошли на оголившийся участок. Перед тремя британскими корпусами была лишь кавалерийская завеса. Они вполне могли устроить неприятелю серьезный разгром, ударить по тылам Клюка или во фланг Бюлову. Британцы о такой возможности не задумались. Они продвигались чрезвычайно осторожно, с оглядкой на соседей, при каждом мелком обстреле сразу же останавливались, занимали оборону. Но само их углубление в стык между армиями разрезало германские боевые порядки.

9 сентября Клюк собрал уже все свои корпуса и обрушил на армию Монури. Готов был добить ее, а тем самым сокрушить весь левый фланг французского фронта. 6-я армия погибала, пятилась, оставляя позиции. Но в это же время фон Бюлов узнал, что англичане и 5-я французская армия далеко проникли в расположение немцев, обходят его с фланга. Он приказал своим войскам отступить. Его соседям, Клюку и Хаузену, тоже пришлось командовать отход. Три германские армии стали откатываться на север. Они были измотаны до крайности, повыбиты, держались невероятным напряжением – и отступление надломило их. Было много случаев, когда немцев брали в плен спящими. Упав где придется, они спали так крепко, что французы, находя их, не могли разбудить.

Французской армии победа тоже обошлась дорого. С начала войны она потеряла 300 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. А после битвы на Марне была в таком состоянии, что не могла наладить преследование. Но Франция была спасена. Хотя спас ее героизм не только своих солдат и офицеров. Ее спасли и русские. Тирпиц писал: «Осенью 1914 г. в главной квартире держались того мнения, что война с Францией была бы выиграна, если бы мы располагали еще двумя корпусами». Теми самыми, которые немцы вынуждены были перебросить на Восток.

Это признавали и французы. Начальник их разведки генерал Дюпон в своей книге «Германское высшее командование в 1914 г.», вышедшей с предисловием Жоффра, писал: «Воздадим должное нашим союзникам – наша победа достигнута за счет их поражения... Два корпуса сняты с французского фронта... Гвардейский резервный отнимают от армии фон Бюлова, а 11-й армейский корпус от армии фон Хаузена. Их сопровождает 8-я кавалерийская дивизия... Представьте себе, что Гвардейский резервный корпус находился на своем месте 7 сентября между Бюловом и Клюком, а 11-й армейский корпус с 8-й кавдивизией оставался в армии Хаузена у Фер-Шампенуаза. Какие последствия!...». Генерал Ниссель отмечал: «Всем нам отлично известно, насколько критическим было тогда наше положение. Несомненно, что уменьшение германских армий на 2 корпуса и 2 дивизии, к чему немцы были вынуждены, явилось той тяжестью, которая по воле судьбы склонила чашу весов на

нашу сторону». А маршал Фош делал вывод: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России».

Правда, отправленные в Пруссию войска не успели к сражению. Благодаря ошибкам Жилинского и Самсонова Гинденбург сумел разгромить 2-ю русскую армию еще до их подхода. Германские генералы потом сокрушались – эх, зачем же сняли два с лишним корпуса! На востоке и без них бы обошлись. Но при этом деликатно «забывали»: кроме 2-й, была и 1-я русская армия, она наступала и одерживала победы. Да и 2-я очень быстро восстановила боеспособность, и Гинденбург никак не смог бы их остановить без значительных подкреплений.

18. Эна

7 сентября 5-я и 6-я австрийские армии под командованием генерала Поттиорека начали второе наступление против Сербии. Но они встретили стойкую оборону, а все резервы Австро-Венгрия направляла в Галицию. Операция вылилась в тяжелые бои без каких-либо результатов. Отстоять Сербию помогали и русские. Моряки Дунайской флотилии доставляли в Белград оружие, боеприпасы, продовольствие. В составе сербской армии воевал батальон русских добровольцев, в основном, из студентов, прибыло несколько русских госпиталей.

На морях в это время во весь голос заявило о себе новое оружие – подводные лодки. 5 сентября немецкая субмарина U-21 впервые потопила боевой корабль – английский легкий крейсер «Патфайндер». 13 сентября британцы расквитались, их подлодка E-9 отправила на дно германский легкий крейсер «Хель». 14 сентября немецкие подводники уничтожили несколько русских транспортных судов возле устья Финского залива. А 22 сентября английские броненосные крейсера «Абукир», «Хог» и «Кресси» несли дозорную службу между устьем Темзы и голландским берегом. Ходили на малой скорости без каких-либо мер предосторожности. Лейтенант Веддиген на субмарине U-9 (причем устаревшей конструкции) подобрался вплотную и расстрелял их торпедами. Погибли сразу 3 корабля, 4 тыс. моряков! Это было полной неожиданностью как для британского, так и для германского командования. Рухнули все прежние теории морской войны...

На Западном фронте французы и англичане не сумели развить свой успех. Отступающим немцам еще целую неделю не удавалось закрыть разрыв между 1-й и 2-й армиями. Но их противники были измучены, дивизии поределели. Гнаться и расчлнить германский фронт им оказалось не по плечу. Шли следом потихонечку, немцы оторвались от них и заняли оборону по рекам Эна и Вель. Французские и британская армии настигли их 13 сентября, начали атаки. Три дня гремели ожесточенные лобовые столкновения, снова ручьями лилась кровь. Наконец, обе стороны выдохлись и стали зарываться в землю. В немецких ротах осталось по 50 человек вместо 300, не хватало боеприпасов. У французов и англичан дело было не лучше.

После сражений на Марне и Эне фронт сдвинулся к востоку, пространство в 200 км между позициями на Эне и морем осталось никем не занятым. Французское командование задумало обойти с запада открытый фланг неприятеля. Бросило на участок р. Уаза кавалерийский корпус и несколько пехотных соединений. Но и у немцев возникла такая же идея, обойти фланг французов, сюда уже двигались пехотный корпус и кавалерия. 16 сентября произошел встречный бой. Он длился 2 дня, атаковали, контратаковали, измочалили друг друга и принялись закрепляться на достигнутых рубежах.

Французы принялись сколачивать новую группировку, еще раз обойти фланг. Немцы занимались тем же самым. Опять грянул встречный бой и завершился «вничью». Эти операции получили название «бег к морю». Французское и германское командование снимали войска с пассивных участков, перебрасывали на западный фланг, они сталкивались в жарких схватках и, обессиленные, переходили к обороне. А командование уже готовило новый «скачок». Как немцы, так и французы спешили, кидали в бой небольшие контингенты, и победить не могли.

Из горького опыта боев всем державам пришлось делать выводы. Англичане теперь ломали головы над средствами противолодочной обороны. Французы учились окапываться. Переодевали свою армию в защитную форму, тускло-голубую. Наверстывали и отставание в тяжелой артиллерии. Причем делали это... за счет России. Министерство Сухомлинова для

собственной военной программы разместило заказы на французских заводах, и союзники прибрали к рукам готовые орудия.

Переучивались и немцы. Увеличили интервалы в атакующих цепях, перенимали у русских движение перебежками, а у австрийцев – науку обороны. Вместо отдельных окопов стали рыть траншеи, выставлять ограждения из колючей проволоки, строить не одну, а несколько позиций. Марна, тяжелые бои в Пруссии, поражения австрийцев, похоронили все германские расчеты на «веселую и освежающую войну». Потери оказались неожиданно огромными. Замаячила угроза затяжной войны, которая потребует от армии и народа еще больших жертв. Чтобы оправдать провал обещанных блестящих перспектив, нужны были козлы отпущения. Им стал Мольтке. Его отправили в отставку, а начальником штаба кайзера назначили бывшего военного министра, энергичного Фалькенгайна.

Он разработал новый план войны. На Востоке отказаться от обороны, вместе с австрийцами нанести сокрушающий удар русским. А на Западе выиграть «бег к морю», занять порты на севере Франции, пресечь перевозки из Британии, и разместить в этих портах базы субмарин и миноносцев, напустить их на англичан. Прорвать фронт предполагалось в двух местах, на приморском фланге и под Верденом – подвести «Толстые Берты», крепость падет, и во фронте образуется дыра. Фалькенгайн выискивал дополнительные силы. Объявил внеочередной призыв новобранцев, подлежавших мобилизации лишь в следующем году. Отменил льготы и отсрочки ряду категорий резервистов. Набирались добровольцы, и не только в Германии. В армию вступали многие шведские офицеры, зараженные пагнгерманизмом, приезжали американские немцы. Социалист Ю. Пилсудский создавал польские легионы. Сформировали 6 новых корпусов.

Но после того, как развеялись радужные иллюзии, требовалось каким-то образом поднять «дух нации». Дать стране не только козлов отпущения, а «героев». Германская армия одержала единственную «чистую» победу, над армией Самсонова. Через 3 недели после сражения в Пруссии о нем вдруг снова заговорили. Вспомнили, что неподалеку от места боев расположена деревня Танненберг, возле которой в 1410 г. «славяне», поляки, литовцы и русские, разгромили крестоносцев (у нас эта битва называется Грюнвальдской, а у немцев – битвой при Танненберге). Победу 1914 г. окрестили так же: «битва при Танненберге». Вот, мол, рассчитались за поражение предков! Германская пресса подняла шумиху, объявляя «Танненберг» величайшей победой в истории всех войн и народов «новыми Каннами». По городам вывешивали флаги, звонили колокола, устраивали праздничные шествия (с трехнедельным опозданием). Задирали и без того дутые цифры русских потерь – дескать, сперва плохо сосчитали. К пленным солдатам приплюсовали гражданских лиц, захваченных в начале войны в Германии, в оккупированных районах Польши, и причисленных к «пленным».

При этом на полную катушку стал раскручиваться образ народного героя – Гинденбурга, спасшего страну от «диких славянских орд». Правда, престарелый флегматичный военачальник талантами не отличался, операцией руководил Людендорф. Язвительный Гоффман, показывая гостям свой штаб, даже ерничал: «Вот здесь фельдмаршал Гинденбург спал перед битвой при Танненберге. И после битвы при Танненберге. И, между нами говоря, во время битвы при Танненберге». Но в газетах этого, разумеется, не писали. Для сентиментального немецкого обывателя очень уж хорошо подходил в качестве кумира «дедушка Гинденбург» – мужественный и мудрый, ворчливый и грубоватый. Был создан настоящий культ Гинденбурга. Ему ставили памятники и бюсты, присваивали почетные степени университетов, в его честь переименовывали улицы, городки. К нему пошли потоки писем, ехали делегации, а школьникам задавали сочинения на тему «Любимый добрый Гинденбург».

Корректировались и прочие пропагандистские установки. Изначально провозглашалось, что Германия вступила в войну благородно и бескорыстно, только для того, чтобы спасти Австрию. Но австрийцам не помогла. А жертвы получались слишком большими, стоило

ли класть столько жизней за интересы союзницы? Внедрялось иное разъяснение – речь идет о самом существовании Германии, которую взяли «в окружение» Англия, Россия и Франция. Ну а для избранных, для деловых и политических кругов, были отброшены маски бескорыстия. Канцлер Бетман-Гольвег представил промышленникам, банкирам, партийным лидерам и депутатам рейхстага «Памятную записку о целях войны».

Предусматривалось уничтожить Францию как великую державу, Англию лишить флота, отобрать у нее Индию и Египет. Указывалось, что Россия должна была «изгнана из Европы» и «надломлена», чтобы никогда «славянская угроза не нависала над Европой». К Германии присоединялись Бельгия, Люксембург, переходили французские шахты, железные дороги, часть промышленности. От России отчленились Прибалтика, Финляндия, Польша, Кавказ. В результате возникнет «Срединная Европа». К ней «будут присоединены постепенно» Нидерланды, Швейцария, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Италия, Румыния, Болгария, она включит в себя «Австрию как опосредованный протекторат». Запад и Восток должны будут подчиниться «Срединной Европе», а «Юго-Восточная Европа окажется лежащей у наших дверей культурной колонией».

Более детальные разработки правительство поручило фон Шверину и видному теоретику Науманну. Они считали главной задачей «расчленение России и отбрасывание ее к границам, существовавшим до Петра I с последующим ее ослаблением». «Россия должна быть отброшена назад настолько далеко от германской границы, насколько это возможно, а ее доминирование над нерусскими вассальными народами должно быть сокрушено...», а государства Западной, Центральной, Северной Европы надо объединить в «экономическую ассоциацию», где они формально сохраняют самостоятельность, «но на практике будут находиться под германским руководством».

Германским олигархам проекты очень понравились. Тиссен и Ассоциация промышленников Рура на всякий случай уточняли, чтобы правительство ничего не упустило: «Россия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа». Руководители партий и общественных организаций тоже были удовлетворены. Вот теперь все стало четко и понятно – ради чего идет война. Цели были солидными, уважительными, вполне оправдывали и жертвы, и затраты, и лишения народа.

19. А что такое «цивилизация»?

В литературе нередко встречается противопоставление гуманных и благородных «цивилизованных людей» и коварных, жестоких «дикарей». Так ли это? Да и вообще, что такое – цивилизация? В XIX в. на Западе возобладали масонские теории о грядущем торжестве разума. Внушалось, что просвещение, развитие науки и техники приведут человечество к изобилию всех благ, а тем самым решатся все проблемы. Не будет голодных, нищих, и исчезнут преступность, социальные конфликты. Народам не из-за чего будет воевать. Вмesto труда ради хлеба насущного люди смогут предаваться искусствам, культуре, философии. Настанет эпоха всеобщего счастья...

Но «прогресс» разума шел за счет разрушения Веры. Ну а как же, разве рационально верить в Бога, в чудеса, тратить время и силы на молитвы, посты, церковные службы? И как-то так получалось, что последствия «прогресса» становились далекими от благих утопий. Скорее, обратными. Накопление богатств вело не к общему счастью, а к всесилию финансовых тузов. Преступность не снижалась, а росла. Войны не прекращались. Искусство и философия вырождались в извращенные формы. Но это как раз и было торжеством человеческого разума. Если можешь хапнуть дополнительные богатства, зачем же стесняться? Если хочешь ограбить ближнего или другую страну, почему бы и нет?

Материальный расцвет сопровождался духовным упадком. Тем не менее, «цивилизованный» человек видел себя неизмеримо выше «диких». Разве он не ценнее их – образованием, культурой, или хотя бы принадлежностью к «цивилизованной» нации? А чтобы обосновать свое превосходство (и колониальную политику), множились мифы о «культурных» людях, идеальных рыцарях, и свирепых «варварах». Кстати, русских тоже не причисляли к «цивилизованным». Мы уже видели, как британский офицер представлял себе казаков с луками и стрелами. Но дело было не в луках и стрелах. Россия еще сохраняла духовные устои, стержень Православия. А это раздражало Запад, было для него «диким». Власти нашей страны пытались противодействовать губительным влияниям – это еще больше раздражало. Объявлялось нарушением «свободы» (разрушать Россию). И в потоках информационных войн нагромождались мифы о «русском рабстве», «отсталости», «варварстве». Исключение делалось для космополитизированной интеллигенции, которая тянулась к западной культуре и «свободам». А русский народ – увольте, куда ему!

В Англии даже нравственность подменили наукой. Чтобы девочки вели себя пристойно, в состоятельных семьях их подвергали операции, удаляли клитор, отсюда и холодная чопорность британских дам. А на разврат и проституцию среди бедноты закрывали глаза, она же «некультурная». В Германии нравственность подменили идеологией. Внушали, что долг немцев – быть хорошими супругами и плодить кайзеру солдат. Во Франции поступили еще более рационально, просто снимали моральные барьеры. На сценах парижских театров уже прыгали полуголые (но еще не голые) актрисы. А если нужно совсем «без ничего», в ларьках свободно продавали открытки, журналы. Как раз такая культура соблазняла и русских интеллигентов. Это тоже было торжеством разума. Зачем отказывать себе в удовольствиях, если они естественны? Или противоестественны, но на то и нужен разум, чтобы изобретать что-то особенное.

Разум открывал дорогу и жестокости. Первые концлагеря придумали не папуасы, не индусы, не русские. Их учредил во время англо-бурской войны британский фельдмаршал Китченер. Буры развернули партизанскую борьбу, и англичане принялись уничтожать их поля, скот, селения, а жителей сгоняли за колючую проволоку. Это объявлялось не наказанием, а «превентивной мерой», чтобы буры не помогали воюющим сородичам. В лагерях оказались одни женщины, дети, старики – все боеспособные мужчины сражались. Только

по официальным британским данным от голода и болезней умерло 20 тыс. человек. Буры насчитывали куда больше. Китченера никто и не думал наказывать, чествовали как победителя.

Но германская армия в данном отношении переплюнула других «цивилизованных». В ней жестокость внедрялась целенаправленно, подкреплялась солидной теоретической базой. Еще Клаузевиц ввел в свое учение о войне «теорию устрашения». Писал: «Нужно бороться против заблуждений, которые исходят из добродушия». Доказывал, что мирное население должно испытывать все тяготы войны – и оно начнет давить на свое правительство, чтобы согласилось капитулировать. Эти доводы подхватил Шлиффен. А в 1902 г. германский генштаб издал «Kriegsbrauch im Landkriege», официальный кодекс ведения войны. В нем разделились принципы *Kriegsraison* – военной необходимости, и *Kriegsmanier* – законы и обычаи военных действий. Подчеркивалось, что первые всегда должны стоять выше вторых.

Еще не было работ Гитлера, Геббельса, приказов Кейтеля и Гиммлера, но уже существовали труды Ницше. Некоторые современные ученые склонны величать его выдающимся философом, протестовавшим против «ханжеской морали». Внесем уточнение – против *христианской* морали. Труды душевнобольного Ницше были антихристианскими. Евангельские заповеди выворачивались наоборот. «Война и смелость творит больше великих дел, чем любовь к ближнему», «добей упавшего», «отвергни мольбу о пощаде», «идя к женщине, возьми с собой плеть»... В Германии начала XX в. теории Ницше были очень популярны. Его книгу «Так говорил Заратустра» частенько находили в офицерских сумках, солдатских ранцах.

А террор на оккупированных территориях признавался необходимым из чисто рациональных соображений. Действуя по плану Шлиффена, немцы не могли оставлять в тылу крупных сил. Значит, надо было сразу же запугать население, чтобы оно и думать не смело о сопротивлении. Были заранее отпечатаны большими тиражами листовки, угрожающие смертью за порчу дорог, линий связи, за спрятанное оружие, укрывательство солдат противника. Объявлялось, что в случае «враждебных актов» деревни «будут сожжены», а если таковые произойдут «на дороге между двумя деревнями, к жителям обеих деревень будут применены те же меры». Листовки расклеивались передовыми частями во всех селах и городах.

В русской Польше немцы вошли в г. Калиш, наложили на него контрибуцию и взяли 6 заложников до ее уплаты – православного священника, 2 католических ксендзов, раввина и 2 купцов. Деньги внесли немедленно, но заложников все равно казнили, а ночью 7 августа по неизвестной причине германская артиллерия открыла огонь по жилым кварталам, выпустила 423 снаряда. Очевидец писал: «Картина Калиша после бомбардировки была ужасна, на улицах валялись сотни трупов... Немецкие солдаты арестовывали все мужское население и угоняли на прусскую территорию». Примерно то же – расстрелы заложников, грабежи, захват мужчин как военнопленных, происходило в Ченстохове и других местах, куда вступили немцы.

В Бельгии, как и в Польше, партизанского сопротивления не было. Наоборот, правительство предписало своим гражданам безоговорочно подчиняться оккупантам, чтобы не дать повода к репрессиям. Но немцы злились. Они надеялись промаршировать эту страну без выстрелов, а пришлось вести бои. Их задерживали мосты, тоннели и дамбы, взорванные отступающей бельгийской армией. Начали отыгрываться на мирном населении. Предлог придумали сами: объявили, будто сопротивление существует. В первый же день вторжения стали расстреливать католических священников, якобы организующих борьбу, хватали других жителей. 4 августа перебили заложников в Варсаже, сожгли деревню Баттис. Разрушили г. Визе – часть жителей расстреляли, 700 человек угнали на работу в Германию.

Командование об этом не только знало, но и требовало таких действий. Мольтке писал Конраду: «Разумеется, наше наступление носит зверский характер, но мы боремся за нашу

жизнь, и тот, кто посмеет встать на нашем пути, должен подумать о последствиях». В приказах ставки и командующих армиями предписывались «жестokie и непреклонные меры», «расстрел отдельных лиц и сжигание домов». Но и сами по себе эти приказы раздували истерию. В войсках шли слухи о «бельгийских снайперах». Пикетам что-то чудилось, они палили среди ночи, а их выстрелы приписывали «снайперам», и катились репрессии. Их масштабы нарастали. По приказу фон Клюка сперва части его армии брали в каждом населенном пункте 3 заложников, судью, бургомистра и священника. Потом командующий предписал брать по 1 человеку с каждой улицы. Потом по 10 с улицы. 19 августа в Аэршоте казнили 150 человек. После массовой расправы был сожжен г. Вавр.

Командующий 2-й армии фон Бюлов вел себя аналогично. В Льеже было вывешено его объявление, что население Анденна «наказано с моего разрешения как командующего этими войсками путем полного сожжения города и расстрела 110 человек». Его части устроили бойню в Тамине, в Белгстуне казнили 211 человек, в Сейле – 50. В Тилине учинили грабеж и пьяную оргию, на второй день население согнали на площадь и открыли огонь, раненых добивали штыками – погибло 384 человека.

Приказ командующего 3-й армии фон Хаузена требовал карать за любое проявление непокорности «самым решительным образом и без малейших колебаний». Иногда его войска даже не трудились назначать заложников, а собирали жителей деревни или городка и, в зависимости от настроения, расстреливали каждого десятого, второго или всех. Хаузен считал преступлением саму «враждебность бельгийского народа». Граждан Динана он обвинил в том, что они «мешали восстановлению мостов» (их заставили чинить мосты, а они плохо работали). Согнали в центр города всех, кто не догадался сбежать. Хаузен приехал лично, позже без всякого смущения пояснял – дескать, почувствовал, что от горожан «исходила неукротимая враждебность», и он решил их «наказать». Мужчинам велели отойти на одну сторону площади, а женщинам и детям на противоположную, встать на колени лицом друг к другу. Между ними вышло две шеренги солдат и открыли огонь, одна по мужчинам, другая по женщинам. Потом было опознано и погребено 612 тел, от стариков до трехнедельного младенца Феликса Феве.

Намюр был большим городом, после его взятия Гвардейский резервный и 11-й германские корпуса взяли по 10 человек с каждой улицы, прокатились массовые расстрелы. Но особую известность получило разрушение Лувэна. Этот чистенький старинный городок стратегического значения не имел, славился лишь памятниками архитектуры и уникальной библиотекой, хранившей тысячи средневековых рукописей, редчайших книг. Части 1-й армии Клюка вошли в него без боя, как обычно, взяли заложников. Потом якобы кем-то был ранен солдат, 25 августа их расстреляли. Но в этот же день бельгийская армия предприняла вылазку из Антверпена, некоторые немецкие подразделения обратились в бегство и ударили до Лувэна. Возникла паника, солдаты палили кто куда, попадали и друг в друга. Все это свалили на «снайперов», и на город обрушилась кара.

Такая же, как в Вавре, Визе, но Лувэн расположен рядом с Брюсселем, оттуда прибыли журналисты нейтральных стран. Повсюду чадили пожары. Пьяные солдаты, ошалевшие от вседозволенности, шли от дома к дому, выгоняли жителей, грабили и поджигали. Один стал захлеб орать корреспонденту: «Мы разрушили три города! Три! А будет еще больше!» На глазах журналиста нью-йоркской «Трибюн» расстреливали женщин и священников. Мечущихся в ужасе людей походя, между делом, кололи штыками, проламывали головы прикладами.

Разразился международный скандал, посыпались официальные протесты, президент США Вильсон озабочился судьбой знаменитой библиотеки. 28 августа Лувэн посетили американские, шведские и мексиканские дипломаты. Они застали жуткие картины. Библиотека уже погибла, город полыхал, от пожаров накалились мостовые. Везде валялись трупы. Ино-

странцы отметили, что многие женщины и маленькие девочки лежали обнаженные или в порванной одежде, с явными следами, чем занимались с ними перед убийством. Немцы принялись оправдываться. Полетела инструкция послу в Вашингтоне: разъяснять, что «Лувэн был наказан путем разрушения города» за преступления самих жителей. Кайзер направил послание Вильсону, уверял, будто его «сердце обливается кровью» по поводу страданий Бельгии «в результате преступных и варварских действий бельгийцев». Германский МИД выпустил коммюнике в том же духе, а по поводу надругательств уклончиво заявлял, что «женщины и девушки принимали участие в стрельбе и ослепляли наших раненых, выкалывая им глаза».

Зверства продолжились и во Франции. Здесь почти все крестьяне держали дробовики для охоты на зайцев, портящих виноградники. Но было объявлено, что ружья им «присланы из Парижа», чтобы стрелять в спину кайзеровским солдатам. Стали хватать даже тех, кто добровольно сдавал оружие. Террором отметились все командующие армиями. Части 4-й армии герцога Вюртембергского учинили расправу в Бразейле. Войска Хаузена сожгли Рокруа. По приказу Клюка перебили заложников в Санлисе. По приказам командующего 5-й армии кронпринца Вильгельма – в Монмеди, Этене, Конфлане. В полосе Руппрехта казнили эльзасцев и лотарингцев, которые имели неосторожность радостно встретить французов. Сожгли деревню Номени, 50 жителей расстреляли и перекололи штыками.

Право распоряжаться жизнями распространялось и на командиров батальонов, рот, эскадронов. Немецкий офицер фон Блом писал, как о чем-то обыденном: в любом населенном пункте, где останавливалось их подразделение, он «от каждого двора по приказу ротмистра фон Клейста брал по мужчине, а если мужчин не было – то женщин». Когда чудились какие-то враждебные действия, «заложников казнили». Кстати, упомянутый фон Клейст прославится уже в следующей войне. Дослужится до фельдмаршала, будет командовать группой армий и закончит жизнь в тюрьме как военный преступник. А в Гвардейском резервном корпусе, расстрелявшем множество жителей Намюра, служил адъютантом полка лейтенант Манштейн, еще один будущий фельдмаршал и военный преступник, известный злодеяниями на Украине и Юге России. Опыт таких акций они приобретали еще в Первую мировую...

Но при всем при том германская пропаганда подняла грандиозный хай о... «русских зверствах». Газеты взахлеб стращали читателей, как русские режут всех подряд, жгут, секут кнутами. Статьи порождали кошмарные слухи, а потом эти же слухи обратным эхом тоже попадали в газеты. Особо смаковали «животную похоть» – уверяли, что русские поголовно насилюют женщин, включая старух. На митингах добродетельные немки под общие аплодисменты давали клятвы удавиться или отравиться, но не даваться в лапы «чудовищам». «Диких казаков» объявили даже людоедами – дескать, любят лакомиться детским мясом. И верили! При вторжении 2-й армии в Омалеффе некая дамочка с ребенком встретила на улице оренбургских казаков, упала перед ними в слезах и что-то лопотала. Те не могли понять в чем дело, но подошел офицер и перевел – она умоляет не кушать ее киндера, а если казакам очень уж хочется человечинки, пусть лучше кушают ее саму, она согласна. Пораженные оренбуржцы плюнули от эдакой мерзости и пошли прочь.

Да, реальные факты несколько расходились с пропагандой. Приказы русских командующих были очень не похожи на распоряжения Клюка или Хаузена. Например, приказ Брусилова при переходе границы гласил: «Русская армия не ведет войны с мирными жителями, русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности не принадлежал, не враг, а защитник... Я выражаю глубокую уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирными жителями и не осрамит имя русского солдата. С мирным населением каждый из нас должен обращаться так же, как это было бы в родной России».

Брусилов в своих воспоминаниях не скрывает, что в Восточной Галиции были случаи грабительства, мародерства – в семье не без урода. Но командиры всех рангов вели разъяснительную работу, а преступников предавали военно-полевому суду и расстреливали, и к моменту вступления в Западную Галицию подобные безобразия удалось полностью искоренить. Никаких заложников русские войска не назначали. Были, правда, настоящие, а не выдуманные противники. Во Львове попался ярый враг России униатский митрополит Шептицкий. Его всего лишь взяли под домашний арест. Потом и совсем освободили под честное слово не вести антироссийской агитации. Он слово не сдержал, в проповедях открыто возбуждал паству против «москалей». И что же, казнили? Нет, сослали. Не в Сибирь, а в... Киев. Позже он выставлял себя мучеником, пострадавшим от «схизматов», а русофобскую деятельность продолжал еще долго, был одним из идейных вдохновителей бандеровцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.